

ГОД ПОЭЗИИ *2024*

Київ

Архиварський дівір Олеса Федорова
2024

УДК 821.161.1-1+82(082)

Г59

Г59 ГОД ПОЭЗИИ. — К. : Друкарський двір Олега Федорова, 2024. — 620 с.

ISBN 978-617-8477-51-6

Третий том ежегодника «Год поэзии» снова объединил более 100 авторов из разных стран.

«Все мы говорим и пишем по-русски, на языке, опозоренном захватчиками... Лишь неопозоренное слово переживёт и нынешний позор, и крошечный ад.» (Анатолий Либерман)

Мы гордимся тем, что эта антология уже в третий раз выходит в Киеве. О чём бы мы ни писали, сердца и стихи тех, кто не может молчать, со всех концов света — на стороне сражающейся Украины.

УДК 821.161.1-1+82(082)

© «Друкарський двір
Олега Федорова», 2024

© Виктор Фет. Составление, 2024

ISBN 978-617-8477-51-6

© Обложка работы Николая Сологуба

ГОД
ПОЭЗИИ

2024

СЛАВА УКРАИНЕ!
ГЕРОЯМ СЛАВА!

СОДЕРЖАНИЕ

Виктор Фет. От составителя	10
--------------------------------------	----

ПОЭЗИЯ	13
------------------	----

Анна Германова	14
Виктория Николаева	17
Андрей Костинский	22
Вадим Гройсман.	30
Лия Чернякова	33
Марья Васильковская	39
Ирина Батальская	45
Андрей Теплов	50
Дина Меерсон.	55
Людмила Некрасовская	60
Павло Козленко	65
Борис Сулович	69
Лилия Бондаревич-Черненко.	73
Николай Почтовалов	79
Алекс Щегловитов.	84
Борис Камянов	88
Вера Павлова	94
Вячеслав Рассыпаев	98
Нина Гейдэ	103
Яна Кане	108
Виктор Каган	113
Ирина Юрчук	117
Наталья Савина	122
Анатолий Берлин	126
Саша Немировский	131
Андрей Костюченко	138
Анатолий Либерман.	143

Эмилия Песочина	147
Игорь Хентов	153
Виктор Есипов	160
Александр Ратнер	165
Наталья Филиппова	170
Ребекка Левитант	174
Олег Шварц	181
Николай Лобанов	188
Сергей Плышевский.	193
Эдуард Маркович	208
Виталий Амурский	213
Ильдар Ахметсафин	218
Виктор Мартыненко	221
Ольга Зверева	225
Слава Гауфберг	229
Сергей Кодес	234
Ася Григорян	240
Марина Тюрина Оберландер.	244
Борис Херсонский.	249
Олег Голодный	254
Георгий Садхин	259
Ксения Кириллова	276
Дмитрий Гаранин	281
Ирина Карпинос	286
Анатолий Лемьш	291
Ольга Агур	295
Марина Охримовская	301
Елена Бияк.	307
Дмитрий Бобышев	311
Саша Казаков	318
Григорий Яблонский	323
Олег Максименко	324
Галина Зелевинская	328
Игорь Джерри Курас.	332
Ариэла Марина Меламед	343

Палад.	347
Ирина Рыпка	352
Раиса Резник	357
Ханох Дашевский	362
Ирина Хенкина	366
Василий Кольченко	371
Сергей Яровой	377
Максим Коровниченко	379
Борис Точильников	384
Ольга Шенфельд	389
Валентин Емелин	394
Анна Стреминская	399
Людмила Лурье	403
Ирина Сапир	423
Гари Лайт.	427
Андрей Гущин	434
Светлана Жукова	438
Семён Патлис	442
Михаил Троепольский.	447
Екатерина Чайковская.	452
Александр Чайковский	457
Юрий Диденко	466
Михаил Бриф	471
Денис Голубицкий	476
Нина Косман	480
Инна Рывкина	484
Галина Ицкович.	487
Дина Березовская	491
Елена Зимовец	501
Григорий Оклендский.	506
Эллайда Трубецкая	512
Татьяна Аист	517
Игорь Михалевич-Каплан	520
Зоя Полевая.	532
Ян Пробштейн	535
Марина Генчикмахер	541

Анна Гальберштадт	546
Влад Толмачёв	552
Юлия Немировская	556
Виктор Фет	560
Марина Эскина	567
Олег Никоф	572
Давид Поташников	575
Евгения Босина	578
Ирина Евса	583

КРИТИКА, ОЧЕРКИ, ВОСПОМИНАНИЯ

Анатолий Либерман. «Год поэзии 2023»	198
Борис Суслович. «Год поэзии 2023»: слова крика и слова молчания	265
Борис Суслович. «До кромки ледяной»: о книге Давида Поташникова «Мойры».	338
Давид Поташников. Одинокiй Скиталец. О Вениамине Блаженном (Айзенштадте) (1921–1999)	409
Михаил Эпштейн. Закон поэтического тяготения, или Одинокiй сильный голос. О Евгении Дубнове	462
Андрей Грицман. Отказ от стихов?	496
Григорий Яблонский. «Сильнее страсти, больше, чем любовь».	526

IN MEMORIAM 591

Аркадий Штыпель (1944–2024)	592
Елена Фанайлова. Памяти Аркадия Штыпеля	592
Игорь Померанцев. «Мир раскололся...».	600
Бахыт Кенжеев (1950–2024)	602
Игорь Михалевич-Каплан. Памяти поэта Бахыта Кенжеева	602
Галина Ицкович. Памяти Бахыта Кенжеева: Смерть как самоцитата	609
Давид Сеглевич (1950–2024).	612

От составителя

«Третий год за окнами лишь февраль» (Ксения Кириллова).

Третий том ежегодника «Год поэзии» объединил более 100 авторов разных поколений из разных стран.

«Все мы говорим и пишем по-русски, на языке, опозоренном захватчиками... Лишь неопозоренное слово переживёт и нынешний позор, и кромешный ад» (Анатолий Либерман).

Не у одного меня, а у очень многих — чёткое ощущение, что язык этот схлопывается вместе с цивилизацией, его породившей, и «русский мир» похоронит его под своими обломками.

Общего прошлого, общей культуры на этом, унаследованном нами, языке больше нет — они рассыпались.

Но есть совесть, память, любовь, ненависть, надежда, вера в победу — в Украине, в Израиле, везде, где идёт ныне битва с адским злом.

«Живём мы в глобальном мире. ...Поэт находится в радиационном поле событий» (Андрей Грицман).

Наш долг и цель — увидеть растерзанный мир из неясного будущего, для себя и для других собрать и сохранить то, что удалось записать в 2024 году, за третий год русско-всемирной войны.

«Сегодня никому не приходит в голову, что стихи могут спасти мир. Но дать подробную, ошеломляющую картину гибнущего мира — могут» (Борис Сулович).

Мы гордимся тем, что эта антология уже в третий раз выходит в Киеве.

О чём бы мы ни писали, сердца и стихи тех, кто не может молчать, со всех концов сжавшегося от боли света — на стороне сражающейся Украины.

«В этом и состоит предназначение поэзии: заполнять расширяющуюся и всё более пустеющую вселенную теми голосами, которые могут озвучить её от края до края и отозваться друг в друге.» (Михаил Эпштейн).

Смерть рашистским оккупантам!

Слава Україні!

Виктор Фет

Западная Виргиния, США

24 декабря 2024

ГОД ПОЭЗИИ 2024

ПОЭЗИЯ

Анна ГЕРМАНОВА

Замыкание

*Но равнодушно и спокойно
руками я замкнула слух.*

Анна Ахматова, 1917

Товарищ, всё. Я уезжаю.
Ты остаёшься в том краю,
где неизбежно кровь чужая
падёт на голову твою,
где зло не машет кулаками —
спускает по следам собак,
и слух замкнуть себе руками
не получается никак,
где сердце застывает камнем
и тащит медленно на дно.
Я знать не ведаю, куда мне,
но не с тобою заодно.
Опять звезда ведёт на бойню,
и на последнем рубеже
ни равнодушно, ни спокойно
не замыкается уже.
Товарищ, бди. Когда страна
сама себя порвёт на части,
то на останках Софьи Власьны
и на обломках полусвастик
проступит слово пацана.
2024

Тромб

*Россия съела меня,
как глупая чушка своего поросёнка.*

Александр Блок, 1921

Кто не вышел рылом — того порвало.
Свинья матушка* роет поглубже ров,
по посадкам рыщет и по подвалам,
чтобы всё как мы любим, без дураков,

чтобы жрать отродье своё без счёта
и наваливаться на чужих детей,
отвлекаясь нехотя на работу
по сокрытию трупов и их частей.

Этот образ в литературе главный
и в истории прочих духовных скреп.
Загребает всё, а своё — подавно,
или в хлев затаскивает, или в склеп.

Задавить до смерти — не баг, а фича.
Свинья матушка лезет из разных мест
и времён, и скоро менять обличья
ради призрачных целей ей надоест.

Всё несёт, что ещё и не начинала,
и несёт мегатонны ракет и бомб,
гекатомбы тел, городов завалы.
Где-то там запотело её забрало,
а вот здесь у неё оторвался тромб
и пошёл по ней, и её не стало.

2024

* «Свинья матушка» — один из очерков Мережковского, включённый в сборник «Россия больная» (1910).

Поминание

Я научилась вам, беззвучные слова:
Ирпень, Гостомель, Бородянка, Буча.
Немеет мой язык и слух измучен,
а тело брошено в канаве истлевать.
Я дальше не пойду, останусь здесь навек
добычей псов, горелым мясом в танке.
Ирпень, Гостомель, Буча, Бородянка,
ни в вашем воздухе, ни в водах ваших рек,
ни в чёрной пахоте, ни в мареве морей
отрава наших тел не растворима.
Каким бы не маячил Третьим Римом
взошедший на костях Четвёртый рейх, —
в нём нет ни всадников последнего суда,
ни эллина в нём нет, ни печенег.
Здесь только те, что сквозь коросту снега
не видят свежих ям в разбитых городах,
не помнят тысяч трупов обгорелых,
зарытых наспех между двух обстрелов,
и смрада трупного, и смертного стыда.
Мне не уйти от этого огня.
Христа помянешь — помяни Иуду.
Ирпень и Буча, вы теперь повсюду.
Помянут вас — помянут и меня.

2022

Виктория НИКОЛАЕВА

Нет спасения

Это такая доля:
Война, сумá и неволя.
Это такая жизнь — сгусток кровавый боли.

Вот я, Господи, вот! А это чужой мой дом.
Когда-то были параграфом всего лишь, Гоморра — Содом...

Когда-то читала истории я грехопаденья, войны...
Как без вины виноватые несли вериги вины.

Это такая доля.
Война, сумá и неволя.
Это такая жизнь — сгусток кровавый боли.

Вот я, Господи, вот! И моя чужая квартира.
Не можешь Ты изменить, может быть вызвать мессира?

Там, далеко где-то остались квартиры три...
От дома мы все далеко, дом рубцом в сердце, внутри.

Это такая доля.
Война, сумá и неволя.
Это такая жизнь — сгусток кровавый боли.

Просто побудь со мной, любовь, пока я не ушла.
Я твои города сердцем здесь обошла.

ПОЭЗИЯ

Боль мою, если можешь, тихо заговори,
Мой родной, дорогой, приходи, на меня посмотри!

Просто приходи ко мне, молча прижми к себе.
Это такая карта выпала нам по Судьбе.

Это такая доля:
Война, сумá и неволя.
Это такая жизнь — стусок кровавый боли.

Но ни тебя, ни Господа, и никакого мессира.
Украина, Израиль насмерть, ... жизнь беспросветна и сира.

Любовь никого не спасёт:
от служки до командира...
Любовь на себя не берёт,
не сотвори кумира!

Это такая доля.
Война, сумá и неволя.
Это такая жизнь — стусок кровавый боли.
3 сентября 2024

Беженцы — это мы

Такие жалкие улыбки, такие нежные слова,
такие робкие попытки, такие скудные права.
И в этих рощах апельсиновых, и в рощах с сытными оливами
Мы как лампы негасимые, как брачный одр с нелюбимыми.

В жару, в чаду, в прощальных всхлипах, в рыданиях до полуночной.
Мы думали, всё обратимо, и мы вернёмся, это точно!
По миру бrenному разбросаны, мы думали, что скоро встреча,
И наши самые любимые однажды руки нам на плечи

положат, бросят, крепко свяжут
И скажут взглядом, мол, не вечер...
И музыка в саду хрустальная, и словно свечи,
по небу месяц молодой с двумя рожками,
Не потерять бы нам друг друга меж бережками!

Не захлебнуться бы друг в друге нам от счастья,
Но тщетно всё, одна беда, и, сплошь, ненастье.
И дом чужой, и сад чужой, чужие речи,
И не укутать нам в шелка на праздник плечи.

И если кто обнимет нас, всё случай жалкий!
Карета в тыкву каждый раз, в колёса — палки.
— А праздник что? — Да ничего, судьбы капризы!
И если даже на балу... Так, антреприза!

Неловко как-то, вот и всё — всё стало болью,
И сад, и роща, мы в раю, в раю — неволя.
И рифмы хрупкие слова не виноваты,
И женщин некому любить, все сплошь солдаты.

Так это дома, далеко, а здесь всё хуже.
И только прошлое стучит в окно, спешит на ужин.
И каждый знает про себя, что он не нужен.

13 июля 2024

Мой сад

*За этот ад,
За этот бред,
Пошли мне сад
На старость лет.*

М. Цветаева

— Дорогая, уже никак не до сада.
А тебе его и вовсе не надо!
Обустроить внутри бы крошечного ада,
В сердцевине себя с поплавком гнездо.
С таким, знаешь, чтоб не пускал на дно.

— Дорогая, ну что ты хочешь? Это наша теперь реальность.
Ты прости меня за такую тональность,
Но в это непростое, неоднозначное время
Не выдумывай себе непосильное бремя.

— Был сегодня рассвет, пламенел закат?
— Он тебе намекнул, что чуть-чуть виноват?
— Твои щёки пылали, когда он позвонил?
— Вот и всё, этот миг был!

— Дорогая, ну подумай сама, зачем тебе сад?
На него ты истратишь сорок зарплат,
Ты отдашь всю себя до последней капли,
И опять — на новые грабли.

И опять документы, сумка, рюкзак...
— Вы хотите деревья с собой? — Невозможно никак!
— Вы хотите кошку, щенков, цветы?!
— Нет ни скромности, ни простоты!

— Дорогая моя, твоя жизнь налегке.
И пульсирует боль в твоей левой руке.
Это сердце всем подаёт так сигнал,
Кто любовь и разлуку познал.

— Вот ты вспомни сама, как мечталось о том,
чтобы дети и муж, и работа, и дом...
— Получилось, скажи? — Ну, а что потом?
— Ваша жизнь вся пошла кувырком.

— Дорогая моя, ну зачем тебе сад?
Ты же видишь сама, сейчас время утрат.
Ты себя сохрани, без ненужных затрат.
И его не кори, в чём же он виноват?

Ему тоже нужно себя сохранить.
И не нужно в этом его винить.
А сады прорастают внутри, так и быть!
Вы пришли для того, чтоб любить.

И лавиной любовь, и цветёт внутри сад!
Никакого подвоха, никаких засад.
Ты запомни одно: после горьких утрат
Хоть немного любви и наград.

8 августа 2024

Андрей КОСТИНСКИЙ

Дом погибший мой

живу,
как будто в мире этом
и нет меня

протянутую руку жму
и что-то отвечаю
невпопад

над головой
похожее на солнце
солнце

и месяц
на ведёрке дужкой
на дне колодца

в сожжённой памяти
по щиколотку пепел

на блокпостах:
«прописку.
сигарет»

и если б сам себя вдруг встретил,
сказал бы:
«Одного из нас ведь нет»

зову
зовусь
иду на зов незвано

в окна проёме —
неба паспарту

среди подъездных
послевзрывных свалок
из прошлой жизни что-то да найду

нашёл детей игрушки — зайку, мишку —
лежат, спасённые волной взрывной.
Вселенная — как теремок-домишко,
впускает с ними дом погибший мой

Ангел-хозяин

я пойду... поработаю... Ангелом

сколько мужчин
вот так поднимались из бомбоубежищ,
погребов и иных укрытий,
чтобы посмотреть на дом или двор,
раздобыть что-то для семьи,
добраться до разбитого очага
и спасти хоть что-то
из неуничтоженных реликвий —
фотографии, икону,
железные свадебные кольца
родителей прабабушки,
первую игрушку дочки,
карандашный портрет мамы
уличного художника
в саду Шевченка в шестидесятых...
и попада́ли под снаряды, бомбы,
автоматные очереди...
шли и не возвращались

[так мужчина один, чтобы сберечь корову —
могло убить снарядом,
поэтому не водил её на луг —
отбил косу, зашёл по пояс в траву...
свист косы
свист мины
и небо — такое огромное
но маленькое даже для одной души*]

* Это реальная история: в моём поселке 45-летний мужчина пошёл косить траву для бурёнки, боясь ту привязывать на лугу — до этого двоих соседских коров уже убило снарядами... Он был первым из мирных, кто погиб среди земляков...

... не могли не идти — так важно,
чтобы близкие не были голодными,
так важно — посмотреть, всё ли цело
после очередных взрывов,
так важно — оставаться, остаться хозяином.
а ещё, когда всех отправил,
ходить по двору от забора до сада,
забираться на крышу ловить связь
и отвечать/ворчать/врать:
«да всё хорошо. тишина, как раньше.
свет уже дали.

нет, не смотрел
я не люблю его смотреть
а что там по “ящику” нового скажут», —
и успеть отключить телефон,
когда начинался обстрел.
спуститься, пересчитать пакеты каш для собаки
и тушки бройлеров из гуманитарки для неё же —
на 18 дней хватит,
а там придумаем что-то,
а там и наши придут
...
а если судьба — стать Ангелом
и уже оттуда
смотреть за домом, за двором, за страной —
хранить близких и Украину

Дочери в первый день рождения во время войны

Когда ты уезжала из Харькова,
наш любимый город
обстреливали из всех орудий,
бомбили самолётами —
как в 41-м, 80 лет назад,
когда твоя бабушка
точно так же уезжала из него,
разрушаемого
такими же идеологами —
эвакуировалась
в такую же неизвестность.
Ты выехала из города
через 9 часов
после мгновения
твоего второго дня рождения —
в прощёное воскресенье
российская бомба сожгла дотла твой очаг:
кошку Ньюшу,
кроватьку, книжки, игрушки,
фотографии, выпускной альбом,
твоё первое платье,
детские рисунки,
которые я тайком собирал и хранил...
Ты чудом задержалась
у подружки на полчаса...
И выжила!
Девочка моя,
любимый мой человечек,
я желаю тебе одно:
чтобы ты снова улыбалась так же,
как до войны...

* * *

пилот Чехов поднял в небо самолёт
по приказу командира Пушкина
выпустил по украинскому Днепру ракету^{*}
разработанную Тютчевым и Есениным

Некрасов жуя за ужином рябчика
принесённого в зубах Тургеневым
и приготовленного Ломоносовым
включил вкусный телевизор

диктор Державин сообщил:
Мы россияне можем гордиться
сегодня мы уничтожили
целый подъезд
детей — будущих националистов
беременных националистами женщин
стариков — родителей националистов.
операция по денационализации
Украины
идёт по плану

Державин хотел застрелиться,
но ему позвонил сыночек:
— Папочка, приезжай,
умер наш пёсик Герасим...

^{*} От попадания русской ракеты в жилой дом погибло около 50 человек.

* * *

Приезжала дочка,
привозила Харьков
в маленьких ладошках —
дальше от войны:

— Я его вот так же
от ракет, шахедов
и сирен полночных
прячу до утра.
Я его баюкаю,
так и засыпаемся.
Спи, мой город маленький,
да и я посплю.
Я его тихонечко
положу здесь с краюшку.
Отдохнём без выстрелов,
хоть поспим чуть-чуть...

Подхожу на цыпочках,
укрываю спящих —
два сопящих носика,
города и дочки.
Завтра утром ранним
их будить на поезд.
Посижу под кофе,
чтобы не проспать.

А пока им снится,
как гуляют в парке,
лебеди на озере,
белок целый лес.
И война не снится.
Снится в небе шарик:
в воздухе — воздушный,
на земле — земной...

... Уезжала дочка,
увозила Харьков,
плакал в зонтик дождик,
а из рюкзака
из кармашка город
подмигнул и громко
прокричал...
Услышал
только я:
— Пока!..

Вадим ГРОЙСМАН

* * *

Лишает воли жаркий этот год,
Но усмирит на время царский норов,
Когда дойдёт до сердца кислород
И станут гуще тени от заборов.

Когда устанет острый шип жары,
Остынет ярость золотого глаза,
И мы увидим дальние миры
Сквозь небо, голубое до отказа.

Но знай, что даже в этот ясный час
Не суждено нам полное веселье,
Что и земля не вечно будет нас
Катать на разогретой карусели.

Не станет пирогов ночных планет
То с ледяной, то с огненной начинкой,
И тёмный свод потребует билет,
Раскинувшись над мыслящей песчинкой.

* * *

Подустали, а утешить нечем
Тех, кто строил-недостроил храм,
Тех, кто между временным и вечным
Бьётся, будто муха между рам.

Говорим и слов не понимаем.
Где развилка времени, ответь,
Чёрная, горбатая, немая,
Искры рассыпающая твердь!

Тужимся умишками своими
Разобрать сквозь мелочность и страх
На мирах написанное имя,
И ещё напишут на мирах.

Перешеек

Ни к чему среди мёртвых полей и дворов
Повторять довоенный мотив.
Невозможно пройти между двух островов,
Белых ноженек не замочив.

Неужели состарился мальчик худой
От порывов любви и войны?
Перешеек — его заливают водой
То с одной, то с другой стороны.

Первый остров, который теперь за спиной,
Перепахан безглазой войной,
А второй — притягательный остров любви,
Но дойди до него, доплыви...

* * *

Я, кажется, проснулся в этот раз
Не просто подлецом и мизантропом,
А с чёрными ходами вместо глаз,
Как будто побывал за гробом.

Ещё слепят меня столбы костров,
Пугают чьи-то возгласы и трубы.
На перешейке между двух миров
Мне чудится, что я отстал от группы,

Что понукает ад со всех сторон,
Меня с Брунетто перепутав,
А это просто робот в микрофон
Зачитывает номера маршрутов...

Перед-мова

Лиле

Ладонью глаза воспалённые вытер,
Нащупал в кармане свои пятаки.
Послушай, как ветер проносится: вітер,
Как птицы хлопочут на ветках: птахи.

А время слова не бросает на ветер,
Но тайного смысла стремится достичь.
Світанок — синее оно на рассвете
И в чёрное небо провалится: ніч.

Лия ЧЕРНЯКОВА

— Я ДЕЛАЮ ШАГ —

* * *

Хочешь дышать цветами, а дышишь огнём.
Знаешь, вернём, говорит, этот сад соловьиный,
Чтобы явиться во сне и проснуться с повинной
Долею злой васильковой ли, зевом ли львиным,
И, оглянувшись, признаться, что дело не в нём.
Хочешь дышать — задыхаешься пустотой,
Кровью прозрачной, густой разорённого дома.
В дырах сюжета, который ещё не придуман,
Молча маячишь, неведомой силой ведома,
Чтобы взорваться, как сердце на окрике: «стой!»
Хочешь... а въедливый дым заползает в глаза.
По тормозам — не успеешь. Горгань пересохла.
Где-то в тиши наливаются яблоки соком.
Бьётся синица в отчаянном небе высоком...
Пламя с лентой принимается ветки лизать.

* * *

Лицом к лицу, тьмой к свету, спиной к стене —
За ужас не быть убитым в этой войне,
За право не задохнуться под грудой тел.
Когда ты нас правил, Господи, этого ли хотел?
Когда нас ставил к весне за глаза-в-глаза
Меж бредом и явью — ты это хотел сказать?
Борт за борт, пульсом о пульс и в руке рука
На всех не истрепавшихся языках,
В своей непривыкаемой правоте —
Плечом к плечу, за крылом крыло, тень о тень,
Спиной к стене, когда хлещет в просветы синь.
Когда тебя, Господи, нет, у кого спросить?

* * *

Никого между небом и мной,
Между небылью, болью и сном,
Но от сердца опять отлегло,
Будто плечи укрыло крыло.
Это мама, мой ангел в ночи,
Без причин, без единой свечи
Освещает наш призрачный рай,
Отгоняя тревоги и страх.
Легче пёрышка на губах,
Гордой прядью с горячего лба,
В тихий шелест сухих голосов,
В перезвон постаревших часов —
Кровь с осколков весеннего льда:
Мама-мама-навсегда звезда.
Млечный пульс между мной и тобой,
Мама, небо, молитва, любовь.

Зарисовка

Евреи молятся молча
Под выкрики муэдзинов.
Стена не плачет. Ей нечем.
Земля и кровь под ногтями.
Какими злыми вестями
Нам вечер ляжет на плечи?
Какие тайны накличет?
Какие войны излечит?
Какую боль расколдует,
Когда толпа негодует,
По мёртвой руке гадает,
Когда моё сердце плачет,
Смеётся, верит, страдает?
Без звука
Но громче крика
Мощнее сирен и взрывов
Безмолвная их молитва,
Горячий шепот пустыни,
Увязнув в благоуханьях
В причудах вяза Бахайской,
Обрушится ливнем в Хайфе,
И вспыхнет в Иерусалиме
Осколками каланитов
Блуждая солёным ветром
В развалинах Кейсарии
О чём не договорили
С надменным римским префектом
Что вынесли за скрижали?

Чьи пальцы винтовку сжали,
А чьи-то легли на вымя,
А где-то сплелись с корнями...
Скупыми чёрными днями
Вскормили лихое время.
И нету в ладонях правды
И нет в небесах ответа.
Через бои и преграды
Молитва пробьётся светом,
Беспечным лучом надежды
В глухие стены тоннелей...
И ляжет седым туманом
Укутав плечи Кармеля.

Подарок

Из волшебных мест где мы могли бы быть вместе
Я вернулась в мир с гербарием фотографий
Улыбаться им угрюмыми вечерами
Никогда не вспоминать чего не случилось
Это самый нежный, самый роскошный подарок.
Распустившись, бутон заката на крышах Парижа
Облетает в ночь неоновыми лепестками
Персеидами по чешуе черепичной
Кардамоном, кофе, корицей и карнавалом
Усмехаясь всеми кривыми мостами каналы
Пеленают в туман новорожденный серп гондолы
Беззаботным звонам колоколов Сан-Марко
Отвечает подводным стоном желаний Блед.

И тягучий мёд славянского красноречья
С молоком верблюжьим, седым бедуинским чаем
И оливками звёзд, картавящих над пустыней
По безлюдным островам расколотых радуг
Босиком по осколкам, полям не взорванных страхов,
По солёным каплям, раздавленным снам граната,
По вчерашним ранам шершавый язык приборя...
Только соль и синь запутались в солнечных прядях
И доносит ветер полынь, эвкалипт и мяту
Из волшебных мест, где нам никогда не быть вместе.

Маленькая песенка

Маленькое небо не удержишь в руках —
Не птенец, не мячик, а прядь.
На стрекозых, звёздных, проливных языках
Ускользает высь, прячь не прячь.
Пряного помола, скоро треснет по швам,
Как прозрачный мартовский лёд.
Вот его серебряною нитью сшивать
Маленький летит самолёт.
И, уткнувшись в маленький, но звонкий зенит,
Бьётся, словно сердце в горсти.
Ни сорвать, ни привязать и не изменить
Просто отпусти, отпусти.
Чтоб когда еловой лапой гасишь зарю
В искрах облетающих лет,
В маленькое небо — не гори, не горюй —
Вытянуть счастливый билет.

Шаг

Я делаю вдох
Я делаю шаг
Я делаю взмах
От таянья льдов
До звона в ушах
До всхлипа впотьмах.
Пусть рельсы шуршат,
Что скоро зима,
Но голос медов.
Я делаю шаг.
И делаю взмах
И делаю вдох.
Где мокрый подол
Колючками звёзд
Метёт по земле —
Отравленный вдох —
В прикур от корост
Промозглых углей,
Следи, не дыша —
Не пискнет струна,
Не треснет гранат —
Как взмахом душа
Возносится над...
И делает шаг

Марья ВАСИЛЬКОВСКАЯ

Трагедия пророка

Выл ветер в топке неба, будто спятил!
Летели звёзды, словно угольки
В большой костёр, где маг и предсказатель
Сжигал дотла свои черновики.

Он дар имел повествовать подробно
О будущем земном житье-бытье,
Но чувствовал себя неловко, словно
Виновен в том, что бредит о беде.

Он вглядывался в пламя близоруко.
Вдувалась жилка синяя на лбу.
О, кто б из близких знал, какая мука
Провидеть и предсказывать судьбу

Слепцам, что не способны измениться!
Приговорённый к собственному злу,
Он в клочья рвал страницу за страницей,
Вздымая серебристую золу.

Не потому, что был на мир обижен, —
Хранить обиды в сердце не привык.
Не оттого, что людям не был слышен
Его простой, не пафосный язык,

Сомнения провидца не терзали
В том, что случится, а чему — не быть,
Но грозных бед и горя со слезами
Никто, увы, не смог предотвратить.

10 января 2023,

Полтава, село Берёзовая Рудка

Не покидай

Не покидай! Не покидай —
Затянутый в беду и смуту,
Тебя ссылающий на край
земли — твой край. Ни на минуту.

Не раздавай любимых книг!
Терпи, покуда терпит полка!
В их колыбели спит язык,
храним от злого кривотолка.

Не оставляй свой город, он —
свидетель твоего взросленья!
Пусть дом на улице снесён —
прости невеже преступленье.

Конечно, друг мой, это зло —
всё разрушать, что было свято.
Здесь варварство твоё прошло,
шатаясь, так же нагло вато,

Следы от смачного плевка,
окурки и босые пятки
терпела впалая щека
булыжника родной брусчатки.

Пусть уравнения любви
Твоей цветут в родном парадном:
Здесь те, кому ты — враг, увы,
И те, кем был всегда оправдан!

Не продавай чужим жильё.
Могилы навести весною,
Ведь безразличие твоё
к усопшим — это напускное.

Сплетенья высохших корней
уравновешивают крону:
чем корешкам в земле больней,
тем выше вытянуться клёну,

Тем звонче вызвенится в синь,
тем гнёзда вить удобней птицам,
Не стань чужим себе, остынь,
Не убегай к чужим границам,

К отъезду сумки не готовь,
пускай их терпят антресоли!
Что — ненависть твоя? — Любовь,
сошедшая с ума
от боли!
*февраль 2022,
первые дни войны*

**ИЗ ЦИКЛА «ОЛЬХОВОЕ СЕРДЦЕ»:
— ПОЭЗИЯ О ЛЮБВИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ —**

Серебристая ольха. Притча

В центре выжженного солнцем островка
Серебрилась одинокая Ольха,
Выше к солнышку, подальше от греха
Серебро своё несла под облака.
— Ой, Ольха моя, высокая Ольха,
Напророчь мне молодого жениха,
А приедет ненаглядный мой жених —
Обвенчает старый остров нас двоих!

Завертелся ветер, пылок и горяч,
Заструился надо мной ольховый плач,
И, макушку окуная в облака,
Отвечала одинокая Ольха:
— Приходил один, купался в серебре
И оставил три зарубки на коре,
Подо мной шептал чужие имена.
Чем плоха Ольха, и в чём моя вина?

Приходил ко мне второй желанный гость,
Вбил в живое подреберье ржавый гвоздь!
Ветку хрупкую изнежил топором —
И его я осыпала серебром...
Был ещё один, о милой горевал.
Чтобы жизнь свою пустую не прервал
И на веточке упругой не повис,
Серебро своё ему струила вниз.

Я теперь одна, подальше от греха!
В небе облако — кудлатая доха,
А над ним кружится юркий ястребок,
Что за плач ольховый, прочим невдомёк!
В сердце острова — полынь да суховеи!
Корешки мои, красавица, полей,
Ствол, израненный гвоздями, обними:
Трудно встретить Человека меж людьми.
*июнь 2022,
Киев, парк «Троещина»*

Что о войне

*Сыну Дмитрию, в первые дни
войны, с любовью и нежностью*

Что о войне тебе, потомок,
Чьих барабанных перепонок
Не тронет крик, черкнуть из тьмы?
От пепла в небе звёзды меркли!
А я светилась в этом пекле,
И мы... Любить учились мы!

Отчаянной тоской неволясь,
Охрип, когда-то звонкий, голос,
Но тем мощней под вой сирен
Молчание моё звенело,
Когда гитару неумело
Держал мальчишка меж колен.

Да, можно описать дословно,
Как ненависть пылала злобно,
Как смерть валила наугад,
Но в миг зловещего обстрела
Я в небо даже не смотрела,
Я заслужила нежный взгляд

И не сошла с ума от боли,
Пока кровищею до колик
Поила мечь мою страну...
Спасал нас мёд на пальцах липких,
И в утлой лодочке улыбки
Качаясь, мы не шли ко дну.
май 2022

Ирина БАТАЛЬСКАЯ

24.02.2022

Мир
Расстрелян.
В рассветных сумерках
Дым над Харьковом
И над Сумами.
Обесточили
Обезводили
Окружили и
«Освободили»:
Обездомили
Обездолили
Сколько крови и слёз
Вы пролили!
Осиротили
И овдовили
[не] обесловили;
[не] обескровили.
Пришли
Чёрным игом
Ордой кровавою —
Так будьте прокляты этой славою.

* * *

Война —
Это целый лес
Усечённых колонн:
Колонны-ряды-
кресты-без-нулей;
Целое поле
Нерасцветших
И недоцветших цветков;
Бесконечная книга
Ушедших лиц,
Опустевших имён...
И слов
«Никогда»...
«Никогда».

02.03.2024

Одесса
Мама
Сын
И дочь
За окнами
Спустилась ночь
Одна из первых в марте
Из темноты
Крадётся зло...
Луна льёт свет
Через стекло
БПЛА на старте

Застряли в горле
Все слова
Ещё вчера
Была жива
Ещё вчера был жив
Ещё вчера
Стоял здесь дом
Зияет пустоты
Проём
Обломками накрыв
В Одессе
Маму,
Сына,
Дочь...

22.11.2022

Однажды
В далёком две тысячи седьмом,
Когда я жила в Лейпциге,
Я видела, как в центре города
сносили дом —
ветхую многоэтажку.
Она была уже расселена,
Все квартиры — пусты
И лишь в некоторых окнах
Занавеси.
Жильцов уже не было.
Не было ни мебели, ни предметов быта,
Ни домашних зверей.

Полумёртвый дом
От удара машины
раскололся вдоль,
Обнажив изнанку:
Пёстрые обои,
разноцветные стены подъездов;
Этажи
До последнего
держались вместе
Перед тем,
Как обратиться
В груды камней и пыль.
Это был не мой родной город,
Это был не мой родной город.

В две тысячи двадцать втором
Мой кошмар наяву —
Обрушился дом,
Обычная многоэтажка.
Здесь жили люди.
Здесь были
гостиные, спальни и кухни,
Картины на стенах
И иногда — оставленные домашние звери...
Живой ещё вчера, дом
От прямого попадания
Раскололся вдоль,
Обнажив изнанку —
Пёстрые обои,
Сине-зелёные стены подъездов...

Этажи
До последнего держатся вместе
Перед тем, как обратиться
В грудь камней и пыль.
И теперь уже это — мой родной город.
Это — мой родной город...

03.01.2024

24.02.2022,

07.10.2023

Целый год
я не писала стихов.
Мне не хватало воздуха,
Мне не хватало слов,
Мне не хватало сна,
Мне не хватало себя,
Мыслей и чувств.
Всё раздавила война.
Слово, которое —
Даже написанное —
Бьёт в сердце, как нож.
Слово, которое —
Если его не называть —
Обличает ложь.
Моё сердце разбито
Дважды.
Остальное —
Уже не важно.

Андрей ТЕПЛОВ

* * *

По следу, по первому снегу,
в котором легко и светло,
как будто с чужого разбега,
на кручу коня занесло,
где острое жало юдоли
на пике желаний и мечт
уже не несёт прежней боли,
а время пытается течь,
пока на века замирая,
но дышится слишком свежо,
и Бог, на бандуре играя,
поёт: «будет всё хорошо...»,
и верится каждому звуку,
и всякому слову ты рад,
внимая привычную муку
под зимние трели цикад,
но плавно сливается тень,
покорно готовясь к ночлегу,
и катится в прошлое день
по талому чёрному снегу...

13 ноября 2023

* * *

Безлико полночь входит в каждый дом...
Жизнь затихает под покровом тайны.
Витают небыль в городе пустом.
Смыкает веки-рельсы путь трамвайный.
Звенят мгновеньем фибры тишины,
и чуден миг покоя в мирной чаше.
Сакраментальный час в умах страны.
Как ни колдуй, всё это — время наше.

Дрожащий воздух — рассекает взрыв!
Смешались люди, звери, люди-звери...
И в перспективу щёлку приоткрыв,
шальная мысль реальности не верит...
Зачем бежать? Откуда и куда?..
Играть с судьбой в «очко» — дурное дело.
«Друзей больших» не трогает беда,
ведь не у них в ногах остыло тело...

Отхлынет тьма, и растворится мрак,
и эта ночь закончится рассветом...
На берегу реки слепой рыбак
рукой в сети отыщет труп поэта...
Не надо слов. В молчании — вся суть.
Слепой глухому правду не расскажет.
Течёт вода, не выбирая путь.
Вот только жаль поэтов и дворянжек...

3 июня 2024

* * *

Так и жил свой век, шо проигранный...
Из рассвета день — да в закат.
Хоть рождён он был в год меж тиграми —
грязь хлебал, как ползучий гад.
Не роптал, не ныл — лишь вздыхал порой,
выдыхая безумный ритм,
и за свой очаг всё стоял горой,
не жалея подножных рифм...
Всё надеялся и глядел в окно,
чуя новый и светлый день.
Только чёрное за окном кино
и багровая светотень.

Где предел всему? Веры, сил, строки...
Как найти свой стих и шагнуть за край?
Разошлись круги по руке реки,
очертив в аду рукотворный рай...
27 апреля 2024

* * *

Дунешь на воду — рябь на воде...
Прячутся годы в стылой беде.
Плещет по кругу грусть да печаль.
Ближе б друг к другу... про́пасть. А жаль.
Выйдет из клетки загнанный дух.
Избранных метит высший пастух.
Прахом иль тленом кончится жизнь.
Воет сиреной хмурая высь.
У горизонта лучик дрожит.
Радужным фронтом время спешит.
Омут за бродом — счастье везде.
Глянешь на воду — гладь на воде...
11 апреля 2024

* * *

В моей непроницаемой глуши —
мелодия, сошедшая с небес,
в тиши вершин души концерт вершит...
Так, словно полегчал немного крест,
и бабочки вдруг ожили внутри,
да сердце встрепенулось на цепи,
и взгляд уже не тлеет, а горит...

Твори своё наитие, лепи...
и торжествуй, коль осязаем миг, —
в нём блеск твоей несбывшейся мечты,
живая радость и застывший крик.

И по весне вспорхнувшие цветы...
23 января 2024

* * *

Когда в мёрзлой траве затерялись слова,
не вдохнуть ломкий воздух на полную грудь,
хулахуповым кругом идёт голова,
ускользая и тая, мерещится суть;
когда ищешь рукой бесконечную даль,
а в ногах ничего, кроме правды, уж нет,
в воспалённом сознании тонет печаль,
ни сложить, ни замкнуть судьбоносный сонет... —

...подойди к виртуальному краю земли,
загляни на мгновение в недра души,
где из тёмных пучин ввысь плывут корабли
и подснежник пробился в таёжной глуши;
где рождается Бог, умирает война,
отдыхает Земля от воронок и мин,
воскресает мелодией вечной весна...

И звучит, и звучит, и звучит ЖИЗНИ ГИМН...
7 марта 2024

* * *

Холодно... Ломит озябшие пальцы.
Стынет душа. Сердце бьётся всё реже.
В сонной дали тлеют протуберанцы.
Зимний портал одинок и безбрежен...
Господи, нет ни просвета, ни неба —
чистого, мирного, как в прошлой жизни...
Хочется только покоя и хлеба,
в самом простом человеческом смысле.
Чаша весов не колеблется вовсе —
обледенела конструкция мира.
Правдой никак не закончится повесть.
Совесь стекает сквозь чёрные дыры...

Ночь. На окраине в хате лампадка
пламенем зыбким мирок освещает.
Души живые дрожат не украдкой,
с искренним словом к Творцу обращаясь...
Крепнут молитвы, и добрые вести
вновь из-за туч пробиваются к людям.
Вместе мы мощь! Если только мы ВМЕСТЕ...
Двинем навстречу — и Бог не осудит.
Добрые люди — не национальность —
это никем не прописанный кодекс,
где формируется д у х о м е н т а л ь н о с т ь ...

Кладезь добра есть бездонный колодец...

12 января 2024

Дина МЕЕРСОН

Инструкция по эксплуатации ангела-хранителя

Граждане, тихо, не возмущайтесь, граждане.
Ангел-хранитель положен по штату каждому.
Достанется всем в порядке живой очереди.
Каждый ангел проверен: исправен, крылат и прочее

Ангелы в сеть поступают не оптом, а в розницу.
Каким будет ваш, право, нет никакой разницы.
Блондин с голубыми глазами? А если с карими?
Он же для дела, не для прогулок парами

Не толкайтесь, они не кончаются, это слухи
Поставки налажены, получают все, малыши и старухи,
А если что, не пытайтесь лечить, не спасут мази-ампулы.
Вы... берегите их, всё же они ангелы

* * *

Белое облако, лишённое формы и содержания
Проплывало по небу,
предрассветному небу совершенно неопределённого цвета
Чёрное? Синее? Серое? Нет, всё не то
Бесцветное было небо,
Что-то тёмное, немаркое
Непрохладное, нежаркое
Никакое
А облако было тонкой работы, ступок белого покоя
И больше в мире ничего не было
А потом растаяло белое
И две звезды заглянули в окно
Спи. Мы присмотрим за порядком.
Будет сон... покой... сон... покой...
Твои веки тяжелеют, глаза закрываются...
Тишина... Небо... Мир...

* * *

На дворе стоит погода
Жизнь — ленивый непоседа
Ложка дёгтя, бочка мёда
Вот и грязная посуда

Дни как тучи, сны как мыши
Улыбаемся и машем,
Нервы лечим, стены мажем
Мылом, мелом, пеплом, сажей

Разбегаются дороги
Разлетаются сороки
Судит Время — критик строгий —
Темы, думы, знаки, сроки

Сроки вышли, думы те же
Дёготь слаще. Мёд пожиже
Сказка — былью, правда — ложью
Мы бредём по бездорожью

* * *

Это эпоха, ты слышишь, гудит эпоха
Да не гудит, а воет. И делает это плохо
Воет, визжит, врёт, убивает, плачет
Хочет, чтоб было иначе, а как это, чтоб иначе?

Время выпало нам, время на нас упало
Частная жизнь бредёт по полям, течёт по каналам
Но по морям, небесам, площадям, больницам
Слово и дело — пли! — сносит жизни, стирает лица

Дружим теперь мы только против кого-то
Мы неприкаянны, мы городских неприкаянных рота
Не о чем спорить, не во что верить, некуда деться
Жизнь ноет, разбитая, словно коленка в детстве

Дети растут и уходят в солдаты строем.
Мы их оденем, обучим, пошлём, а идеалы скроем
Нет идеалов, всё относительно, все виноваты,
все с совестью чистой
Мы убиваем, нас убивают. Генератор случайных чисел.

Эпоха упадка, упадок эпохи, закат рассвета
Без царя в голове, без руля и ветрил, унесённые ветром
Мы наступим на грабли, мы укусим локоть, мы начнём сначала
Эх, старое, доброе Время, да что ж тебя так укачало?

* * *

Нынче дни стоят такие жаркие-жаркие
А то были такие холодные, да дождливые
Мы стараемся жить. Но улыбки всё чаще жалкие
Мы куда-то бредем, только мира нет под оливами

От жары скукожились даже печёные яблоки
Ты не слушай новости, всё в них ложь, да молчание
День как год, год как тыща, время плывёт, тает облаком
На вопрос, как быть, Бог пожимает плечами

Божьи мельницы так неспешны, мука́ превосходна
Перемелется всё: наши слезы, грехи, желания
Милость Божья как дождь, обещана, но не сегодня
Мы пока не готовы. Примите Его сожаления.

Но у Бога план, и летит, и плывёт время облаком
Наши дни больны, наши ночи бедою беременны
От жары скукожились даже печёные яблоки
У меня на жизнь почти не осталось времени

* * *

Однажды всё пройдёт: печаль, любовь, война
Распустится миндаль, прекрасно-равнодушен
Озябнет долгий дождь, что снова спущен нам
По разнарядке вод для пропитанья суши

На кладбищах любви, на кладбищах беды
Поднимутся цветы, обнимутся деревья
На пастбищах войны затянутся следы
Останутся рубцы, как старики в деревне

И птицы будут петь, и ветры будут лнуть,
Но память станет ныть — к дождю, как говорится.
Холодный зимний дождь. Миндаль выходит в путь
Однажды всё пройдёт. Вернётся. Повторится.

Людмила НЕКРАСОВСКАЯ

* * *

Баллистика. И снова рядом взрывы.
Как надоели жуткие мотивы
Войны, рычащий звук, тяжелый рок,
Пугающие арии тревог.
Как хочется мелодии покоя,
Чтоб слышалось звучанье колдовское
Пленительных аккордов тишины,
Чтоб позабыть про музыку войны.

* * *

С каждым днём всё труднее писать о войне:
Долог список потерь, неподъемные беды...
И понятие «жизнь» возрастает в цене,
И отчаянно хочется нашей победы.
Мы как мантру твердим: «Устоять! Устоять!»,
Защитить мы должны и свободу, и счастье.
И при этом агрессора так наказать,
Чтоб империя зла раскололась на части.

* * *

Будет наш народ прекрасно жить
И послужит для других примером,
Если нас не смогут разделить
Ни по языкам и ни по верам.
Если будем вместе, как кулак,
За свою страну стоять стеною,
Чтобы никакой на свет враг
Впредь нас не испытывал войною.

* * *

У врага ничего человеческого нету,
Раз он лупит ракетами по Охматдету,
Чтобы детки, что там получают диализ,
Без надежды на жизнь и спасенье остались.
Я когда-то читала, что, дескать, сражение
У людей вызывает к врагу уважение.
Утверждение вздорно. Враг разным бывает.
Наш одно лишь презрение к себе вызывает.

* * *

За парнем вслед собак бежала стая.
Его окликнул вражеский солдат.
«Куда?» — спросил, дорогу преграждая,
На парня наставляя автомат.
«Я вывожу собак из-под обстрела.
Я — волонтёр и должен их спасти.
Спасать животных — человеческое дело,
Прошу: нас поскорее пропусти».
В глазах солдата ненависть светилась.
Он был не в состоянии понять,
Что можно оказать животным милость.

Зачем собак из-под огня спасать,
Твердя, что это — дело человечье
И эту человечность проявлять?
Куда как слаще причинять увечья.
Куда как проще просто расстрелять.
И автомат не ведал слов щадящих
И помолчать причины не нашёл.
Солдат переступил через лежащих,
Злорадно ухмыльнулся и ушёл.
За ним клубился чёрный дым пожара,
Разрушила ракета чей-то дом,
И растекалась кровь по тротуару,
Смешавшись с пылью, грязным ручейком...

* * *

Опять весёленькая ночь,
А за окошком взрывы, взрывы...
Друзья, узнать бы: все ли живы,
И чем я вам могу помочь.
Я позвоню вам поутру,
Лишь неба сменится расцветка.
Война, как русская рулетка,
А смерть затеяла игру...

* * *

Их варварской стране хотелось быть такою,
Держащей мир в руках, владычицей морскою.
И чтобы все вокруг её любили пылко
И были у неё, как рыбка, на посылках.
А потому она грозила, нападала,
Чтоб прихотям её планета вся внимала.

Чтоб жадности её никто не знал предела:
Что видит у других — всё отобрать хотела.
Но сколько ни отдай, всего ей будет мало,
Знать, сказочку она о рыбке не читала.
А мир прочёл давно. Грядущее открыто:
Маячит пред страной разбитое корыто.

* * *

Говорят, что когда человек погибает,
Небо звёздочку в память о нём зажигает.
Я на небо смотрю, и на сердце тревожно:
Звёзд там столько, что их сосчитать невозможно.
Враг затеял войну, ненавидя мир слепо.
Я смотрю со слезами на звёздное небо
И молюсь о ребятах, что нас защищали.
Света в них было столько, что звёздами стали.

* * *

Замечали ли вы, как чрезмерно длинны
Непроглядные чёрные ночи войны?
Не горят светофоры и нет фонарей,
Ночь голодной гиеной стоит у дверей.
И рассвет ожидаешь, как добрую весть,
Понимая, насколько ей хочется есть.
И пронзает она взглядом жадным и злым,
Обжигая смертельным дыханьем своим...

* * *

А город живёт, несмотря на обстрелы живёт.
Он рад и цветам на проспектах, и ярким витринам.
Хотя нет гарантий, что вновь не случится прилёт
По школам, больницам, церквям, площадям, магазинам.
А город работает. И, несмотря ни на что,
Дарует всем жителям веры и стойкости нотки.
Война норовит из него сотворить решето,
А он игнорирует зло и возводит высоты.
Врагу не понять, что ему наш народ не сломить,
Что, как бы он ни бесновался, не справится с нами.
А город продолжит работать, и строить, и жить.
Он твёрдо уверен: виктория не за горами.

Павло КОЗЛЕНКО

Ночное

Дым от сигареты создавал в комнате туман,
белые облака плыли на кухню и в гостиную,
переживаю наш очередной роман
и встречу с тобой, бурную и крикливую.
На завтрак ты готовишь глазунью с колбаской
и добавляешь порезанных помидор,
и продолжаешь относиться ко мне с опаской
и порой переводишь наши дискуссии в ненужный спор.
Возраст — вещь упрямая и порой серьёзная,
иногда мы об этом не думаем даже,
разница в годах создает напряжённости
и возбуждает эмоции, стоящие на страже.
Сердце, как молот, скачет и стучит, словно по наковальне
и пытается выпрыгнуть наружу и убежать,
а с возрастом становишься всё больше сентиментальным,
и всё труднее в ответ взять и промолчать.
Да и чаще начинаю разговаривать с самим собой,
больше желаний оставаться наедине,
и не будит ночами сирены вой
и уже два года как привыкаешь — жить на войне.

* * *

Сентябрь. Школьный класс. Первый урок,
сочинение пишем на тему «как я провёл лето»,
просидел с ручкой в руках, остался чистым листок,
45 минут летал мыслями где-то.
О чём мне писать, о том как нас вывозили,
меня, маму, брата и нашу кошку,
под звуки сирены, как багаж в грузовик грузили,
даже не дали присесть как положено, на дорожку.
О том, как прощались с нашим домом и двором,
и с бабушкой на лестничной клетке,
и уличным бродягой рыжим псом
и чёрным вороном, сидящим на ветке.
О том, как приехали мы в город чужой
и спали на полу на матрасах в спортзале,
как я плакал ночами и хотел вернуться домой,
и вернулся бы пешком, если бы там не убивали.
А ещё четверг, мой день рождения —
24 февраля так и не состоялся,
земля дрожала, как от землетрясения,
мой братик младший от страха заикался.
Сидели в подвале мы трое суток,
моя семья, близняшки Глушко и дядя Митя-дворник,
и вонь по помещению разносилась от самокруток,
и старик что-то причитал, облокотившись на подоконник.
Папа остался в нашем дворе уже навсегда,
убит был из автомата солдатом,
вот такая в нашей семье случилась беда,
кстати, солдат тот был российским бурятом.
Прозвенел звонок, все сдают работы фрау Беккер,
а я сижу и рисую флаг цвета жёлтого и голубого.
Как хочется с кем-то на украинском поговорить,
а не быть в плену у языка чужого.

* * *

На окраине местечка,
где стоял заезжий двор
в камышах шумела речка,
покосившийся забор.
У ворот росли две ивы
наклонившись над водой,
а в саду поспели сливы,
персик словно золотой.
У конюшни две лошадки
жадно кушали траву,
помидоры спят на грядке,
еле выдержав жару.
И старик сидит на лавке,
подбивая каблуки,
ремесло сродни зарядке,
тренировка для руки.
И несут ему ботинки
и извозчик, и раввин,
и живёт в глухой глубинке
всем известный господин.

* * *

Не могу успокоить нервы
 перебираю чётки, не понимаю Всевышнего,
 терпит выходки смерти-стервы
 или не замечает бродягу нищего
 даёт возможность нам надеяться и творить
 и идти по лестнице к вершинам
 и каждому отмечает, как и сколько жить
 но порой наша жизнь — это бег по минам
 накапал капли, как советовали знающие
 не отпускает, щемит, давит
 не понимаю порой окружающих
 что ими движет, кто ими правит
 за окном ливень, стучит по лестнице
 заглушает шум закипающего чайника
 написал сообщение в Вайбере крестнице
 и поздравление с днюхой племяннику
 наверное, старею, больше философствую
 рассуждаю о том, что после смерти
 вспоминаю в памяти приметы отцовские
 на днях ночью снились у дверей черти
 темно, пусто и на душе одиноко
 сахар быстро растворился в кружке
 ну подскажи мне, кукушка, сколько
 мне осталось, моя подружка?

Борис СУСЛОВИЧ

* * *

Диагноз твой: израильский еврей.
Иль украинский. Выбери любое
Из двух обозначений. Поскорей —
Покамест время двери не закроет
В той камере, что названа судьбой,
Где только от сирены до сирены
Ты кажешься себе самым собой,
А не букашкой, что протяжный вой
Вминает в покорёженные стены.

Повсюду, где идёт твоя война,
Ты лишь мишень, приманка для ракеты.
И даже если песня не допета,
Жизнь осмотрелась — и ушла. Одна.
октябрь 2023

* * *

Ты вспомнишь о своём народе?
Когда?
Пока меж нас кругами ходит
Беда,
Скажи хоть слово, полуслово,
Хоть рот
Открой на миг. Внимать готовы.
Народ...
ноябрь 2023

Израиль

Страна родная, чем ты провинилась?
Сменила Божья кара Божью милость?
Сбылась надежда — или испарилась...

Мы здесь живем и в радости, и в боли.
Зачем ты собирал нас? Для того ли,
Чтоб варвары на фарш перемололи?

Ночь искупленья. Утро без рассвета.
Молчат скрижали нашего Завета.
Да, виноваты... Но казнить за это?
ноябрь 2023

Рыжик

Кфиру Бибасу

Ты слышишь меня, малыш?
Туда, где сейчас ты спишь,
Не всякий доходит звук —
Лишь сердца тревожный стук
Раздвинет твою тюрьму.
Покрепче к груди прижму,
Погрею. Застывший взгляд —
Там слёзы стеной стоят...
декабрь 2023

* * *

Хотя бы мысль спаси и сохрани.
Язык родной, ты разве виноват,
Что эти искупительные дни
Из грязи, непотребства состоят,

Что миром заправляют дикари,
Ублюдки в масках водят карнавал.
А ты зачем-то пыжишься внутри
Заныкать душу? Разве ты не знал,

Что прячешь пересортицу, хламьё,
Что ей нигде сегодня места нет...
И ежели зависишь от неё,
Ты просто мастодонт далёких лет.

январь 2024

Двустипшие

Тютчев ошибся, как он ни велик:
Верить в Россию нельзя. Ни на миг.

февраль 2024

* * *

Игорю Гитину

Уйти за миг, не вспомнив ни о чём,
Исчезнуть вспышкой гаснущего света,
А мы, осиротев, не разберём,
Что это было... Да и было ль это?

Что память... В ней ты смотришь не спеша
Из ниоткуда — или отовсюду,
Там, где за нас цепляется душа
Твоя, взлетая. Ей мешать не буду.
апрель 2024

11 мая 2022. Тель-Авив

Приходит смерть. И это не беда.
Алексей Цветков

Яркий, как молния, вечер Бахыта.
Слушателей озарённые лица.
Радость мгновенная разве забыта?
Или по-прежнему в сердце хранится?

Друг закадычный сторает в больнице.
Ты говоришь о нём снова и снова.
Время совместное всё ещё длится.
Время Кенжеева. Время Цветкова.

Смерть обступает огромностью всею.
Что ей, ликующей, «ахи» и «охи».
Слово Бахыта. Строка Алексея.
Вера и горечь ушедшей эпохи.
сентябрь 2024

Лилия БОНДАРЕВИЧ-ЧЕРНЕНКО

Лето — маленькая жизнь...

Вот и август. Неба край,
и — сто дней до снега.
Дотянулась невзначай
пальчиком до неба:
нежный ситец голубой,
выцветший на солнце...
Нам так благостно с тобой —
нам потом взгрустнётся.
Где-то там живёт зима,
а пока, и — к счастью,
есть и птицы, и трава,
розовое платье...
Лето — красочный эскиз
осени бордовой.
Доживём ли — в этом смысл —
до сиреней снова?..
Как забвение, зима,
нас упрячет в кокон,
нарисует письма
на оконных стёклах.
Будет спать между страниц
бабочка из сада...
Лето — счастье без границ
и за боль награда.
О, продлись ещё, продлись
солнцем и цветами!
Лето — маленькая жизнь,
что случилась с нами...

* * *

А жизнь моя — не рынок для продажи,
 страна из книг, где верность без измен,
 она — не маскарад, не вернисажи,
 а — тишина. Библейский сад Эдем.
 Она — как марка с солнцем на конверте,
 и — в ране незажившей соли горсть,
 и — пополам разорванное сердце,
 как на снегу калины красной гроздь.
 И дым бессонниц у горячей вены,
 и — сельской церкви с ангелами свод,
 когда душа стремительнее тела—
 в балетной пачке кружится, поёт...
 Всегда не в меру, и — на грани. Слишком.
 Всегда всё знать, и — ничего не знать,
 улыбка Девы Пресвятой, Пречистой,
 всегда до капельки — не взять, отдать.
 Она — как запах прошумевших вёсен,
 бесценный и ненайденный грааль,
 и — каторга с мозолями от вёсел,
 и — ненаписанных стихов печаль,
 и — невесомость всех полётов в небо,
 где можно звёзды в бусы нанизать;
 и — первозданность молока и хлеба,
 подаренная Богом Благодать.
 Дожди и радуги, капли, вьюги,
 ошибки, покаяние, вина...
 А жизнь моя — всё встречи и разлуки,
 и даже — эта страшная война...

* * *

Кипарисовая роща.
Горы. Иерусалим.
Суд. Пилат. Иуда. Площадь.
Мы Его не защитим!

Гефсимания, Голгофа —
там молился, умирал,
и без всхлипа, и без вздоха
Он в гробнице воскресал...

Мир — большой сундук с грехами:
зависть, жадность, злость и спесь.
Кто мы? И кто рядом с нами?
Где же Иуда? Иуда здесь!

На льняной рубахе сердце
обозначено углём,
на Земле, как чужеземцы,
как нездешние живём.

Где же истина и смыслы?
Догрешились до войны,
в старой роще кипарисы
КАБами обожжены.

Иуда Бога и сегодня
на распятие ведёт,
людно в горнице Господней —
кто в ковчеге поплывёт?..

Ничего не исчезает —
вечен Иерусалим,
и Звезда псалмы читает
для Того, кто так любим...

А может, я ещё и поживу...

Как ноет рана!.. И летают дроны.
Закрыть глаза. Уснуть, уснуть. Забыться.
Почти «двухсотый» я — груз похоронный,
не думать, что к утру ещё случится...
Уткнусь лицом в сожжённую траву,
а, может, я ещё и поживу...

А где-то там, за этой вот траншеей,
за соледарским дальним перекрёстком,
за тем холмом — дорога в Галилею,
и арамейской речи отголоски,
у моря чьи-то на песке следы,
оливковые вечные сады...

Диптих

1.

Мир словно параллелен
тому, что раньше был.
Все звёзды во Вселенной
фонарщик потушил.

И на задворках Рая —
почти что как в Аду,
и я совсем не знаю,
есть птицы ли в саду?

Беззвёздными ночами
сомнамбулой плыву,
печальными стихами
во сне я говорю.

А днём нам солнце светит —
добрее нет светил:
за нас всегда в ответе
тот, кто нас приручил...

2.

Кочует зло по свету,
и — города горят,
а пули и ракеты
летят не наугад.

Ни смерти, ни утраты —
никто не заслужил,
Принц Маленький заплакал
и Землю разлюбил.

Важнее слов и криков —
молитвенный псалом,
и в доме тихо-тихо —
мы с Господом вдвоём.

В садах земных и райских
вновь зацвела полынь...
Чтоб солнце не погасло,
мой Боже, не покинь!

Спасибо, жизнь!..

Прощай же, сбывшееся лето!
Идёт сезон тумана и дождей,
зонтов и фетровых беретов,
метели листопадной у дверей!

Спасибо, жизнь, мы в колыбели
твоей... Ты удивляешь день за днём —
наносишь кистью акварели
на гобелены под моим окном.

Спасибо, жизнь, и за объятья,
за то, что чем честнее, тем мудрей,
за чай и с кружевами скатерть,
за неизбежность нежности моей.

За то, что я люблю, любила,
и что чиста осенняя слеза,
за спелые в корзинке сливы,
за «Белла, чао» — песню партизан.

За утро и закат в полнеба,
за ту свечу, что в храме зажжена,
за горечь будущей победы,
за веру в то, что кончится война...

Николай ПОЧТОВАЛОВ

* * *

Ох, качается маятник рядом.
Не заденет ли, аль проскочит?..
Ну, какого же ждать-то расклада?..
Среди дня, али среди ночи?..
Быть бы знаемым... но не знаем мы,
где, когда, почему, сколечко...
Времена ещё те — невменяемы.
И не доля — долька, долечка.
Утром ранним-то и солнце кажется:
будет, сбудется вся надежда...
Тяжела ведь и не вся поклажа —
та легка, что судьбе пригожа.

* * *

Короткий разговор — жизнь на пределе...
От сих до сих она всё перемелет.
А перемелет ли войну?.. Нет данных.
Как жить в такой среде — среди обмана?..
Всё снова вылезет потом наружу.
А я уже сейчас почти недужен:
враждебен и суров, на мысли голод...
Как мало нужных слов — пространство голо.
Не говори про то, что будет с нами...
Сойдут все сто потов... увы, слезами...

* * *

Да, умирать совсем не просто:
понять что ты уже уволен,
не болен жизнью поневоле,
не можешь дотянуться до́ ста,
понять, что солнышка не будет,
не будет дружеских попоек...
А будешь заодно с покоем...
Не будет споров, словоблудий...
А за окном... Не будет окон...
И за порогом... Где пороги?..
Не будет бедных и убогих.
И ни всевидящего ока,
как и бессонницы, в помине,
и ни усталости, ни лени,
и некого винить в измене,
и время, будто в формалине...

Но... погоди... Своим умишком
прикинь, ведь нет пока причины
быть без грехов и быть безвинным...
И жизни не бывает лишку.

* * *

Мой личный кабинет... В сети... Конечно же, без окон
и без дверей — входи, когда и кто захочет...
И не повесишь ведь на кабинет замочек:
вот вечно кто-нибудь да явится туда наскоком...

Что делать? На вопрос давно ведь не было ответа.
Да и не будет всё же... Как тут защититься?..
В сети ведь я, как все — мельчайшая частица...
И сколь ни бейся, не добиться суверенитета.

И нет дороги — той, которая ведёт куда-то...
Да хоть куда-нибудь... Экран, как чисто поле...
И сгинешь в нём, как все мы сгинем поневоле...
И будешь быть и жить, как будто в точке невозврата.

* * *

Нет ничего, как будто бы ни звука...
Рассвет в окне — бессменный часовой.
И никого, кто мог бы стать порукой
не задним местом думать, — головой...
Ворчит озябший голос неумело:
ни выдохнуть, а чаще — ни вдохнуть...
Спрошу опять настырно, хоть несмело,
о жизни этой... Нет ответа... Ну,
не значит ли всё это, что пустое —
жить в тишине?.. Отнюдь не ерунда,
что быть у жизни этой на постое
так много всё ж приносит всем вреда.

* * *

Забыть легко, а вспомнить трудно.
В тумане чёточки одни.
Дорога к памяти безлюдна.
Ты только время не спугни.
Оно летит и безотчётно.
Ни буковки... ни звука, ведь
оно и чётно и нечётно,
и может быстро постареть...
А может вырваться на волю
и убежать так далеко,
что не столкнёшься с прошлой болью,
а с новой болью в лоб легко...
Не забывай и будет любо
хранить и пестовать «вчера»
езде: и в памяти ютуба,
и там, где здравствуют ветра.

Греховник

Грех был дробен, и тягуч:
расплетал косу тугую
и... казалось — просто лгу я
в том, что грех мой не живуч...

Грех живёт во мне, рискуя
быть затерянным в ночи:
то кукушкою кукует,
то без удержу молчит,
то разнузданно и грубо
вырывает крик души,
то сожмёт тугие губы,
то вдруг воли их лишит,
то, пьяня, взъерошит мысли,
то пригладит их, урча,
то в ночи звездой повиснет,
то смахнет её с плеча,
то заплачет запоздало,
то всхохочет невзначай,
то воткнётся в сердце жалом,
то поставит греться чай,
то проснётся — зол и страшен,
прохрипит: а ты прохвост...
то вдруг издали помашет
и потащит на погост...

Я живу с грехами в такт.
С ними жить — почти что счастье!
А от жизни только часть я...
Но... грешить пока мастак...

Алекс ЩЕГЛОВИТОВ

Двое

Живут два чужих человека —
Картошка, селёдка, салат,
А где-то фонарь и аптека,
Гитара, портвейн, самиздат.

У них ничего неземного —
Авоська, халат, бигуди,
Будильник звенит в полшестого,
Да вера во что-то в груди.

Живут они вроде прелестно —
Квартира, машина, кровать.
О чём говорить, неизвестно,
И не о чем даже молчать.

Вы вошли с мороза
(вариация на темы Блока)

Вы вошли, остановились на пороге,
Задумчиво обвели взглядом комнату,
Не замечая меня, словно ища кого-то...
А не Вас ли я жду? — подумалось мне,
Хотя ещё минуту назад у меня и в мыслях этого не было...
Ваш приход изменил очертания комнаты,
А значит и контуры поступков...
Почему-то вспомнился Блок:
«Вы вошли с мороза...»
На улице была ранняя осень.
На вдохе я понял, что люблю Вас,
А на выдохе — что потерял.

* * *

Холодная земля. Асфальт пропитан гарью.
Разрушенных домов опустошённый взгляд.
Какой же надо быть бездушной подлой тварью,
Чтоб разрушать и жечь не глядя всё подряд.

Не слышно голосов. Не слышен детский лепет.
Истерика сирен пронизывает ночь.
У куклы на снегу посмертной маски слепок,
И кажется, нет сил хоть чем-нибудь помочь.

Холодная земля. Апрель с теплом не дружит,
Но май уже в пути с надеждой на весну.
Всё сожжено вокруг, лишь пепел кружит, кружит...
Уходим на войну... уходим на войну...

* * *

Я умер на рассвете февраля.
Белели облака на сером небе,
ещё не выбран путь для корабля
и нет войны, чтоб думать о победе.

Ещё до первых взрывов пять минут.
Ещё рассвет пропитан тишиною.
Ещё я мог бы всё назад вернуть,
но я убит,
и тишина со мною...

Две строки

мне ни вечер, ни утро не в радость
я склоняюсь над чистым листом
две строки — это всё, что мне надо
две строки сохранить на потом

увяжу их звучанием слога
сохраню целомудрия дух
ещё утром не верил я в бога
но не смел это вымолвить вслух...

годы канули в синие дали
но остались во мне две строки
две строки... и ручьём побежали
белый лист заполняя, стихи.

* * *

крики над землёй, крики
чем могу помочь только?
выстрелы ракет — блики
взрывы там, а мне больно.

стоны над землёй, стоны
стоны там, а я плачу
и в слезах моих тонет
всё, что хоть чего значит.

взрывы по земле, взрывы
крики, стоны, плачь тоже
отзовитесь кто ещё живы
отзовитесь кто ещё может.

плещет о песок море
ветру лес поёт песни
где-то далеко на азове
погибаю я с вами вместе.

кто-то, что-то там крикнет
и в россии есть те, кто стонет
для кого-то смерть — это игры
оловянные полки на фронт гонит.

оловянные полки не сторают
плаваются в огне без печали
новые полки нарожают
бабы, что сегодня смолчали.

каждому воздастся делами,
в лютом разошлись параллели,
милые, прошу, между нами,
вы уж как-нибудь уцелейте.

Борис КАМЯНОВ

— ИЗ ЦИКЛА «РОССИЯ НА РАСПУТЬЕ» —

Катята

России brave солдаты!
Вы в детстве мучили котят,
Поскольку вами правят каты
И воспитали в вас катят.

Вам весело в кровавом тире,
Все чужаки для вас — враги.
Сшибать рога! Мочить в сортире!
Рвать пасти! Вышибать мозги!

Пьяны от беспричинной злобы,
Вы ждёте лишь команды «Фас!»...
Да будут прокляты утробы,
В которых выносили вас!

СНЫ И ЯВЬ

Я боюсь засыпать, потому что боюсь не проснуться.
Сколько раз только чудом я в мир возвращался из снов!
Раньше снилось распутство, а нынче — распада паскудство.
Вот сегодня, к примеру, — верхом на Макроне Лавров...

Снятся взрывы, развалины, трупы младенцев и женщин,
Снится ангелов Божьих предсмертный задушенный хрип.
Снится Путин безумный, сиденьем клозетным увенчан,
А над ним, в поднебесье, — вспухающий атомный гриб.

Просыпаюсь в поту средь людей и вещей настоящих,
Неизвестная птица поёт за окном на сосне...
Сон смываю с лица и включаю скорей зомбоящик —
И опять вижу то, что я только что видел во сне.

Наяву и во снах бесы мочат невинных в сортире...
Как же стыдно мне, старцу, в конце непростого пути:
Милых внуков и правнуков я оставляю в том мире,
Где от снов и от яви спасенья нигде не найти.

Вий

Вий возник в нашем мерзостном веке,
Позабывшем его и Хому.
Приподняли чудовищу веки,
Телевизор включили ему.

Замутило немедленно Вия:
Надрываются колокола
И весёлая топчет Россия
Украинцев убитых тела.

Пляшет вата, прислужница смерти
При безумном плешивом царе.
Жаждают кровушки ведьмы и черти,
Строя козни на Лысой горе.

Вий воскликнул:
— Я вижу впервые
Божий мир в сатанинской грязи. —
И обрушились веки у Вия,
Словно ржавые жалюзи.

Третья мировая

Россия под гипнозом Сатаны.
Сто с гаком миллионов — зомбобесы.
«Войны хотим! Мы требуем войны!» —
Орут они, отбросив политесы.

У главаря чертей глаза пусты,
Мир захватить решил пахан плюгавый.
Над ним вознёс кровавые кресты
Его подельник, патриарх лукавый.

В Израиле, где вечный балаган,
Всё обстоит серьёзнее намного:
Здесь, обнажив ислама ятаган,
Сам Сатана пошел войной на Бога.

Каннибалы на марше

Волкодав — прав, а людоед — нет.
Пословица

Я родился в стране людоедов,
Где закон выживания таков:
Молодёжь точит зубы на дедов,
Кто сильнее, те жрут слабаков.

Там вождей ублажают на славу
От лубянских котлов повара.
В школах кормят детей на халяву:
На откорм там идёт детвора.

Хоронясь от ловцов по подвалам
И стараясь держаться в тени,
Я попал прямо в пасть каннибалам,
Но нашли меня горьким они.

Словно Йону из чрева китова,
Изрыгнула Россия меня,
И живу, как родившийся снова,
Благодарность Владыке храня.

Опьянённый волшебною сказкой,
Обживаю дарованный рай.
Но смотрю я на север с опаской:
Там стоит оглушающий грай.

В ожидании Антимессии
Над Европой кружит вороньё.
Проглотить её гонит Россию
Аппетит ненасытный её.

Мир увидел такую картину:
Под началом безумных вождей
Каннибалы вошли в Украину
И, урча, пожирают людей.

В страхе Балтия, Польша, Молдова,
Нагуляв на свободе жирок.
Вся Европа, по сути, готова
К душегубам попасть на зубок.

Русь восстала. Причина простая:
Разгулялась бесовская рать,
Потому что Россия святая
Хочет жрать!

Ути-Путин-Мироед

Скушал Путин-мироед
Украину на обед,

Целый мир сожрать готовый,
Он поужинал Молдовой.

Ночью от упадка сил
Закавказьем закусил,

Слопал страны братские
Среднеазиатские.

Как голодный сом — плотву,
Утром проглотил Литву,

Латвию, Эстонию,
Польшу и Японию...

Он рыгнул, и облизнулся,
Громко пукнул — и проснулся.

Бедный Путин! Понял он:
Это был всего лишь сон.

Вышел Путин из Кремля
И воскликнул Путин: «Бля!..»

В сердце матушки-России
Флаги жёлто-голубые,

И банкуют китайчатки
От Урала до Камчатки.

Вера ПАВЛОВА

* * *

Кажется, я поняла:
непреодолим разлом.
Добру не хватает зла,
чтобы покончить со злом.
А зло хватается добро
за горло и ставит на
колени. И это старо,
старо, как мир, как война.

* * *

Пуля дура. Танк debil.
Ракеты идиотки.
Сколько ты детей убил,
корифей наводки,
командир координат,
полководец клавиш,
сколько — десять, пятьдесят,
сто? В аду узнаешь.

* * *

полюбишь ирода и каина
аттиле перевяжешь рану
подбросишь на работу сталина
читать научишь чингисхана
отдашь последнее пирожное
нерону гитлеру иуде
пока на свете есть хорошие
не пропадут плохие люди

* * *

всё тоньше пульса нить
но держат высоту
сумевшие прибить
самих себя к кресту
всё гибельней мечта
всё гуще пена дней
но с высоты креста
грядущее видней

* * *

Гас, включался торшер,
но не сжалился сон.
Совесь-интервьюер,
где твой вердиктофон?
Я никак не пойму,
что тут правда, что ложь.
Объяснишь, почему
ты мне спать не даёшь?

* * *

перелётное время
перекатное место
помириться со всеми
вырваться из контекста
день отбытия близок
бьётся сердца копилка
карандашный огрызок
доедает точилка

* * *

Шмыг в промежуток узкий
между сумой и тюрьмой.
Скажет язык: я — русский.
Нет, дорогуша, ты — мой:
промысловик жемчужин,
нежных сердец айболит.
Тысячу раз прикушен.
Вырван. На место пришит.

* * *

Редактирую последний том.
Заканчиваю работу на закате.
Чувствую себя игроком,
в серии послематчевых пенальти
не забившим решающий гол.
Исправляю маленькую помарку.
Убираю рукопись в стол.
Ухожу в раздевалку.

* * *

Дай забыть, что я большая,
дай пожить на посошок!
Засыпаю, предвкушая:
утром будет творожок,
будет день не слишком тяжек,
светел вечер, ночь легка.
Сколько их осталось, чашек
кофе, плошек творожка?

* * *

родилась возвратный глагол
умерла безвозвратный
положить на письменный стол
лист осенний тетрадный
набросать и перебелить
крупно как на граните
НИКОГО ПРОШУ НЕ ВИНИТЬ
И МЕНЯ НЕ ВИНИТЕ

Вячеслав РАССЫПАЕВ

МХ-648

Такая дрянь в моих полях не барражирует.
Здесь лишь крылатые мальчишки по ночам
сметают с пандусов латиницу паршивую
и проверяют, кто сердца ожесточал.
Земля отстала по шкале изобретений:
всё выясняет, чей сакральнее гектар.
Сквозь герметичные таможи прут метели,
где я Димончика почти что покатал.

Запрограммирую парнягу желтокудрого
из-под земли достать срамного должника —
из кожи вылезет меж греками и курдами,
добычу вскроет от затылка до пупка
и скажет: на! Бери казан, готовь чанахи,
освобожусь — продегустируем меню.
Куда уж круче в кулинарном альманахе
прочесть про съеденную с кетчупом ступню.

Велоэргометр, Сыроежкиным подержанный,
здесь даже больше реквизит, чем тренажёр.
Как будто в ссохшемся лесу среди валежника
тебя одёрнули: смотри, что я нашёл!
Добавим мяты в горьковатую микстуру,
заварим реквиема с паводком коктейль —
падут душилилы с электрического стула
мгновеньем раньше, чем судьба пропишет цель.

Они бессильны — я спокойно по волне иду,
и нет причин вдаваться в крайнюю жестокость,
но там, на площади, у памятника Нейланду,
умом — не знаю, а бокалом с кем-то чокнусь.
Речная соль смягчит дорожный уксус краха,
высотомеры и дозиметры соврут —
и из сосудов наших общих лишний сахар
стечёт ручьём на глубину сульфидных руд.

МХ-656

Тело на свободе — это ясно.
Но давайте ж, ё-кэ-лэ-мэ-нэ,
отличать барашков безучастных
от проекций сердца на окне.

Я же не хомяк в картонной клетке!
Но — меня не слышат выше крон.
На дворе прогресс, а тут котлетки
привлекают соек и ворон.

Взламывать замок — а как? Коленом?
Или, может, подбирать пин-код?
Ноет вслух отторгнутая клемма —
пасторов неведомых клянёт.

А по небу катятся овечки.
Дразнятся одна другой ловчей,
и пьянеет труп живой по венчик
косточек своих параличей.

Это, видно, души на свободе —
клевера, акации, овса...
Гавкнулась программа в сноуборде
и тем самым вскрыла небеса.

Поравняюсь с облачной отарой —
столько традесканций всем раздам,
что отпустит нутрию котяра
к трезвым травоядным господам.

Стельки ревматических кроссовок
марафонцев там не тяготят.
Доберутся гномы до раскопок —
обувь прикарманят всю подряд.

С писаниной будет чуть сложнее:
грязь, чернила, правки, дырки, жир...
Словом, Бог в декрет Полишинеля
много премий Дарвина вложил.

МХ-669

Кто-то до меня поставил диск,
не забыв кольнуть его в бордюр —
я гляжу, смокчу свою вторичность
и себя кошмарю: постыдись
уступать престол армадам дур:
место не своё схлопочешь в притчах!

Вон пластинка. Можно делать стрим
для ворон, мышей да комаров.
Суперантураж — паркет да кафель.
Приговор повсюду быть вторым —
здесь он даже хуже, чем погром.
Рыба для газетных эпитафий.

Серебро — такое серебро...
По цене — очищенная ртуть.
Ладно — с пресловутым тем винилом,
но когда в мечте серым-серо
и с ветровки пыль не отряхнуть, —
дай таблетку, чтоб нутро не ныло.

Сяду за баранку в шестьдесят —
скажут: ну, а фишка в чём, старик?
«Старичок», — поправят эрудиты.
Помозгут спяну так да сяк,
кто-то про педальку поострит
дёшево, цинично и сердито.

Там, куда я вскоре попаду,
вскинется сакральный смысл мечты,
обретёт родные установки.
В яблоках, в мальчишечьем меду,
где у пихт хвоинки золоты
и гавкун-трава скулит из норки.

Видно, генерирует тюльпан,
чей однажды хрустнет гинецей —
и обычной вещи удивится
вылезший из пестика братан,
новой жизни осмысляя цель
в радости на первенство столицы.

Нина ГЕЙДЭ

* * *

Убаюкано время до срока
в колыбели прошедших веков.
В день грядущий пустынна дорога,
и во тьме не найти маяков.

Только Вечность всевидящим оком
созерцает владенья свои.
Небо ранено лунным осколком
и вернулось на землю с войны.

Грань меж явью и сном исчезает.
Ночь к рассвету идёт напрямик,
и уснувший ребёнок не знает,
что случится уже через миг.

* * *

Нева в тумане стынет ватном,
и тонет прошлое в Неве.
Я — в настоящем тесноватом,
где сны реальности невнятны
в невыносимой синеве.

Чужое небо будто лаком
покрыто наскоро к весне.
Несомы дни теченьем слабым —
не хочется ни петь, ни плакать
в их невесомой новизне.

И нет уже пути обратно.
Стоят невидимо кресты
за покосившейся оградой
стареющего скучно сада.
Войною взорваны мосты

через Неву и через Лету.
И за шесть гривен не возьму
в мечтах летучую пролётку.
Сыграли в русскую рулетку —
убили молодость мою.

* * *

Мне кажется, ты жил в соседнем доме,
а в этом я — на третьем этаже.
Мы шли гулять в полуденной истоме —
притихшие, влюблённые уже.

Ещё не вскрыв жемчужницу томленья,
ещё не зная, что она пуста,
что утоленья нет без утомленья —
мы шли по кромке чистого листа.

И соловьи в кустах сирени пели.
А год какой был — не припомнить мне.
Четырнадцатый или сорок первый?
Двадцать второй в февральской белизне?

* * *

Как хороши безлюдье и безделье
в закатной невесомости потерь,
где прошлого растрёпанный бестселлер —
единственное чтение теперь.

Без тьмы разлук, без полдней иступленья
покойно так, покорно тишине.
Шуршание дождя и птичье пенье —
волшебные события извне.

Я пью нектар минут неторопливых —
они теперь длиннее, чем года,
и бытия бесцветные отливы
лечебны для души как никогда.

Уже не приведёт к волнениям крови
из пыльного ларца старинный блеск
в далёких землях собранных сокровищ —
и памяти неосторожный всплеск.

В осенней созерцательности ленной
играть земные роли не спешу.
Лишь вспыхнет ненароком изумленье,
что так и есть всё то, что я пишу.

* * *

Водевиль облаков. Чуткость чуда в пугливом закате.
Оленёнок в укромной ложбинке у кромки воды.
Тёплый ситец лугов. У мгновения — вечность за кадром.
И недолго совсем до таинственной первой звезды.

Невесомость весны, вылетающей бабочкой в лето.
Невесёлость ворон, раскричавшихся в гуще ветвей,
своевольем ветров уносимых то вправо, то влево.
И моё возрожденье в летучей улыбке твоей.

Так и кончится жизнь — разноцветно, легко, непонятно,
убежит, как олень, от азартных охотников-слов.
Но мы в кадре пока — и уже не пойти на попятный.
Колыханье звезды. Шелест времени. Ветер. Любовь.

* * *

Лес прошлого — щепки для топки
на голых пространствах потерь.
Любви шепотки и щепотки —
вот всё, что осталось теперь:

души подчиняясь завету —
не символам смутных времён —
вновь жизнь, как повозку, к рассвету
по чёрному войлоку войн

она волочёт из разрухи,
сшивает разрозненность лиц,
насущенного неба краюху
стараясь на всех разделить.

* * *

По кочкам и по рытвинам
порывов не дошёл ещё
день до заката рыбьего.
Слов чешуёй покрытое,
колышется чудовище —

мир видимый, неведомый
у Вечности за лацканом —
рождением навязанный,
залатанный, застиранный,
замученный, заласканный
святошами, задирами —

вокруг светила внешнего
меж звёздами кочующий
прочь от вопроса вещего:
а если за кольчугою —
слов — пустота кромешная?..

Яна КАНЕ

Солнцеворот

В ночь зимнего солнцестоянья
Не верится в солнцеворот.
Груз тьмы придавливает веки,
От холода немеет рот.

Но ловит ухо, как под снегом
Во сне шевелится трава,
И мир во мраке приникает
К сосцам набухшим божества.

Зеркальная симметрия

Если Бог создаёт человека
По своему образу и подобию,
То Бог многообразен и изменчив:
Женщина, мужчина,
Младенец, девушка, старик.

Если человек создаёт Бога
По своему образу и подобию,
То Бог противоречив и разнороден:
Отец, мать, судья,
Сестра милосердия, палач,
Самодержец, пастух, поэт.

Молоко и кофе, горечь и сладость
Смешаны по-разному в разных чашках.

Одно постоянно и неизменно:
Уязвимый и конечный создаёт слово,
Отделяющее темноту от света.
Познавший свою смертность
Становится творцом.

Душа. Триптих

1. Тайком от разума

Сквозь шум и хаос,
Задыхаясь и спеша,
Расслышишь
И признаешь понемногу,
Что молится озябшая душа
Тайком от разума
Низверженному Богу.

2. Прозренье

Душа, не верящая в Бога, —
Нагая, смертная душа.
Её не манят песни рая
И муки ада не страшат.

Ей некуда нести молитвы:
Смиренье, благодарность, лесть.

Она в пути своём бездомна.

Ей сострадание и честь
В ненастье служат маяками.

Она живёт в последний раз.
И пусть прозреньем озарится
Весь путь её в предсмертный час.

3. Свобода

Душа печальна и пуглива,
Нежна, насмешлива, беспечна,
Мудра, бесхитростна, лукава.

Со смертным телом неразлучна,
С ним смертна.

Век свой быстротечный
Познав, приняв, она свободна,
Светла, неповторима, вечна.

Дары звездочёта
(посвящается Елене Касьян)

1. Слова

*Крыши присыпало снегом, как стрептоцидом.
И кажется, что вот-вот всем должно полегчать.*

Елена Касьян

«Крыши присыпало снегом, как стрептоцидом.
И кажется, что вот-вот всем должно полегчать».
По ниточке этих слов я карабкаюсь к дальнему свету.
У них я учусь стихами не говорить, а молчать.

2. Хлеб

*...у памяти не было веских причин
нас кормить от души воробьиным усушенным хлебом...*

Елена Касьян

Без крошек птичьего хлеба
В сытости нет утоленья.
Асфальт городской был бы мёртвым,
Если бы не воробьи.
Душа благодарна за россыпь
Воробьиного угощенья —
Слова любви и печали,
Простые строки твои.

3. Метель

*Смотри, как перевозят снег
В небесной лодке...*

Елена Касьян

Небо придумывает снежинки —
Созвездия, рои, кружевные вихри
Бессчётных танцовщиц, мотыльков, соцветий.

У каждой, у каждого есть миг рожденья,
Свой путь, своё место, своя кончина,
Заветное, неповторимое имя,
Строка на тайных, вечных скрижалях.

4. Свет

*Мы войдём в этот свет, в этот год,
в этот белый предел...*

Елена Касьян

На обледеневшей крыше
(О, как высоко, как страшно!)
Звездочёт разгребает,
Как первый снег, облака.

Приподнявшись чуть выше,
В ладонь собирает неспешно
Созвездья... Не оскудевает
Дарящая звёзды рука.

Виктор КАГАН

* * *

Льдом оторочены майские лужи.
Мир, опороченный кровью любви.
Жизнь слаще смерти, спасения хуже.
Спесь со свинчаткою. Спас на крови.

Рифмы избитой высокая нота.
Слёзы, как дни по щекам, солоны.
Что за скупая господня щедрота —
жизнь от безгрешья до смертной вины

и от вины до собой искупленья,
до пятаков тишины на глаза.
Бога распятого усыновленье.
Слова иссохлость. Рассвета слеза.

Телу в земле раствориться дорога.
Духу тропинка сквозь тьму в небеса.
Око бессонное старого Бога —
виснет на веках прозренья роса.

Слёзы утрёт ему дева Мария.
Всхлипнет младенец. Склонятся волхвы.
Матінко, мати, надія та мрія.
Ржавая оторопь свежей травы.

* * *

так мы жили когда-то легко и светло
но когда это было давно позабыли
память судорогой словно ногу свело
и в глазах ни слезы ни цветка на могиле
разметало могилы по лысой земле
пока мы разводили свои тары-бары
и синяк на скуле и душа на метле
словно дрон облетает пустые базары
что за дурь вспоминать что за блажь забывать
что за похоти прихоть живым оставаться
и впадая в кураж отправляться на рать
и творца принимать за смешного паяца
не просить не бояться не верить и не
затевать пашни с лихом коль тихо
не пропасть на пиру и не кануть в войне
где огнём на потёмках гадают шутиха
и припомнить как жили светло и легко
по забытому нынче лекалу
когда было ещё до войны далеко
а она уже мир догоняла

* * *

Можешь шептать, кричать или молчать,
застыть, окаменеть, рассыпаться на кусочки...
Под утро с небес прилетает каинова печать
по грецким орехам голов. Но это ещё цветочки.

Это ещё цветочки. Ягодкам свой черёд.
Приторный запах смерти с птичьими косяками
нетопырём полуденным по чёрному небу плывёт
в поисках Синей Птицы, живущей за облаками.

В кровавой дымке заката встаёт зарёю восток.
Тащат Рублёва на площадь. Летом орут колядки.
Взламывает стотонность жизни хрупкий росток.
В развалинах новых герник дети играют в прятки —

кто не успеет спрятаться, лётчик не виноват,
цели отмечены крестиком, что означает нолик,
и догорает весёлый детского войска солдат,
и плачет над ним тихонько недогоревший гномик.

* * *

смерть войну обозначит сама не СВОя
и СВОйна в караоке под хрип СВОронья
захлебнётся злой радостью небытия
где из грязи растут самозванцы-князья

и на кру́ги своя как ни кинь вновь и вновь
сколько ни голосуй сколько ни прекословь
босиком по стеклу ноги сбитые в кровь
под весёлую песню про любовь и морковь

что ни год непогода пожар недород
в головах то шатанье то мыслей разброд
на высотах зияющих пляшет народ
смерть колотится в глотки раскрытых ворот

от ворот говорю поцелуешь пробой
поворот говорю и катись-ка домой
с головою повинной но всё же живой
чёрт с тобой говорю бог с тобой

на руинах аптеки угольки-снегири
поминальные свечи а не фонари
от рассветной зари до вечерней зари
бог с тобой говорю чёрт тебя побереи
2022–2024

Ирина ЮРЧУК

Сдвиг

Грядёт девятый вал «блицкрига».
Крик Мунка на картине Босха.
Плит тектонические сдвиги:
Коры земли и тверди мозга.

Ум сдал назад и лезет рачки.
Фиаско здравых мыслей робких.
Планета головы в горячке.
Ей тесно в черепной коробке.

На темени планеты где-то
Кровит ранение сквозное.
Ей жажнула в живот ракета,
И дрогнуло ядро земное.

Душа Земли уходит в пятки,
В извилинах коры — цунами.
А в высших сферах неполадки.
Бог позабыл, что будет с нами.

И поднят по тревоге робот.
Кипящий разум возмущённый,
Надев промасленную робу,
Свой напрягает ящик чёрный.

Но небо плавится по кромке,
И пропофола нет в продаже,
Но трескается шифер ломкий
И крыша мира едет дальше...

А мы бесхозны и бескожны,
Уже почти беззвучно ропщем.
И пережить всё это можно,
Но только под наркозом общим.

Бредём, двуногие букашки,
Хотим хитиновой скорлупки.
Кипит вода в коленной чашке
Конечности Вселенной хрупкой...

Без сортировки и поблажки
Плывут в одну давящую тушки
И разыгравшихся в пятнашки,
И заигравшихся в войнушку.

10 февраля 2023

Бюро находок

Горе-город кунсткамерой прежней
Жизни всей. Сколь унёс, столь и взял.
Лишь оконные бойницы-бреши
Косо смотрят на Южный вокзал...

Перекрёстки разломов и трещин.
Свалка судеб, святого погром.
На вокзале потеряны вещи:
Рюкзачок с драгоценным добром.

Там две маечки — переодеться,
Сникерс (купишь в киоске любом),
Пачка памперсов — скарб для младенца,
Шарф, иконка и фотоальбом.

Бессловесный свидетель разрухи,
Погорелец со швом на боку,
Грязно-белый медведь одноухий
Приторочен к тому рюкзачку.

Кто нашёл? Объявляется поиск.
И молчит каждой болью немой
Под завязку заполненный поезд:
Это мой. Это мой. Это мой.

12 февраля 2023

СКВОЗЬ

В помещении мрака подсобном
Бродит нелюд средь правящей мглы.
Вот приладишь фонарик налобный
И подашься в глухие углы

Разгребать вековые завалы,
Делать просеки в дебрях чащоб,
Чтоб слепцы прозревали помалу
И тропинку нащупали чтоб.

Упакуешь в кармашек нагрудный
Дольку неба и солнца ломоть.
Этой камнедробилке паскудной
Не дано белый свет размолоть.

Он пульсирует без перебоев,
Не слабеющий ни на фотон,
Мирозданья культу обезболив,
Прорастает сквозь заросли дён.

Чуден Днепр в толковании вольном.
Аксиома свободы проста.
Белый свет — это вечные волны,
А потёмки — ничто, пустота.

10 марта 2023

Пропаж

— Бюро пропаж? Надежду не видали?
Утеряна, увы, не повезло.
Она осталась где-то на вокзале
Среди чужих пожитков и узлов,

Там, где развилки, расстани и стыки
Небитых двух за битого дают,
Врываются гудков истошных вскрики
В разбурканный плацкартный неуют,

Там, где бредёт судьба пешком по шпалам
Событий обветшалых и вещей,
Звезда любви куда-то запропала,
Видать, в глухую закатилась щель...

Там, среди терний, шиповатых прутьев,
Не видно и не слышно поездов,
Пустынно на вселенских перепутьях,
И синий птах давно не вьёт гнездо.

— Бюро находок? Найдена потеря.
Не ваша ль? Нестираемым тату
На ней зарубцевалось слово ВЕРЮ,
И крылья заживают на лету.

16 апреля 2023

Наталья САВИНА

Молитва

*Господи, дай мне душевный покой,
Чтобы принять то, что не могу изменить,
Мужество изменить то, что могу,
И мудрость отличить одно от другого.*

Франциск Ассизский

С моей растерзанной душой,
Пришла к Тебе. Горит свеча.
О, дай моей душе покой,
И силу не рубить с плеча.

И принимать всё так, как есть,
Коль изменить я не могу,
И на краю у Бездны сесть,
Как на обычном берегу.

Дай мужества, чтоб изменить
Всё, что могу ещё менять,
И мудрость, чтобы отличить
И сердцем суть вещей понять.

Сила молитвы

Конечно, мне понадобится время,
Чтоб ускользнуть от серых лап тоски,
Возможно, жизнь наполнена не теми —
Вокруг меня зыбучие пески.

И безысходность без конца и края...
В кромешной тьме спешу зажечь свечу,
И шёпотом молитвы почитаю:
Душевного покоя лишь хочу.

Откроются меж строчек откровенья,
А из души уйдут и боль, и страх,
Прогонит Вера мрачные сомненья,
Надежда засияет в облаках.

Вокруг беда. Молю святых: «Спасите,
И много дней пусть будет впереди».
Старинный образок на тонкой нити
Ладонью прижимаю я к груди.

* * *

«Шахеды» нас кошмарят по ночам,
Не исчезает из души тревога:
Всем сердцем верим в ЗСУ и Бога.
Слегка коптит зажжённая свеча.

Под утро и ракеты полетят —
Завоеет зверем за окном сирена.
А смогут ли укрыть родные стены?
И кто же остановит этот ад?

* * *

Я завернулась в плед, как в кокон,
В квартире встала между стен.
А смерть летает возле окон,
И страх берёт без боя в плен.

В душе вселенское сиротство,
И взрывов в темноте не счесть...
Молиться только остаётся,
Чтоб всех врагов настигла месть.

Откровение Герды

А я в снегу нашла зачем-то Кая:
Теперь не знаю, что мне делать с ним,
И руку, чтоб согреть, ему сжимаю:
Мы пледом накрываемся одним.

Дорога позовёт его, быть может,
И в сказку Кай нелепо угодит,
И я за ним последую, но позже —
От прежних отойти пора обид.

Идти, спасать и удивлять прохожих,
Чтоб новой сказки расплеталась нить...
И повторять: «О, Всемогущий Боже,
Пусть он меня научится любить!»

Простить

Что такое простить?
Значит, снова обнять?
И на старую нить
Узелков навязать?

Не зажили рубцы —
Жду подвоха опять.
Ах, святые отцы,
Эту боль не унять.

Растворят силуэт
Ледяные ветра:
С чем жила столько лет,
Отпущу до утра.

Всё оставлю как есть,
Чтоб спокойнее жить.
Безразличье не месть —
Это значит простить.

Анатолий БЕРЛИН

«В тот час, когда тревоги...»

«Остерегайтесь, граждане, луны,
Поэты, прекратите излиянья...» —
Вот что читал я, будучи пяти
Лет отроду в солдатском лазарете
Под пульса стук в израненных телах,
Где непривычен был для молодых калек
Уход сестёр и чистый детский голос.

Я, став поэтом, вдруг переосмыслил
Значение провидческих стихов:
Уж полумесяца несообразный абрис
Втыкает свои острые рога
В фантазмагорию, обретшую реальность...

Остерегайтесь, граждане, луны,
Когда она освещена частично
И в первой своей четверти растёт,
Чтобы серпом скосить созревший колос
И светом мертвенным залить ослепший мир.

Беда, беда... Восставшею бедою
Саднит пространство бывшей тишины...
Проклятьем вдов, молитвой матерей,
Питающих иллюзию спасенья,
Заполнены вибрации рассудка.

И вот опять ко мне приходят строки
(Что с той поры я помню наизусть),
Которые не учат нынче дети:
«Остерегайтесь, граждане, луны...»

Музыка Любви

Памяти Эдит Пиаф

Трепетная девочка Парижа
Про любовь и про печаль поёт.
Изумлённый воздух песней дышит,
Россыпью трагичных чистых нот.

Шансонетки с неподдельным шармом
Повторяют жизни естество:
Звуки поцелуев над Монмартром,
Музыку соседнего бистро.

Страсти и наитию послушна,
Женщина рыдает... Се ля ви!!!
И никто не может равнодушно
Слушать эту исповедь любви.

И подобно ящерицам, руки
Мечутся среди развалин душ,
Над толпой разбрызгивая звуки
Яркие, как танцы в Мулен Руж...

Голос над проснувшейся столицей
Стаи песен выпустил в полёт,
И печальный ангел, словно птица,
Маленькую грудь страданием рвёт.

Волшебство и непрерывность чуда,
Крик Любви в неистовых глазах,
Праздник околдованного люда —
Королева песни — Мом Пиаф.

Форма Бога

Мудрость — это форма Бога.
Мысль много — мысли строго
И спонтанно, и логично
Размножаются привычно.

Я пишу, и мне диктует
Кто-то Высший, как целует,
И протоптана дорога —
Мудрым словом славить Бога.

Набат

Томас Мальтус предсказал вслух:
станет много нас, как тех мух,
и, пророча, не жалел фраз,
чтоб избавиться от нас враз...
и по шарик у ползёт страх,
будто нам не пережить крах.

чёрный белому утёр нрав,
а кто беден, тот всегда прав,
шёпоток потёк от них к нам,
что трещит оно по всем швам:
ты привит, а тот, кто нет — враг,
даже если он тебе брат.

хоть горбись, а хоть кого горбь,
но погрузится весь мир в скорбь,
скоро роботов придёт час,
чтобы жить начать взамен нас,
им не надо никаких льгот,
всё, что нужно, это пин-код.

но пока сменяет день ночь,
прогоняю свою мысль прочь,
и гудит мой, как набат, зов:
как бы нам не наломать дров!
а ещё молю вас усмирить сплин...
Ното! Sapiens ли мы, блин?

Параллельные миры

Охровый сад на экране компьютера...
Мерная прелесть осенней поры.
Полузабытым радушием хутора
Пахнут старинных деревьев стволы.

Им, янтарём золотистым одаренным,
Не осознать электронных времён.
Свежими красками, утренним маревом
В грусть утомлённую сад погружён.

Неторопливо проходят видения,
Пятнами память приносит слова,
И смоляной аромат вдохновения
Увековечен движеньем пера...

Словно дожди, в этот мир, зачарованный
Шелестом ветра и пением птиц,
Кружевом неба и снега покровами,
Льются из космоса сонмы частиц.

Им не постигнуть согласия странного
Медленно машущих крыльями стай,
Ветхой скамьи естества деревянного,
Трости, забытой на ней невзначай.

Саша НЕМИРОВСКИЙ

— ИЗ ЦИКЛА «НОВАЯ ИУДЕЙСКАЯ ВОЙНА» —

Гнев

Опять мой народ под ножом мясников.
Неужели врасплох
был Всевышний захвачен?
Бьётся сердце открытое нагишом,
пересохши от плача.

Не устав ненавидеть не смолкают уста.
Та девчонка —
чиста,
тот младенец — невинен.
Этой сволочи чёрной
мало будет дубины —
она слишком проста.
Мало будет зарницам попадающих бомб
освещать эти рожи, а не лица и лоб.

Я лежу на дороге. Вой сирены вдали.
Мне отроги горы, что на юге видны.
Вниз по склону идёт человек босиком.
Он скрижали несёт в развороченный дом.

В нём песком
покрывает пустыня тела,
там где жизнь навсегда в никуда утекла.
Нам останется месть, обнищавшая злость.
Мой народ, что у мира застрявшая кость.

Этой крови не счесть, не измерить реки.
Я встаю во весь рост отряхнувши пески.
Мы живём вопреки. Мы читаем скрижали.
Мы в ответ на вопрос на курок нажимаем.

Суккот

Девочка просила у Бога:
«Забери меня из лап людоедов!»
Плакала,
прижимая пораненную руку,
спрашивала:
«А куда моя бабушка делась?»
Долго
гоготали ей в ответ мясники.
— Не строй дурку!
Сиди тихо. Поворачивайся, подставляй тело
для осквернения.
А у девчушки — глаза-васильки.
Дрожат колени.

Девушка вопрошала Создателя:
«За что? Чем провинилась?»
Из бетонной комнаты звёзд не видно.
Порвано концертное платье.
Отбиты
каблуки, лодочки развалились.
Вились
пряди, намотанные на ствол.
Голод. Боль.
В глазах убийцы всегда нарисован ноль.

Старая женщина
просила у палача
таблеток, воды.
Давление, наверняка, подскочило.
«Господи», — шепча:
«Ещё бы день продержаться.
Пошли силы,
покуда слова молвлю.
Внука выведи из беды,
ведь всего двенадцать!»
Сломанные кости в пакете на молнии.

Суккот —
праздник жизни. Щедр Всевышний
к семени Моисея.
Скот
распуган, убит. Лежит
навзничь хозяин. Тоже не дышит.
У младшей дочери — набок шея.
Остальных угнать. На глаза повязку.
Связать, бросить в повозку.
Пристукнуть,
чтоб не орали.
Над Израилем
светит солнце. С точки зрения спутника
на орбите — всё нормально.

Храм любви

К ночи я возвращаюсь из города мёртвых.
Переплываю Нил.
Меня встречают прекрасные жрицы.
На алтарях, истёртых
от любовных схваток
не оседает пыль.
Облака,
огни над столицей
отражаются в стоячей воде
лагуны, как второе небо
в переплетениях лучей звёзд.
Вечер садится.

На гряде,
на гребнях барханов удлиняются тени.
Я возвращаюсь из города мёртвых, где я замёрз,
пока прошагал
его из конца в конец
и уверился, что он пуст.
Мне встретился лишь шакал,
да среди колец
своей паутины — степной паук.

Жрица,
не открывая уст,
(обет молчания
не терпит звук),
возврати меня в жизнь. Мне некуда торопиться.
Подари тепло, чтобы им мне себя расплавить.
Принять, смириться.
Увиденные картины отчаянием
затопают рамки памяти.
Лица,
замученные лица
размываются во лжи
слов, вспучившей шумы
многоэтажного города живых.

Я не принадлежу ему так же,
как и городу мёртвых — чужд.
Здесь, в храме любви,
стоящим между
уже и ещё
прими мою жертву. Возьми
это тело, используй, порви,
выбрось. Это не мой расчёт.
Это — нужда и это — надежда.

11 ноября 2023

Языки войн

Жить в раю, говорить на любви.
Босиком по песку вдоль кромки воды
по твоим следам, до половины
размытым.
А где-то там идут две войны,
где два раза мне быть убитым.
Ты себя не вини.
Где-то тут над розовым морем
облака лениво цепляют горы,
бугенвиллия
краснеет оттенком крови,
и фонтаном ветки шумят над кровлей,
целой, не проломленной долетевшим дроном.

Здесь в раю, птицы паучка не тронут,
на любви щебечут,
и нам их речь понятна.
Я за тобой бреду, ссутулив плечи,
на мостовой оставляя пятна.

А ты скользишь по пляжу.
Из-под короткой юбки — волшебство ножек.
Далее хребта кряжи
чернеют под твоей походкой,
как домов фасады от пожаров в саже,
потому что били прямой наводкой.
Там меня положат.
Там до рая близко.
Прикоснуться б к коже в тишине, стиснуть.

Я в плену у зла. Ни еды, ни света.
Выхода из склепа
не найти на поверхность.
Духота и голод — недалеко до краха.
Лишь надежда не меркнет.
Я о ней молчу на языке страха.
Терпкие
мысли в раю не вызревают.
Ах, лазурное Средиземное, —
отражает
нас в волнах с внешнего края,
под качание любви. Безразмерное,
светит солнце над пустыней,
как над пшеницы полем,
жжёт глаза,
кружит в танце. У теней —
плещут руки.
Убитого лови да в рай бросай.
Я шепчу на языке муки
и прошу на языке боли.

Андрей КОСТЮЧЕНКО

* * *

Всё закончится этим летом.
Будет маятно, зябко, вязко.
Если верить плохим приметам,
То такую и будет развязка.

А согласишь тому, что надо,
Будешь думать о том, что хочешь,
Тут тебя и догонит награда —
Сказка добрая ближе к ночи.

И найдутся бывшие силы,
И вернутся родные плечи,
Ты начнёшь выводить курсивом
Имя в контуре нашей встречи.

«Всё закончится ярким светом,
Тёплым светом в конце тоннеля», —
Вам скажу по большому секрету,
По секрету Полишинеля.

2–31 августа 2024

* * *

Ураган воспоминаний
Снёс крышу моего детства
И зачем-то разрушил
Мой Старый Замок
Из песка у моря.
Ураган воспоминаний
Толкнул с обрыва
Мою вчерашнюю лень,
Что слонялась среди развалин
Любимого когда-то города.
Ураган воспоминаний
Оправдал твоё присутствие
В прозрачных одеждах.
И протяжный звон колокола,
У которого не было языка,
Напоминал о свидании,
Колокола,
В который швыряли камни,
А он отвечал
Чудесным звоном.
Ураган воспоминаний
Оторвал тебя от дел
И унёс на расстояние,
Для меня непреодолимое.
Но в твоих глазах
Я прочёл тоску
По нашей юности,
По нашим шалостям
И по не открытой
На нужной странице
Книге страстей.

Ураган воспоминаний
Затих.
Опомнился.
И я пошёл воздвигать
Замок у моря.
10–18 октября 1996

* * *

В дождь, в непогоду, в ночь, как при упадке сил,
Смотришься в потолок, думаешь — в небеси,
Хочешь ты вновь огня — жаждешь высечь искру.
Лучше скажи мне — что... бросило нас в эту дыру.

Лучше скажи... иль нет — лучше, пожалуй, спой,
Как барабанит дождь, как величав покой,
Как мы с тобой одни, в сумерках у дверей,
Кормим почти что с рук добрых больших зверей.

В дождь, в непогоду, в ночь, если не ждать огня,
Можно совсем простыть, коль не согреть меня,
Или же просто устать, с тем и проспять рассвет,
И навсегда потерять чувства, которых нет.

Лучше скажи мне «как», лучше ответь мне «где»
Водится рыба-мрак в мутной, как сон, воде,
Водится рыба-страх, бьёт по лицу хвостом,
Вот бы их изловить и оглушить веслом.

В дождь, в непогоду, в ночь, с новым приливом сил,
Если захочешь летать — ты у меня спроси.
Я подскажу ответ, но замолчу вопрос:
«Всё ж на какой метле аист тебя принёс?»

23–28 июля 2010

* * *

Просто прийти по вызову, просто прийти в себя
Уже невозможно, ибо нету таких иллюзий...
Пространство разрезано временем, как режут небо струи дождя,
Как режут душу воспоминания о тихом волшебном блюзе.

Машины сжирают бензины, отхаркиваясь из выхлопной,
Нас перенося в иные миры, города со скоростью, но не звука.
Машины сжирают то ощущение, когда по передовой
Ты бежишь на своих двоих, кричишь
«Ура!» и пугаешься сердца стука.

Просто прийти по вызову нет ни сил, ни фантазии, ни вины,
Глупая птица несчастья на твоём сидит плече и хохочет.
Пространство разрезано временем,
а вот невидимой жизни твоей струны
Не найти, ни купить, ни достать, хоть душа как раз её-то и хочет.

Просто приди по вызову, просто приди и сядь,
Оторвись от борща, от политики и от животного страха,
Жить, оказывается, забавно, а еще забавней — красиво летать,
Если рядом с тобой — любимая, и она ближе к телу,
гораздо ближе, чем своя рубаха.

1 октября 2007

* * *

В карманах гуляет ветер
И гнёт понапрасну ветки.
На том и на этом свете
Закат удивительно редкий.

Сегодня почти суббота,
А может быть — воскресенье,
И есть у меня забота:
Отбросить все опасенья,

Что лёд непростительно тонок,
Как наши с тобой отношенья,
Едва улыбнёшься спросонок —
Мне видится воскрешенье...

И станет то, что было,
И хочется то, что будет.
Смотри, ведь уже застыло
Желе на нечаянном блюде.

2–3 ноября 2011

* * *

Никому не верь, никого не сглазь,
Выйди на́ люди с песней звонкою.
Отряхни пальто, смой с ботинок грязь,
И вообще займись работёнкою.

Походи в долгах, поживи в шелках,
Пуди с утра новой удочкой,
Победи в себе весь животный страх,
Уведи всех крыс тихой дудочкой.

23 сентября 2015

Анатолий ЛИБЕРМАН

Баллада о сыне вдовы

Отец не вернулся с войны.
Я часто думаю: а если б вернулся
Слепой или почти без пульса
В объятия ждущей его жены?

А мог быть частично цел.
Долетел бы до родной скворешни
И понял бы, что женился поспешно
И что в юности ничего испытать не успел,
А между боями и того меньше.
Быстротечна радость в окопе —
Что на Курской дуге, что в Европе:
И не вспомнить теперь тех женщин.

Нынче же вокруг полно вдов,
И красивей жены, и умнее...
Нет, пожалуй, он бы не расстался с нею
И был бы начать по-новому не готов.
Остался, скажете, или ушёл бы —
Всюду клин: что в лоб, что по лбу...
Нет, остался бы не без причины:
Ради меня, ради сына.

Год прошёл бы: у меня сестра
Или крошка, маленький братик.
Комната — десятиметровый квадратик,
Вход с чёрной лестницы, со двора.

Так и жил бы, так бы и рос
За складной родительской ширмой.
Таким и сложился бы мир мой
В пору детских и недетских грёз.

Ширма, кстати, была. Вторая кровать за ней,
И всё с матерью стало общим.
Мало бед безотцовщины горше,
Мало муки в детстве страшней.

Скажете: всё это поэтический вымысел —
Нет, балладу свою я честно выносил.

Я давно ничей и ничьей не ищу вины —
Просто жаль, что отец не пришел с войны.

Осенние воды

Ушёл, и прекрасно. Его девиз:
«Не гений, а везде замечен».
Но я-то знаю: соблазнять девиц
Ему давно уже вроде нечем.
И раньше поток был частично лжив
(Лишь ему он казался буйным),
А теперь он насквозь фальшив,
Сделавшись тихоструйным.

Не отрекаюсь: мой одноклассник!
Но к чему эти старые басни?
Он задумал поджечь истлевший фитиль,
Забыв, что юность пошла в утиль.
Годами за одной партой сидели,
А теперь отсели и поседели.

Я? Вдовой и останусь дома,
Шляпку сделаю из свежей соломы
И буду возделывать старый сад —
Кандиду на радость, да и он будет рад.
Ведь он вернётся, небрит, простужен.
Только мне, однопартнице, он и нужен.

Утешение

Не горюй: нас пока что двое.
Выпрямись, распрямись.
Зеркало, оно всегда кривое,
Как в него ни смотришь.

Нас свёл ведь не рок, а случай,
А потом на век припорол.
Будет нам то хуже, то лучше:
Жизнь — сполошный рок-н-ролл.
Рок-н-ролл, а не дамское танго:
Возносит по вверх, то вниз.
Я танцор не первого ранга,
Но и я не стоял у кулис.

Не горюй, не смотри на кулисы.
Календарный неведом срок.
В винограднике бродят лисы,
А у нас виноградный сок.

Цветы

Как рано чувствуют цветы в июле,
Что ласковая осень за углом!
Свирепый жар. Стрекозы не уснули —
Лишь корни знают: всё идёт на слом.
Дни солнечны и майских не короче,
Но не июнь, а август впереди.
Экстаз прошёл, остались только корчи —
Не те лучи, не тот пожар в груди.

Цветы обречены, но в них готовность
Принять за данное начало и конец,
Признать без слёз, что полю нужен жнец,
Что всё закономерно, всё условность,
Что смерть зимой — блаженный промежутки,
Включённый в бег сменяющихся суток.

Эмилия ПЕСОЧИНА

Дыры и свет

Они не тигры. Они не свиньи. И не собаки.
Не сброд паучий, что ест друг друга в стеклянной банке.
Но щели, ямы. Трясины, топи. Силки, капканы.
Не подходи к ним. А то захлопнет. А то затянет.
Они не стадо. Не стая волчья. Не стуски грая.
Они по миру идут и молча жизнь сжирают.
Они не свора заядлых гончих, не рой пираний.
Но бьют клыками и жал иголки вонзают в раны.

Они не грифы. И не шакалы. И не гиены.
Они болото. Они блевота. Отстой вселенной.
Им всё залить бы вонючей грязью и рыжей жижей.
Им смерть — забава. Смешны мученья и боль — ну, ржи же!
Но ты разведчик. А он охотник. А я поэтка.
Мы видим остро. И целим чётко. И пишем едко.
Умны и ловки. Хитры и быстры. Что надо кадры!
Мы их достанем. Мы их настигнем. Побьём их карты.

Они на жизнях чужих пасутся! Жиреют, гады!
Взрываем туши! Вскрываем сущность! Сливаем яды!
Им не поможет, что бронекожи, сталеголовы!
Пробьём их правдой! Ударим Светом и Божьим Словом!
Нехай спускают свои ракеты, свои болиды!
А мы с надеждой, а мы с мечтою, а мы с молитвой!
Нас целых трое! Мы им устроим! Ох, попадутся!
За нами сила Отца и Сына, Святого Духа!

Они отродье, рассадник монстров, драконье племя!
Заглохнут глотки! Иссохнет мясо! Исчезнет семя!
Они ревели: порвём, размелем, сотрём, уроем!
А оказались на самом деле дыра дырою!
Мы эти дыры до самой кромки наполним солнцем.
И будет лето. И будет море. И воздух сонный.
И волны сини. И гребни пышны. И чайки мчатся.
И в мире тихо. И крепко спится. И в горле счастье...

Из пепла

Где ни притронься, повсюду жжение
На обнажённой душевной мяготи.
Во мне истлело стихосложение,
И вместо рифмы комки позорные.
На небе драном закат коричневый.
Облезлой розе не быть воспетою.
В строке крупинки, как в каше гречневой,
То сыроваты, то переварены.

Под размазнёю всё дно обуглено.
Стих пропитался горелым воздухом.
Свет потерялся — вся тьма прогуглена!
Исчез — и точка... А без него никак...
Пойду поклянчу: «Мне б лучик крошечный!
Глядишь, и стих бы нашелся в копотии...»
А мне ответят: «Чего хорошего
В золе отыщешь? Сиди, не мучайся!»

Но я проблему решу по-своему:
На пепле яркий подсолнух выращу.
Свет лепестковый взойдет над войнами.
Я стих за лучик из углей вытащу
И жёлтым брызну по лугу синему.
Душа уткнется в цветы душистые.
А с Божьей помощью слабый сильного
Сломил однажды.
Мы тоже выстоим.

Мерехлюндии

Сижу на траве и рисую своё
Хорошее разное прошлое.
Там кенар с роялем дуэтом поёт.
Там юбка с венгерскою прошвою.
Трубят чердаки. Электрички бредут
В тяжёлой рассветной невнятице.
Расхристанный, незаменимый уют.
Линялое «лучшее» платице.

Мой дом колокольно звучит по утрам
И кашляет хрипло сквозь сумерки.
Обиды, надувшись, стоят по углам,
А мама и папа не умерли.
Цветная пороша по маю летит.
Сквозняк засыпает над книгою.
В саду кверху лапками птица лежит.
Капустница крылышком дрыгает.

Трамвайные мысли. Мечты на бегу.
До доньшка беды всё выскребли.
Безличное «надо» на вой «не могу».
В надежду прицельные выстрелы.
Косящей метели кладбищенский стук,
И чёрное горькое рвотное.
Коричневый опыт. Сиреневый звук.
И небо внезапное — вот оно!

Быть может, осудят. А, может, простят.
И всё, что ни сделано — зря почти.
Мохнатые ангелы тащат в горстях
Осенние пёстрые тряпочки.
...Ах, август! Конечно! Не сразу поймёшь,
Что это его мерехлюндии.
Рифмуются дождь и нахмуренный ёж.
Тем тише душе, чем безлюднее.

Из облака вылетел проблеск луча
Короткой слепящею рискою.
И вечные перья из выси торчат
И синью вечернею брызгают.
Итог? Ах, оставьте! Пустая возня —
Нули на нули не итожатся!
На лунной воде набухает в огнях
Лиловая звёздная кожа.

Мохнатые ангелы в небе висят,
Как будто в снегу колокольчики...
И яблоня в юбочке сто раз подряд
Кружится на пальчика кончике...

Созвучия

Дынная даль зазвенела —
Солнца осенняя дань.
Синь остеклённого неба.
Сонная склянка пруда.

Пляски монист и монеток
Неугомонной листвы.
Дрожь отражения веток
В глуби зеркал синевы.

Ивы полощут подолы
Меж преломлённых ладоней
В солнце на донце воды.

Переполняется утро
Жёлтой теплыню, как будто
Спелую сладостью дынь.

Звук и цвет

Осенний бубенчик звенит на равнине вечерней...
Прозрачный покров на воздушных качелях ничейных...
Скрипучие речи сосны над рукою ручейной,
До сумерек сущих несущую вспышки свечений...

Пылает плашмя пятипалое пламя на клёне.
Скликают сороки трескучую склоку на склоне,
Где лучик горячий в калину вошёл по колени,
В истекший из неба по каплям краплек раскалённый.

Коричневый, синий и розовый берег песчаный...
Плакучая роща качает плечами печали.
Сиена сияет и светится с веток свечами.
Но черпает вечер потёмки из чёрного чана.

Лиловое льётся на листья, и пламя нищает.
Темнеет пространство, как летнее платье от чая.
Луна на подсвечнике тополя... Поздняя стая
Пунктирно плывет на закат и мельчает, мельчает...

Игорь ХЕНТОВ

ЯЗЫК ВОЙНЫ

Нервно курит в углу Эзоп —
Не у дел — прост войны язык:
Лютый враг. Встреча с ним лоб в лоб.
Бой короткий. Предсмертный крик.

Аллегорий, аллюзий нет,
Нет иронии, перифраз —
Есть крошечная мгла и свет,
Кровь, и боль, и песок, и грязь,

Счастье, горе, друзья мои,
Есть Израиль, его народ —
Нет сомнений в победе, и
Это значит, она придёт.

Ты, Эзоп, подожди чуть-чуть —
Мы с тобою давно дружны
И, надеюсь, продолжим путь
В мир чудесный, где нет войны.

Шма, Израэль, Адонай Элой-эйну...

В сердце проник нестерпимый холод,
Застила хмарь от пожаров зренье:
Зверь рвёт добычу, когда он голоден,
Бес убивает для наслажденья.

Бесов людьми представлять — ошибка —
Что ж, пожинаем по полной самой:
Взрывом распяты Давид и Ривка,
Нож расчленил малыша Абрама.

Это Шоа — никаких сомнений,
Иль Холокост, как кому угодно,
И, под «Катюш» и «кассамов» пенье,
Смерть пляшет джигу в одном исподнем —

Жатву ей так собирать сподручней.
Снова в оплоте пророков буря:
Ополоумело вымя сучье —
Каждый очнётся в объятьях гурий.

Горе Кфар-Азы. Кровь стынет в жилах.
Требуют детские трупы мщенья.
Не сомневайтесь: утроит силы
Б-г Авраама и Моисея.

Мир человеческий сегодня с нами
(Есть, что не с нами — подлеи нет мрази).
Шепчут дрожащие губы «Амен!»
Щерится ненависть в смрадной Газе.

Верным друзьям от души спасибо,
Лютым врагам от души презренье,
Нет компромисса — лишь либо-либо.
Шма, Исраэль, Адонай Элой-эйну...

Шма, Исраэль, Адонай Элой-эйну...
Предначертал Б-г судьбу еврея.
Шма, Исраэль, Адонай Элой-эйну —
Нет под Луною молитв древнее.

Время кадишей

То дальше разрыв, то ближе —
Застыли в строю евреи.
Раввины поют кадиши —
Настало кадишей время.

То слева разрыв, то справа —
Смерть щерится, если вкратце.
Идут в бой отважно равы
С молитвой да «М-16».

В оплоте Моше — не где-то
Война — нет ни йоты страха.
Раввины в бронежилетах
С цицитом, строфой Танаха.

Нет «левых», а также «правых» —
Беда спрессовала в стержень.
Покончил с собой под «браво»
«Кассам», как безмозглый шершень.

Нет «правых», а также «левых» —
Сегодня никто не лишний.
Цвести Авраама древу
В веках начертал Вс-вышний.

Кампусы

*Кто в молодости не был радикалом — у того нет сердца,
кто в зрелости не стал консерваторм — у того нет ума.*

Уинстон Черчилль

Спасибо великое мистеру Черчиллю —
Его афоризмы даны на столетья —
Сегодня, хотя мудрецом и начерчены,
Представлены в новом безрадостном свете.

Сроднив ум и честь с откровенною подлостью,
Преступники вышли в почтенные судьи —
Когда нет мозгов у юнцов, их не будет
У старцев, что можно сказать и о совести.

Её не осталось и малости в кампусах
Из самых престижных, и нет в том сомнений —
В любом происходят позорные казусы —
Истоки, увы, большинства преступлений.

Почтенный профессор якшается с бандой —
Сплошные эмблемы «Хамаса» да куфии,
В экстазе с нацистской слились пропагандой
Почтенные дамы с безмозглыми курвами.

Потомок левитов — левак отмороженный —
Паноптикум — Б-же, верни ему зрение!
Боль чувствуешь сердцем, и нервом, и кожей,
И всё же нет страха — одно лишь презрение!

Но видишь глаза одинокие, чистые,
Как горный родник или айсберга лёд.
Лучится в них гордость и светится истоиво
Уверенность в том, что безумье уйдёт

Назад, в ад крошечный — прибежище дьявола,
И правда рассеет лжи едкий туман.
Храни Б-г Америку — друга Израиля!
Мы вместе! Конечно же, «Но пасаран!»

26 апреля 2024

Возвращайтесь живыми

В сердце боль поселилась острая.
Ей не скажешь: «пришла некстати»:
Возвращайтесь живыми, сёстры,
Возвращайтесь живыми, братья!

Мина-сука свистит, как ветер,
И к поживе смерть тянет руки:
Возвращайтесь живыми, дети,
Возвращайтесь живыми, внуки!

Никого нет родней вас в мире
В этом — том, я уверен, тоже:
Судьбы горькие Нойи, Кфира,
Дафны, Эллы... мороз по коже.

Все дороги от Ада к Раю
Исходили туда-обратно,
Доходили до бездны края
И видали на солнце пятна,

А теперь не скрываем слёзы
По ушедшим, таким любимым.
Что ж, война — это жизни проза,
И глупец ей слагает гимны.

А победа... Она святая —
Над кромешною мглой тем паче.
Победим. Это точно знаем.
Победим. Нам нельзя иначе.

Виктор ЕСИПОВ

* * *

Опять, опять похолодало,
закрыли небо облака,
а нам с тобой и горя мало,
идем без зонтиков пока.

Так расставаться жалко с летом,
там пляж и надувной матрас...
А говорим опять об этом,
о чём все думают сейчас.

Ещё побудет август щедрым,
не хлынет дождь потоком слёз,
и куст ерошится под ветром,
как рыжий лес твоих волос.

* * *

Не для чьей-то лихой корысти,
просто вышел последний срок —
облетели с деревьев листья
и пластами лежат у ног.

На ветвях золотая мелочь,
выше — неба невзрачный плед,
осень поздняя, что поделать,
и вестей долгожданных нет.

Осень поздняя, взятки гладки,
вот трамвай в темноте возник,
листья ржавые на брусчатке,
куртки поднятый воротник...

* * *

Ветер северный, не северный,
только ясно — ветер с гор,
тон известий неуверенный,
невеселый разговор.

Там идёт позиционная... —
сводки с фронта говорят.
Даль туманна заоконная,
дождь четвёртый день подряд.

Небо сверху в лужи пялится,
ветер сильный, ветер злой —
шляпа чёрная валяется
просто так на мостовой.

Голуби под крышу прячутся
или жмутся у стены...
Дни быстрее под горку катятся
и плохие снятся сны.

* * *

Опять февраль стращает сильным ветром,
но упустила стужа свой момент,
на площади перед торговым центром —
гитары стон сквозь аккомпанемент.

Стоят вокруг обнявшиеся пары,
зеваки, ты — бодрящийся старик,
под звуки электрической гитары
все о делах забыли в этот миг.

Кому есть дело, как тебе живётся,
но тянет всех к уюту и теплу,
и музыка в февральский сумрак льётся,
как дождевая влага по стеклу.

* * *

Ночи выцвели чернила,
угрызений мыши
стихли, утро осветило
черепицу крыши.
В голых кронах ветра вздохи,
нежен отсвет окон,
серпик лунный, как эпохи
поседевший локон...

* * *

В. Аксёнову

А эмигранты из России,
едва воспрянув от испуга —
опять пророки и витии,
порой тузящие друг друга.

Высоколобые таланты,
ещё Москва их помнит лица...
А я подался в эмигранты,
спасая душу, без амбиций.

Язык осваиваю чешский,
а вместе с ним и статус панский,
мне нравится от Староместской
пройтись пешком до Малостранской.

Порой вот так бродя по Праге,
тебя, Василий, вспоминаю,
я разбирал твои бумаги,
о том исходе что-то знаю,

Где ты с Довлатовым во мнениях
склонялся к тем же аргументам
про битву местного значенья
у «Синтаксиса» с «Континентом».

Тебя и Майю помню крепко,
в высоте помню разговоры...
На мне твоя, Василий, кепка,
что, видит бог, пришлась мне впору.

* * *

Над Староместской флаги, флаги, флаги
цвета сливают жёлтый и блакитный —
не нужно в Праге никакой отваги,
чтобы людской услышать говор слитный.

Не то что нам на Пушкинской когда-то,
где ждали нас росгвардии дубинки —
теперь об этом память слабовата,
хотя ещё хранятся фотоснимки...

А голоса звучат, то замирая,
то возвышаясь в гневе и обиде —
уже вершится третья мировая,
и жаль того, кто этого не видит.

А мова украинская и чешский
свободно льются в мир из микрофона...
И ястреб высоко над Староместской
парит подобьем вражеского дрона.

Александр РАТНЕР

* * *

Ничто не обнимает так, как море, —
Всего и сразу, лишь в него войди.
В нём можно утопить себя и горе,
Что было и что будет впереди.

Оно — вокруг и у тебя в груди,
И в памяти сверкает, и во взоре.
Мне кажется, что быть нельзя с ним в ссоре,
И ждать хоть вечность встречу впереди.

Нырнуть в него бы, чтоб забыть на миг
Мир войн, терактов, алчности, интриг,
Грызню волков под шкурою овечьей.

Но вынырнуть придётся всё равно,
Не в море, а над ним увидеть дно
Ничтожности и гнили человечьей.

* * *

Светлой памяти воина ВСУ

Больничная палата. Зона риска.
Окно — едва прозрачный целлофан.
И медсестра склонилась низко-низко,
Как будто ждёт, чтоб ты поцеловал.

Но видишь лишь лица её овал,
А в памяти возникла, вдруг и близко,
Твоя к ней безответная записка,
Которую порвал, и вновь — провал...

Весь в датчиках, растерзанный, нагой,
На свете том уже одной ногой,
Ты вдох последний сделаешь, чтоб снова,

За миг до перехода в забытьё,
Как душу, имя выдохнуть её
И не успеть сказать три главных слова.

* * *

Раздвигая царственный барвинок,
Ты пройди на луг, туда, где тень,
Собери там бусы из росинок,
Солнца луч сквозь каждую продень.

Осень, позолоченным мундиром
Щеголяя, дарит чудеса:
Видишь — облаками, как пломбиром,
Угостить готовы небеса.

К осени относятся, как к бренду,
Все — от муравья до паука.
Птицы гнёзда сдать спешат в аренду —
Только нет желающих пока.

А зверьё сдаёт в аренду норы,
Выдержать способные мороз.
На холме туман развесил шторы,
Прикрывая наготу берёз.

А листва зелёно-жёлтой пробы
Ждёт полёта и, чего скрывать,
В нём на суицид решится, чтобы
Землю в первый раз поцеловать.

* * *

Грохочут взрывы и пальба,
Бушует бойня,
И в ней решается судьба
Страны — ей больно!

Нет ни следов от городов —
Лежат в пожарах.
Нет сил смотреть на юных вдов,
По виду старых.

Нет жалким беженцам угла,
И, как забрала,
У них на лики скорбь легла,
Мечты забрала.

А на небесном этаже,
Где взрывы глуше,
В очередях стоят уже
Убитых души.

А на земле, лишившись снов
И сил последних,
Не верят мамы в смерть сынов
Двадцатилетних.

По внукам плакать старики
Не перестали,
И носовые их платки
Глазными стали...

* * *

Нельзя писать, когда кипит душа
И вырваться готова раньше срока, —
Добра в ней меньше, нежели порока,
И, воздухом возмездия дыша,

Она ослепла, позабыв урока
Благоразумной выдержки. Гроша
Не стоит пыл её, и, не спеша,
Она уймёт его. В мгновенье ока

Погаснет эта вспышка наконец,
И новый по душе пройдёт рубец,
А сколько тех рубцов за жизнь скопилось,

Поймёшь, когда до старта в небеса
Останется душе лишь полчаса,
Дарованных тебе прожить, как милость.

* * *

Я давнюю книгу свою наугад
Раскрыл и прочесть был нечаянно рад
Один из стихов, и высокий
В нём слог обнаружил такой, будто Бог
Его диктовал, — я поверить не мог,
Что сам написал эти строки.

И вновь усомнился: быть может, враньё,
Но имя над ними стояло моё —
Сомнения в авторстве лишни.
И переводя от волнения дух,
Прочёл это стихотворение вслух,
Чтоб слышал соавтор — Всевышний.

Хоть это написано было давно,
И я постарел, не старело оно,
И разница в возрасте, значит,
Росла и до времени будет расти,
Когда мою душу Господь, из горсти
Роняя, в кого-нибудь спрячет.

Хочу на пороге последнего дня,
Чтоб строки мои пережили меня,
И буду с надеждой смотреть я
С высокого неба, из жизни иной,
Как разность растёт между ними и мной,
Спеша по ступеням столетья...

Наталья ФИЛИППОВА

* * *

Пахнут каштаны порохом.
Стихли шмели в траве.
Тиранозавр над городом
С бомбою в голове.

Кружится тучей чёрною,
Ищет, убить кого.
Даже молитвой горнею
Не отпугнуть его.

Молния в небе сполохом —
Победоносца след.
Пахнут каштаны порохом.
Пороху тыща лет.

Тиранозавра оргии
Страшны в стране любой.
Сколько Святых Георгиев
Бьются за нас с тобой?

Войны по свету катятся.
Бомбы лежат в меже.
Город в зелёном платице
Взят на прицел уже...

* * *

Мне кажется, я — оловянный солдатик,
По счастью, пока ещё не одноногий,
Тебя повстречавший некстати иль кстати
На этой, порою несносной, дороге.
Ты знаешь: тебя не оставит служивый
По страшному тракту идти еле-еле.
Но и у металла усталые жилы
И могут не выдержать тяжести в теле.
Да, стойкость моя, к сожаленью, убудет.
Полвека назад были славные двадцать.
Я в город не въеду на белом верблюде,
Но всё актуальней призыв «не сдаваться!»
Возможно, что вместе протянем мы ноги,
Устав разрешать мировые кроссворды.
Пока благосклонно настроены боги,
Держись, оловянный, ещё ты двуногий
И гонишь с Украины захватчиков орды!

* * *

Покуда улица чиста,
И зелена, и человечна,
Покуда жив один из ста,
Не мучься думами о вечном.

За той горой, за лесом тем,
За полем и за лугом в росах
Ещё немало острых тем
И безответственных вопросов.

Но если ты, один из ста,
Не призовёшь вопрос к ответу,
То, видно, вовсе неспроста
Войной убитая мечта
И рифма, верная поэту,
Впадают в Лету...

* * *

Прогнозы сонного сурка
Накрылись тазом медным.
Февраль обрушил облака
Движением наследным.
И снова снег, и снова льды
Зима нам предлагает.
А кто-то первые следы
Впервые пролагает,
Не зная, что способен свет
На тучи грозовые.
Но жизнь идёт, и новый след
Встречают мостовые.
И пишет новый Пастернак,
Чернил не применяя,
Про тот февраль, где подлый враг
По Киеву стреляет,
Где каждый день сиренам выть
Над чьим-то следом мёртвым,
Где долго-долго людям жить
Тем днём — двадцать четвёртым...

* * *

Покуда вольно и невольно,
Но совершаются грехи,
Покуда страшно или больно —
Пиши стихи.
А осень в золоте и грязи
На перекрёстке всех дорог.
И то, что будет в новой фразе,
Не знает Бог.
А в новой фразе — выдох новый.
Под листопад и ветра вой
Звучит, звучит живое слово,
Ведь ты — живой!
Ты жив, всем вызовам окрестным
Наперекор и вопреки!
Да будет свят, да будет вечным
Исток строки!

Ребекка ЛЕВИТАНТ

Слушай, Израиль!

Слушай, Израиль!!!
Мир погрузился во мрак.
Знает ведь он — Ты ранен —
что ж ему мил твой враг?

Всякому зверю верит,
сам беспардонно врёт.
Чтобы казаться добрым,
помощь врагам твоим шлёт.

Не разрешает из ножен
достать Твой карающий меч.
Враг Тебя убивает —
а Ты его должен беречь.

Слушай, Израиль!
Мир оказался в узле —
Север с востоком диктуют
Западу. Топят во зле.

Корчится, изгаляется
совка недобитый дракон,
кормом своим отравляя
западный левый планктон.

Слушает тихо Израиль —
Когда-нибудь было не так?
Разве с тобою не знаем
извечный мира бардак?

Сколько в веках уже было
смертоубийства, клевет.
— Можно ли наконец-то
решительный дать ответ?

Тихо молвит Израиль:
не оскорбляй мой слух.
Слушай псалмы Давида,
чтоб усмирить злой дух.

Верь! И настанет время —
выйдет на бой Давид.
Мрак и несправедливость
светом своим победит.

Ну а пока для пенья
возьмет он киннор, невели*,
звонко ударит по струнам.
Шма Исраэль!!!

* Киннор, невели — музыкальные инструменты, на которых играл царь Давид.

О политике

Кто я такая, чтоб разбираться в политике?
Сущность моя не активная и беспартийная.
Что ж трепыхается сердце и разум пиитика,
видя злорадное зверство, убийства серийные?

Нет романтичным летаньям. Звучат лишь литании
под завыванья воздушной тревоги бессонные.
Враг, отошёл бы ты лучше за Дон, за Литани,
как же достали обстрелы твои, беззакония.

Что же ты сделала всем нам, политика подлая?
Мерзких злодеев на чистую воду ты вывела?
Сколько друзей из-за этого стали негодными,
сколько родных оказались чужими, немилыми.

Нагло политика атаковала поэтику,
бедная с облака рухнула, в луже валяется.
Но растерялась и не помогает ей этика,
как ни просила её об этом страдалица.

Левый дискурс развивали высокие умники,
в нужном контексте о справедливости бредили,
тем подстрекая толпы безумных преступников
в мире устраивать бешеные трагедии.

Пусть я никто, но разочарована Западом,
слабостью жалкой, предательством, компромиссами.
Эта политика полнится бедствия запахом —
рыщут восток различные жадными крысами.

По эту сторону добра и зла

*Кто сражается с чудовищами,
тому следует остерегаться,
чтобы самому при этом не стать чудовищем.
И если ты долго смотришь в бездну,
то бездна тоже смотрит в тебя.*

Фридрих Ницше,
«По ту сторону добра и зла»

По эту сторону добра и зла
не нужно мне особых интуиций,
чтоб понимать, кто жертва, кто убийца.
Яснее ясного преступные дела.

Однако, по ту сторону добра
и зла, из отдаленной ниши
нам посылает мысль философ Ницше,
которая, он думает, мудра.

Все попадают под её гипноз,
боятся превращения в чудовищ.
Волнуются об этом злак и овощ,
уже забыв про уровень угроз.

А монстры настоящие в ООН,
и в си-эн-эн, и би-би-си так рады,
как попугаи, повторять тирады,
чтоб жертвы прекратили свой огонь.

Чудовищ тех скрывает плотно тьма
потусторонняя и грузит ложью,
чтоб здесь нас на свету пронзило дрожью
и чтоб от страха мы сошли с ума.

Вампиры, бесы обожают мрак,
чтоб мы теряли в нём ориентиры.
И врут в глаза всему честному миру,
моральный нам устроив кавардак.

Но будут монстров тех уничтожать
их жертвы прошлые — солдаты света.
Чудовища страшатся их ответа,
стремятся оболгать святую рать.

Мудрец фальшивый оказался слеп,
когда пугал нас всех своею бездной.
Мы не исчезли в ней и не исчезнем!
Потусторонний умник чужд, нелеп.

Что говорят деревья?

Под Авдеевкой оккупанты убивают за Палестину.
За кого же Хамас вонзает нож Израилью в спину?
Кошмар грядет за кошмаром. Кипит возмущённый мозг,
плавится и растекается, словно бесформенный воск.

Говорят мне: «Надень кроссовки и беги дорожками парка.
Хватит сидеть у компа наподобие свечного огарка.»
Наблюдаю, как наступают последние времена,
и в самых близких мне странах одна за другой война.

Может быть, на природе можно как-то забыться,
но на лету там хватает зяблика хищная птица.
Вижу: упавшее дерево валяется на земле.
Неужели и тут нет гармонии? Даже парк утопает во зле?

Сердце сожмётся от боли. Оно у меня не камень.
Но стоят остальные деревья, занимаясь своими делами.
Как будто бы мне намекают: «Дальше беги, не стой,
не волнуй, не трепи себе нервы. И Бог с тобой.»

Посмотри, как нас много, и все мы пока живые.
Пандемия прошла, и войны пройдут, тирании.
Всё ломалось и гибло не раз. Это, как мир, старо.
Но в конечном итоге всегда побеждало добро.

Отче наш

Отче наш, иже еси на небеси,
не беси нас хамасом и би-би-си.
Будет, будет здесь на земле твоя воля,
как на небе, но после огромной боли.

Отче наш, пожалуйста, не умирай!
Ну зачем умирать, раз вокруг тебя рай?
Это здесь, на земле, началась Голгофа,
и одна за другой идёт катастрофа.

Отче наш, ты, пожалуйста, там держись.
нам безумно всем дорога твоя жизнь.
На войне, ты же знаешь, нет атеистов —
дух войны их сдул, он их всех зачистил.

Отче наш, мы боимся, что ты ослаб —
то иран, то путин, то нацист-араб.
Да и мы порядочно ослабели —
предавались грехам, слишком сытно ели.

Отче наш, из всех народов окрест
только мы способны нести свой крест.
И мы дружно послужим тебе Иисусом,
и, возможно, придёмся тебе по вкусу.

Только, Отче, не призывай терпеть —
не для нас твоя всепрощения сеть.
Если нас опять по щеке ударят,
мы ведь сдачи дадим изуверским тварям.

Отче наш, но ты нас прости и спаси,
если нужным сочтёшь, то и воскреси.
Ни за что не поверим в твоё бессилье —
на подходе Мошиах, который Мессия.
Аминь.

Олег ШВАРЦ

* * *

Мы с тобою летели
Далеко от земли,
Тучи чёрной постелью
Были где-то вдали,

Были где-то под нами.
Мир пошёл на руках,
Протыкая ногами
Белый пар в облаках,

И ступая руками,
Где пылают поля,
Где людей душит пламя,
Как шальная петля.

Я не знал, что у неба
Столько синего дна,
Жёлтой коркою хлеба
Всплыла в тучах луна.

Я догнал сына в небе,
Когда он улетал,
Хоть нельзя мне в ту небыль,
В тишину синих скал.

Я с тобой буду, мальчик, —
Пусть там вечная мгла,
Ты — мой солнечный зайчик,
Я — кусочек стекла.

Я кусочек разбитый,
Я надтреснутый лёд,
В третий храм камень вбитый
В незапамятный год.

Ты уносишься дальше,
И проклятый тайфун
Разбросал в небе кашель
Моих лопнувших струн,

И поднял тебя выше,
И открыл синий глаз,
Над небесною крышей
Вспыхнул словно алмаз.

За спирали цепляясь,
Я стремглав нёсся вниз,
И глаза ела старость
И ненужная жизнь.

И земля ветром ада
Поглотила меня,
Я увидел лампаду
Восходящего дня.

Чахлый день неприметный
Боязливым лучом,
Словно светом запретным,
Замерцал за плечом.

Этот мир воспалённый
Всё идёт на руках,
А мой мальчик сожжённый
В голубых облаках.

Ты моё отражение,
Да будь вечно со мной,
В небе солнца скольжение, —
Зайчик солнечный мой.

* * *

Я небо своё привёз с собою,
Оно мне ближе, оно родное,
Оно оттуда, где я родился,
И проплывают в нём гуси Нильса.

Оно неведомое, большое,
И пустотою ранит порою,
Поди, оно далеко от рая,
Но я ведь рая совсем не знаю.

Оно вальяжно в окне парило,
Напоминало, что я бескрылый,
Как поезд мчалось и улетало,
Мне оставляя одни вокзалы.

А я вскочил на подножку смело,
Хоть безбилетник я неумелый,
Куда несёт меня? Может, в сказку?
А дождь — невидимых рельсов смазка?

Я позвоню домой. Может статься,
Что старше я себя лет на двадцать,
Мой голос в трубке споёт две ноты:
«При-вет!» — Я глупо отвечаю: «Кто ты?»

Мы детства нашего кровь и вены,
Я от тебя никуда не денусь,
К тебе приду, только повзрослею,
И не закончится одиссея.

Я попрошу тебя, небо-поезд,
Верни к родимому дому, то есть
Туда, где взмок мой кораблик в лужах,
И с другом детства ещё я дружен.

А может, там я не рос и не был?
И понесёт меня дальше небо,
И утром ранним войду я тенью
В мой город до моего рожденья.

Небо Иерусалима

Небо Иерусалима,
Словно птица голубая,
То стремглав промчится мимо,
То нависнет отдыхая.

Солнце с улицами в споре,
Город весел и печален,
Вперемешку радость, горе,
Гомон центра и окраин...

Камни храма нависают,
Тяжелеют, но мне снится,
Как взлетает храм, как стая,
Каждый камень — это птица.

Поднимаюсь по ступеням,
Мои ноги многотонны,
И со мной ступают тени,
И со мной ступают стоны.

Жёлтых звёзд неугасимых
В небесах горят заплаты,
Невесомо и гонимо,
Ненавидимо и свято.

Небо Иерусалима,
Словно раненая птица,
Небо Иерусалима, —
Как горящая страница.

Художник

Художник лоб нарисовал,
Изобразил саму судьбу,
Морщинам передал накал
Сверкнувших молний и мольбу.

Камин горел. Под тихий треск
Он отсвет масляных зеркал,
Как льда заиндевевший блеск,
К теням височным приставлял.

В глазах упрятал влагу туч
И неба круглого размыв,
И волос падал, словно луч,
В плеча задуманный обрыв.

Из хаоса своей души
Он красок облачную синь
Месил. Шептал холсту: «Дыши!
Живи, приди и будь. Аминь!»

Писал он боль, утрату, крик,
Число любви, где сто нулей,
Не тех, что множат числа вмиг, —
Что превращают в королей.

Сомнения прятал в духоту,
В туман, не любящий углы,
В хамсин, засохший на лету,
В жужжаньи розовой пчелы.

Вот-вот сгорит у потолка,
Ссутулясь, горбоносый бес,
И в вихре душного песка
Скользнёт к окну наперерез,

Там сад — герань и стрекоза,
Стекло и рама. Но за ней
Нет мира, нет того, что За
Окном, пчелой, числом нулей.

И сколько тех, что за окном
Свою додумают печаль,
Моря, пески, над морем гром,
Небес надломленный хрусталь,
Вокзал, родимые края,
Где пункта «А» пропал и дым,
В тумане пристань пункта «Я»,
Его огни. А что за ним?

Николай ЛОБАНОВ

Молчание кремлят

Здравых мыслей недород,
Сажа будней пахнет мятой...
Есть в московии народ —
Называется кремлята.

Местный бог приемлет лесть,
Жжёт опять в имперском раже,
Белокаменная спесь
В запотевших душах граждан.

Гарь. Зловонное «ура».
Ложка дёгтя. Бочка яда.
Пей, исчадие добра!
Пой, империя распада!

Здешний джинн наводит лоск,
Черепной звеня коробкой,
Лжёт безбожно, морща мозг,
Сотрясает винной пробкой.

Стыд и срам стерев с лица
И усердствуя до колик,
Пустотелые сердца
Букву зет прилежно холят.

Ближних выгоревший взгляд.
Тяжек ангел на помине.
Ни души — страна-пустыня.
Тьма. Молчание кремлят.

**Пятьдесят шестой день войны...
великая отечественная весна**

Продрогший воздух горше клюквы,
Пудовым камнем — голова,
И разбежавшиеся буквы
Порочат нежные слова.

Пылится плащ, ржавеет шпага,
Тревожны сотни тысяч глаз,
И терпеливая бумага
Бела, как сажа, в этот раз.

Эпоху клясть — себе дороже.
Оратор тлеет на плацу
И строгий фрак уже не может
Придать значение лицу.

А ты пытаешься помногу
Молчать, вникая в мантры сна,
И не выпытывать у Бога,
Когда опомнится весна.

Берега и обереги

Живу на левом берегу,
Где о вчерашнем память — бремя,
Где, задыхаясь на бегу,
Кровит отравленное время.

А ты на правом, правом, пра...,
Где чтут обряды и приметы,
Где свято верят богу Ра
И прихорашивают лето.

Меж нами — звукопись огня,
Стена дождя, твердыня снега...
И неба хрупкая броня —
Нерукотворным оберегом.

Провожая листву

Провожая листву,
Отлетевшую спешно,
Снова веришь родству
Непорочных и грешных.

Непроточная ночь.
И не рифмы лишь ради
Слово колкое «прочь»
Оберегом в тетради.

Бескорыстно любя,
Новый день покоряя,
Свято верю в тебя
И себе доверяю.

Горьких строчек эссе,
Место жительства — Киев,
Я такой, как и все,
(Только все не такие).

Мешанина идей,
Свет — шагренево́й кожей.
Непохожих людей
Очевидная схожесть.

Тает звук на ветру,
Мир — копилкой событий,
Век разорванных струн,
Год связующих нитей.

Две далёких звезды
Схожи не понарошку
Словно капли воды,
Будто хлебные крошки.

Верю, небо храня,
В эту всю камасутру
Предстоящего дня
И минувшего утра.

Кто-то глух, кто-то нем,
Робко скрипнули двери...
Верю в то, что нам всем
Не положено верить.

Искушая судьбу,
Счастье свесило ножки,
У Вселенной во лбу —
Изобилия рожки.

Время — вспять. Ровен час...
Что любовь — шуры-муры,
Нерешительных нас
Привечают амуры.

Белый свет в меру бел.
Как же мы непохожи!
Утро. Солнца пробел.
Омут сонного ложа.

За весной — глаз да глаз,
Зря хлопочешь, дружок:
Растворившихся нас
Не сыскать между строчек.

Сергей ПЛЫШЕВСКИЙ

* * *

Тот старый город теплится во мне
Резными причиндалами фронтонов,
Пластинами истоптанных камней,
Звнящих на морозе камертоном
Со звуком «ми», на блёклую зарю,
На стоны солнца в снежном окуляре,
Где календарь, готовый к январю,
Небесной синью улицы малярит.

Потом ушло. Под ноги лёг асфальт,
Кирпич с бетоном заменили брёвна,
И пуха тополиного перкаль
Газоны убаюкала неровно;
По проводам и рельсам побежал
Винилом разукрасившийся транспорт
И, наконец, телега и вожжа
Ушли из пешеходного пространства.

И люди — братья ближе, чем тогда,
Мне не встречались более и дальше,
Но я смотрел другие города,
Как Нельсон по заказу адмиральши;
И выбрать мог, и выбрал среди других,
Скрывающих насилие и скрежет,
Лишь старый город в памяти круги
Вползает всё спокойнее и реже...

* * *

Мы делим землю на слова,
На знаки для страниц,
Нам жизни каждая глава
Распутаться велит,
И всё, что в спешке произнёс
А не пробормотал —
Словесных паюсных желёз
Наследная черта.

За ней на сон, на сладкий стук
Родного из сердец
К нам обернется взрослый внук
С вопросом: «Кто отец?»
И что сказать ему, когда
Уплачена сполна
За те бывшие города
Весенняя цена?

Тревожной кисточкой погод,
Чувствительных к ветрам,
Дыханьем истины благой
Для всех, идущих в храм,
А что до нас, суровых слов
Искателей извне, —
Мы искупители оков
В оставленной стране.

* * *

Просто стоять у него и смотреть —
Море узнает и тайны не выдаст:
Мало ли кто там застыл на горе —
Надписи нет и не скажешь по виду.

Можно довериться тем, кто сплеча
Так разорительно жертвует пену,
Море опасней любого врача —
Исподволь бьёт молотком по колену;

Это такой безусловный рефлекс —
Берег и скалы, природа обрыва,
Тёмные тайны годичных колец
Не раскрываются ночью бескрылой.

Только под лампами мощных светил,
Призраком тени пиратского брига,
Чтобы подпаленный солнцем чадил
До своего предпоследнего мига...

* * *

С острой занозой от междоусобиц
Так и живём, и отвлечься не в силах.
Лента событий — кровавая опись,
Список имён на поспешных могилах;

Много солдатских и много гражданских,
В жертвах прицельного бомбометанья,
И от возмездия не удержаться:
Каждый карась погибает в сметане.

Жив или мёртв — обрываются нити
Родственных связей и прочих контактов.
Солнце, звеня, застывает в зените,
И вызывает всех чувств катаракту.

Кто мы — чужих преступлений статисты
Или безмолвные зрители казни?
Выслушал сводку и дальше катись ты
В бешеных приступах водобоязни...

* * *

Не смотришь под ноги на едкую пыль,
Уверенно ставя подошвы.
В воротах входящих фильтруют клопы —
Душителы вены подвздошной;
А ты забираешься в шаткую клеть,
Со скрежетом дверцу задвинув,
Готовясь нести свою вахту в земле...
Подпольной страны половину
Познав, рассекретив рождение рек
В изменчивой горной породе,
Где вглубь горизонта изогнутый штрек
В раскроенных скалах уходит,
Услышать стальных вагонеточных пар
И визг, и дрожанье на стыках,
Мельком понимая, куда ты попал,
Как всё нереально и дико;
И тихо, и громко звучит барабан
В ушах от биения пульса,
Где молот на фоне герба и серпа
В последний свой раз промахнулся;
Где выпив живительной влаги глоток
Из верной старательской фляги,
Ты ищешь свой номер в фатальном лото
В трёхцветном сомненье о благе,
Где всё, и снаружи, и также внутри
До жалостных дыр износилось,
Насытив пейзаж бутафорских витрин
Надеждой на чёртову милость;
И так до тех пор, пока клеть задрожит
И вынет тебя на поверхность,
Где солнечный антибиотик защит
По клапанам верного сердца.

Анатолий ЛИБЕРМАН

«Год поэзии 2023». Составитель Виктор Фет.

Обложка Николая Сологуба.

Киев: Друкарський двір Олега Федорова. 519 с.

Этот сборник вышел в свет в середине второго года войны. Мастера избитых афоризмов любят повторять, что, когда стреляют пушки, Музы молчат. Музы, может быть, и молчат, но людям, пока они живы, заткнуть рот невозможно. Беда в том, что все горькие и страшные слова давно произнесены и доходит до слуха только полузадушенный шёпот. «Поэзия вспыхнула, как трава, / И тут же погасла вся. / Как будто выгорели слова, / И больше писать нельзя. // И вправду: куда там голым словам / Против бомб и ракет? / Стихов хватило на барабан. / На бронежилеты — нет» (с. 338; здесь и ниже я ограничусь ссылками на страницы, не называя имён авторов).

Кроме украинцев, все участники сборника, — естественно, эмигранты, больше всего из Соединенных Штатов и Израиля, но самое поразительное, что отовсюду: из Скандинавии, Германии, Канады, Нидерландов, Новой Зеландии, Франции, Великобритании, Италии и даже из славянского мира. Вот и пишет «новый чех» (словосочетание по образцу «новый американец»): «И звучит над ухом чужая речь, / хотя и близкая по корням — / залетел сюда, ну, и не перечь / новой жизни по пустякам. // Дом твой здесь теперь, будь ты рад-не рад, / здесь и снашивай каблуки... / Виден в створе улицы Вышеград / на другом берегу реки» (с. 411). «... такой ли мерещилась тебе свобода? / С детского садика? / С пионер-отряда? / Вырвался. / Лишь цепь языка не отпускает. / ... / По-прежнему не отодрать ржавчину русской речи» (с. 257–58).

Все мы говорим и пишем по-русски, на языке, опозоренном захватчиками. «Мы последние, кто писал до войны, / неубитым ещё языком простым, / а теперь нам трудно общаться с ним, / отделяя его от страны, / хоть она давно и чужая нам, / как и одичавший её народ...» (с. 458). Куда же нам деться? Не забыть же его «только за то, что им разговаривал [= говорил] Ленин», а потом и другие товарищи подоспели.

Помнишь сказки, помнишь сны его,
в глубине днепровской блик?
Отведи беду от Киева,
виноватый мой язык!

Помнишь дворик с голубятнею,
звон трамвайный за углом?
Что ты скажешь, виноватый мой,
виноватый мой кругом?

Не стрелял, мол, не участвовал,
не пускал кого в расход,
скажешь, будто непричастный он,
твой причастный оборот?

Что же дышится неровно-то,
что же держишься с трудом?
Все мы, знаешь, невиновные,
все такие ни при чём

(с. 415).

А живёт автор этих скорбных строк в Израиле, и над её колыбелью пели не на иврите.

Ещё не забыли мы про «измученный рот, / Которым кричит стомиллионный народ». Не мы первые, и уж, конечно, не мы последние. Пока мы живы, жива и честь русского языка. Лишь не-

опозоренное слово переживёт и нынешний позор, и крошечный ад. «Пока наш поезд не ушёл, / пока мы вместе, / не прячьте рукописи в стол, / слагайте песни. / И если есть о чём сказать, / зачем смущаться? / Потом совсем не нам решать, / чему остаться. / ... / Ты растрясси, перебери свои архивы, / и с нами вслух поговори, / пока мы живы. / Не надо думать на века / и всё итожить, / но вдруг кому-нибудь строка / твоя поможет» (с. 407–8). Так и твердим весь век: «Нам не дано предугадать», — слагаем в единое слово свою боль и печаль и ждём отклика. И ещё мы знаем цену патриотических выкриков: «... если поэты поют о Родине — / быть войне» (с. 293). А на Родине (родине) плохо: «... Там стреляют в того, кого звали братом, / там заботливо жёны велят солдатам, / на звонки отвечая из тыла: — Милый! / Не теряйся, воруй, убивай, насилуй!» (с. 463).

А что там поют поэты? Не знаю, не читал. Помню лишь письмо в поддержку «спецоперации». Хотя его подписала уйма литераторов, лишь одно имя сразу заметили все: Евгений Рейн. В книге есть интервью Дмитрия Бобышева «Голосу Америки». Бобышева спросили, как могло такое случиться с давнишним его близким приятелем («их было четверо», и все они разъехались, разошлись, рассорились, но всё-таки?). Бобышев ответил: «Меня это разочаровывает, но не удивляет. Евгения Рейна ... отличала какая-то непредсказуемость в поведении и некий житейский оппортунизм, скорее бытовой, чем политический. Он мечтал об известности и благах, связанных с литературными занятиями. И он их добился! Он стал членом Союза писателей, его стали печатать (долгое время его не печатали), он получил Государственную премию из рук Путина, получил квартиру в Москве, на Соколе, в генеральском доме, и даже дачу в Переделкино. Это нужно было отрабатывать. Вот, таким образом, варварскому, фашистскому нападению он подтвердил свою лояльность. Позор, я думаю. Мне неловко за него» (с. 484–85). Дача, квартира! Всё это он не купил на свои деньги, а «получил». Отработал, подписал и до сих пор не повесился на осине.

Но то на Соколе, в генеральском доме. Мы же далеко. «Ведь я не здесь! Я в Буче умерла, / так в грунт кровавый вбита сапо-

гами. / Но вновь живу, и новостей сквозняк / то бьёт под дых, то ударяет в спину. / Я и представить не могла, чтоб так / болела в подреберье Украина» (с. 176). «Всё стоит на краю у февральских вод / без вещей, без плаща и зонта, / под дождём поседевший от бед Господь — / у последнего Он блокпоста...» (с. 181). По другой версии: «Захлестнуло отвращенье / в гиблом месте Клиньянкур, / ни надежды, ни спасенья, / Бог ушел на перекур...» (с. 344).

Я, конечно же, знаю, ты думаешь — я мертва,
И мне не пробить тот мрак, что тебя окутал...
Папа ушёл солдатом утром на Покрова,
А погиб на Пасху вблизи Бахмута.
Нас убили к ночи в одиннадцать тридцать две
Боевым снарядам, с мамой и младшим братом.
Взрыв запомнился грохотом в голове
И безумным истошно орущим матом.
Тело лежит внизу, а на небе зажглась звезда.
Нас, летящих к свету, скопилось в тот вечер много.
Я спросила маму: «Куда мы летим, куда?»
И услышала: «К Богу, родная, к Богу».

(с. 359–60).

— Сыночка, нам повезло.
Мы наконец-то им всем показали
И уничтожили зло.
Злые все сдохли в мученьях и криках,
Злые отправлены в ад
Вечно возделывать в гное и порче
Адский отравленный сад!
Ну же, не плачь. Мы спаслись. Мы остались
В этом чудесном краю.
Здесь, за рекой из расплавленной стали,
Вечно пребудем в раю.

(с. 374).

«В себя ли заглянешь? Там прошлого нет и следа». Зато есть прошлое у России, которая «могла — горевать над слезой ребёнка» (с. 463). Как-то больше не трогает она: утонула в океане детских и взрослых слёз, но, как водится в окаянные дни, взгляд всё же обращается к прошлому, от которого, может быть, нет и следа, но оно ужасно.

Есть в сборнике страшное стихотворение «Подъезд». Целиком его не вместишь в мой рассказ. Приведу лишь конец: «Напротив Аркаши жил Богдан, / старый бандеровец и хулиган. / Вечно подначивал: “Жидочек, хочешь сала?” / Как он плакал, когда Аркаши не стало! // А ещё там жил дядя наш Яша, / Герой второй мировой, учёный, гордость наша. / Когда каждый свой дом защищает, как может, / он бы стал на защиту тоже. / Хорошо, не дожил» (с. 356). И в тон ему «Моя родословная» (тоже полторы страницы убийственного текста: «Селенье под названием Крутое... / Там Этале. Красива, как звезда... / Оставит двух мальцов и дочку Цию / и молодой угаснет навсегда. // Ещё не просвистел казацкий выверт, / и ничего не ведает пока / ей суженый, Давид Григорыч Гиверц, / не сломленный под пытками ЧК. //В Песчанке ждёт её парнишка тонкий / любимец-весельчак округи всей, / убитый из петлюровской винтовки / мой дед, почти библейский Моисей» (с. 103–104).

Куда ни бросишь взгляд, лучше не видеть.

В счастливом платье поплиновом
прекрасная Россия будущего
разбухла под мостом калиновым
и пятится стозевным чудищем
в пещеры предков, где в обителях
комиссий самых чрезвычайных
бессмертные полки вредителей
разбрасывали семя каиново.

* * *

Над островами Соловецкими,
Над Спасской и Никольской башнями
Парят архангелы советские
Макаров, Стечкин да Калашников.
(с. 128).

* * *

Сегодня деда навестил,
Решил всё рассказать,
Как внуки тех, с кем он служил,
Пришли нас убивать.

Мне помнится твой монолог,
Как наш народ страдал,
И если есть на свете Бог,
То почему молчал?

(с. 388).

И радуется внук, что не дожил его дед до безумных дней. Помните: «... он бы стал на защиту тоже. Хорошо, не дожил». А «Бог ушел на перекур» помните? У канцлера Нессельроде был несколько иной взгляд на прошлое, настоящее и будущее России.

Читая стихи европейских поэтов, не так уж часто находишь прямые отсылки к культуре далёкого ли, недавнего ли прошлого. Но для русской поэзии связь с мировой традицией неистребима. «Дай нам руку в непогоду, помоги в немой борьбе». Это не только Блок о Пушкине. Это единственная нить, за которую держимся мы в бесконечные годы лихолетья.

На открытие нового памятника Блоку в Петербурге: «Вот город, который придумал Бог. / А это Блок, / покидающий город, /

который придумал Бог. / А это петля и верёвка, перекинутая неловко / через невидимый крюк / в доме, который покинул Блок. / А это другие поэты, которым плохо / в городе, в доме без Блока и Бога. / А вот и пуля в спину бегущему Блоку, / Который, падая, захлопывает эпоху» (с. 383).

Источников вдохновенья удивительно много. Не забыть упомянутую уже слезу ребёнка (хотя со страхом вспоминаешь, что скорбевший о плачущем дитяти великий писатель мечтал об империи от края и до края, а инородцев не жаловал) и задохнувшегося в Петербурге Блока (тоже одно время не без интереса слушал музыку революции). «Да, скифы вы, да, идиоты вы! / Вас тьмы и тьмы, сражаемся мы с вами! / И азиатской рожей вы, увы, / уж обернулись — с жадными очами! / Да, так любить, как любит ваша кровь, / никто из нас уже не может. / Тяжёлые крестцы ломаете вы вновь, / хрустят скелеты в ваших лапах, Боже!» (с. 466). Умом Россию не понять? Отчего же? Россия — сфинкс? Может быть, да только без загадки. Есть и прямое обращение «Русским классикам»:

Как спите, Пушкин, Достоевский и Толстой?
Не беспокоят озверевшие потомки?
Казалось, ваши голоса сильны и громки,
Что убивать людей — не самый лучший путь
Для утверждения величия державы
И что проклятия получают вместо славы.
Не довелось вам в наше время заглянуть.
(с. 399).

А рядом вечно памятный Галич, уезжавший из угла и из дома, которого нет. «Там всё было до боли, до вопля знакомо, / Там веками сквозь тьму пробивается свет... / Каждой ночью во снах уходил я из дома, / Уходил я из дома, которого нет. // В своих детских мечтах, в романтической блажи / Я любил его, будто родного отца. / Но не сыном я был и не пасынком даже, / А пре-

зренным изгоем без судьбы и лица. // Не врагом и не другом, даже не постояльцем, / А пришельцем чужим, так, присевшим в углу — / Только слово скажи, только тронь его пальцем — / Он, как загнанный зверь, унесётся во мглу» (с. 533). Мелькнул Вертинский: «Судьбы жестокой бледный мим, / души ранимой пленник вечный. / Тоской по родине гоним / По родине бесчеловечной» (с. 148). А рядом в этом пёстром карнавале Гомер, Шекспир, Мольер, Боратынский, Тютчев, Чайковский, Бодлер, Дебюсси, Булгаков, Мандельштам, Фейхтвангер («Мыслитель и пророк, хочу задать вопрос, / Ведь Вы на свете всякое видали? / Под «Хванчкары» бокал, в дыму от папирос, / Как провести Вас смог усатый Сталин? // Не слышали Вы / звон кандалной Колымы / И хрипы постояльцев Магадана — / Что ж, хитрость упыря затмила и умы / Барбюса, Арагона и Роллана, с. 74), Марина Цветаева, Георгий Иванов, Арсений Тарковский, Ю. Нагибин, Чичибабин — кого-то и пропустил, а ныне здравствующих сознательно не называю. Упорно всплывает из давних волн Философский пароход, увозивший на чужбину ту культуру, которую почти удалось сбросить с корабля современности (в 2022 году как раз исполнилось сто лет с той высылки — славная годовщина: с. 48 и 72).

Всё есть в этой книге: отчаяние, грусть, призыв к подвигу, воспоминания и неожиданно ирония и прекрасная лирика. Приведу два стихотворения.

Раскинулись мори, чероки
По весям и странам своим.
Они и чужи, и далёки,
И празднуют свой хеллувин.

Танцуют вокруг истуканов,
Сезон призывая дождей.
И пьют из гранёных стаканов
За здоровье наших вождей.

Они чужаки, инородцы
С иными чертами лица. —
Мы призваны с этим бороться
И в этом пойдём до конца.

На парус изорванной карты
С границами в смутной дали
Наклеим клочки и заплаты
Чужой благодатной земли.
(с. 367).

Нет ничего печальнее любви,
Когда она приходит слишком поздно.
Забудь меня и, как цветок, живи:
С луной играй под крышей неба звёздной.

А я уйду. И унесу с собой
Твои глаза в предутреннем тумане.
И будет этот сумрак голубой
Напоминать о незакрытой ране.

Сойдутся дождевые облака,
И в день ненастья, в грустный день осенний
Увижу я тебя издалека,
Но не смогу обнять твои колени.
(с. 223).

Один из лейтмотивов «Года поэзии 2023» — вера в то, что не может же вечно торжествовать зло. Хотя отчего же? Опыт истории скорее свидетельствует об обратном. Уже почти никто не помнит той, такой великой, такой отечественной войны с её «вероломным» нападением (татья татья дубинку украл). Коротка память потомков.

Мы затишья избранные сыны —
в громовой сонате вторая треть.
Хорошо родиться после большой войны
И не спеша до следующей умереть.
(с. 294).

Не знаю, какую сейчас играют треть, но как не кончить сонату и симфонию радужным скерцо!

Есть в книге и проза. Пусть никто не осудит меня за пропуски. Это и не пропуски вовсе. То, что я написал, — попури, не претендующее на то, чтобы быть рецензией. Кто возьмется рецензировать такой сгусток горя и надежды! Что год грядущий — «Год поэзии 2024» — нам готовит?

Эдуард МАРКОВИЧ

* * *

Дрожит календарь, осыпается горем.
Равняясь направо, равняясь налево,
Бредём по стране «от реки и до моря»,
Зажатой врагом меж землёю и небом.

— Ты видишь, мой милый, кружок за окошком?
Белеет пятно в исколошенном поле.
— Не бойся, родная. Летучая кошка,
А может быть мышка, ни мене, ни боле.

У всякого бога свои аксиомы,
У всякого мира свои теоремы
Для тех, кто не знает, откуда и кто мы,
И тех, кто не понял, зачем мы и с кем мы.

Мы смотрим в окно и стоим не стигбаясь.
Вот страшная птица уносит кого-то.
— Не бойся, родная. Наверное, аист,
И светится что-то за тем поворотом.

Мы смотрим на лица, мы плачем безмерно
О тех, кто ушёл и уже не вернётся.
Оторван последний листок эфемерный
И новый на стенке провалом, колодцем...

* * *

Кавалеры империи млеют в полуденном сне.
Ветер треплет шнурки бунтарей на прогнивших верёвках,
Бунт подавлен, созрела малина и писарь в пенсне
Регистрирует то, что осталось в штанах и поддёрках.

Отщепенцы империи за полосой фронтовой,
Птица-ворон и птица-сова их воинственный диптих.
Бунтари в башмаках со шнуровкой готовятся в бой,
Подлиннее, чтоб было за что палачам зацепить их.

Трубадуры империи в книгах, картинах, трудах,
Галереях, музеях. Бисируют в опере ложи,
Славословят поэты в торжественных строгих стихах,
Приукрашенных правдой и пряно приправленных ложью.

Невозвратность империи спит под землёй и водой
В тёмных нишах сырых, ни кручины там нет, ни лучины.
Кто один, кто вдвоём, кто толпой, кто беззвучной гурьбой,
Как положено, строем лежат, по ранжиру и чинно.

* * *

Любовь рыжее апельсинкой,
Прикинётся бродячей псинкой,
Вползая ночью в чей-то дом.
Ей сплетни не страшны и бредни,
Потопчется в чужой передней
И шмыг в запруду за прудом,

Где камыши сидят ватой,
Где пламенеет цвет граната
На щёчках девушек с веслом,
Скрипач пиликает на крыше,
Любовники Шагала ищут
Промеж коровой и ослом,

А та сдувает пену с пива,
Глотнёт и морщится счастливо,
Ероша сонное былье.
Любовь певуча, иронична,
Легка до грани неприличья.
Но лишь зевни, и нет её.

* * *

Грозится небо тучей мятою,
Грядёт гроза, грядёт гроза,
А над водой парит распятая
Мерцающая стрекоза.

Безмолвно богомолы молятся,
Склоняясь низко над землёй,
И жук, жужжащий вдоль околицы,
И уж, свернувшийся петлёй —

Всё будет радость и страдания
Когда-нибудь, когда-нибудь,
Но горький привкус увядания
Зелёный оттеняет путь,

Останки осени желтеющей,
И лета желчь, и зимний мел,
Стриж, облака крылами бреющий,
Стрижёт весенний беспредел.

Над дальним озером невидимым
Поёт осанну чёрный рой.
Там виноград зовётся Лидия,
А жизнь судьбой, а смерть игрой.

* * *

Привычнее всего стрелять у телеэкрана,
В положении лёжа, но можно и сидя.
Во-первых, это удобно, во-вторых, безопасно.
Открывается ракурс прекрасный,
Видны рядовые бойцы и лидер,
Живописно смотрятся раны.

Можно есть бутерброд, пить кофе и чай,
Поглядывая на картины на стенах салона,
Бегать к огневой точке на кухне,
Не опасаясь, что всё сейчас рухнет,
Не страшась строгой буквы закона,
И стрелять, стрелять, стрелять, попадать невзначай.

Прицелься лениво, дела позабуди́ напро́чь,
Ты не один такой, стреляют в разных странах,
Утром и вечером, днём и в ночи.
Хочешь смеяться — плачь, хочешь молчать — кричи.
Красная лужица под телеэкраном
Выросла за ночь.

* * *

Древняя туча уснула над городом И.
Свесила серые космы до самой земли,
Горы щекочет надеждой.
Высохла. В тень превратилась за тыщу веков,
Ослики сняты и цокот истёртых подков,
Всадники в белых одеждах.

Туча устала людей ураганом стращать,
Вьётся под тучею вечной мужчинная рать
В штраймлах с опушкой лиси́ной,
С толстыми книгами, полными мудрых жучков,
С важными лицами в отблесках чёрных очков.
Ждут появления мессии.

Медленно, медленно на поседевшем осле
К дому Давидову, к туче, храпящей во сне.
К тени. За тем поворотом.
К кладбищам сверху и сбоку, измучен и тих,
Мимо Геенны к провалу Ворот Золотых
Едет обещанный кто-то.

Виталий АМУРСКИЙ

Мандельштам в 1934 году (к 90-летию ссылки в Пермский край)

То время измерялось в пятилетках.
Твердел цемент и плавился металл,
И каждый день, как уголь в вагонетках,
Гремя, не проходил, но пролетал.

Но чуждым новой жизни дилетантом,
Пытаясь всё ж поладить как-то с ней,
Он бормотал лишь о терцинах Данте
И парусах ахейских кораблей.

Однако даже этим беспокоя,
Был чужд и ненавистен палачам
В стране, где без надзора и конвоя
Лишь звёзды выходили по ночам.

О, столь знакомый с детских лет рисунок
Большой Медведицы — Великого ковша —
Единственный, что проступал сквозь сумрак,
В котором зябли сердце и душа.

Слов не хватает, а глаза закрою:
Россия. Те же бесы. То же зло.
Как Чердынь Мандельштама, чернотою
Минувшее в сегодня проросло.

**Убитому в колонии № 3 «Полярный волк»
Алексею Навальному**

В той Москве, где я тоже когда-то рос,
Нынче каждый закат — ожог,
А теперь средь фото твоих — от роз
Покраснел снежок.

Был бы ближе — тоже б принёс,
Разве ж в мыслях их там кладу,
Будто слыша, как фсинский пёс
Ещё воет в твоём аду.

В Кремль. Временщику

В синяках тело зэково,
Как с распятия.
Посмотри, палач, в зеркало
На себя, спятившего.

Думая об оставленной оккупантам Авдеевке

Небо хмурое, как и всё теперь...
Ветер северный, впрямь, — наждак.
То ли заморозки, то ли оттепель,
То ли вовсе нечего ждать.

Лишь печальнее и тревожнее
Бег теней и полутеней,
И — Европа, как конь стреноженный,
С волчьей стаей наедине.

Рядовому защитнику Незалежной

В печурке лёгкий треск поленьев.
Нехитрый фронтовой уют.
Бои на южном направлении
И на восточном пушки бьют.

Безвременье недель окопных —
Войны великая страда,
А в мыслях рядом те, о ком ты
Не забываешь никогда.

Среди ночей полубессонных,
Как будто видя их глаза, —
Убитых около Херсона
В такое ж время, год назад.

* * *

Небо цвета лазури
С холодком в глубине
Через щель амбразуры
Слово ярче вдвойне.

Но не райские кущи
Рядом — избы, сады...
Приграничная Курщина,
Русских танков следы.

Тех, что били по Сумам
И южнее могли б —
Их ещё нарисуют
Дети тех, кто погиб.

* * *

Чтили Розенбаума и Пахмутову,
Увлекались книгами Проханова...
На земле, снарядами распаханной,
Сколько ж их вблизи Бахмута кануло.

Сколько у Авдеевки и далее,
Брошенных в минуты отступления,
Искренне гордившихся медалями
Не за ратный труд — за преступления.

* * *

Когда однажды речь зайдёт об этом лете,
О днях, что обрели особый вкус,
Я, как один из многих им свидетель,
Произнесу негромко: август, Курск.

Чтоб, изучая нравы в Третьем Риме,
Никто не забывал бы заодно
Про город, давший имя субмарине,
И край, что точно так же лёг на дно.

* * *

Александру Лунину

Из той страны, что нет в помине,
Вернее, стала наваждением,
Мы декабристы — вы фамилией,
Я — днём рождения.

Прапамять — штука непонятная,
Так тихим светом целит в сердце мне
Не Южный Крест — звезда Полярная
Как и при них, и как при Герцене.

Бывают в неких знаках плюсы,
Однако всё-таки нечасто.
А чашки или блюда бьются
Не обязательно на счастье.

* * *

Алику Хананье

На портрете в издании Имки
Из-под плотно зачёсанных локонов —
Нос Ахматовой с той же горбинкой,
Что у Данте на полке около.

Мандельштам и Пушкин соседи им,
Как в вагоне или на станции, —
Уходящей России наследие,
Что при варварах с ними станется?

Ильдар АХМЕТСАФИН

* * *

Дымит печной трубой,
Как самокруткой, дедов дом.
Тополя, что огромные мётлы,
Сметают облака осеннего неба.
Неизвестной птицей на тонкой ветке —
Первая грусть!

* * *

Стукнет глухо дверь подъезда —
И караулишь,
Прислушиваясь к шороху шагов,
Звяканью ключа в замке...
Ждёшь её — как собака хозяина!

* * *

Наступили осенние славные дни,
А точней, золотое с(в)ечение их.

У окна (в лазурите) и клён, и рябина,
И всегда приоткрыта его половина.

Шевельнётся какой-нибудь где-то листочек,
Словно звякнет (беззвучно) души колокольчик!

* * *

Надо крепче держаться за радость,
Как пацан за воздушного змея!
Всё глядит, от восторга немея,
И не видит он тучи-громады.

Будто знает, что кроны деревьев
С их тугими стволами на пару
Поднимают зелёный свой парус,
Лишь попутному ветру доверясь!

* * *

Не меняется жизнь-пережизнь,
Но становится тише и тоньше!
Краснопёрой голубкой кружит,
Поднимаясь до самой до точки.

* * *

Мы так похожи на снеговиков!
Стоим себе — весёлые в печали —
И снега пьём сухое молоко,
И по весне готовимся отчалить.

* * *

Ничего не понимая,
Так стою в недоуменье.
Жизнь-житуха дорогая,
Ты привычка иль уменье?
Дождь ли, воздух ли щербатый,
Сизарей весенний трёп...
Кверху дном, туда-обратно,
Задом наперёд!

* * *

Бывает, сквозь толпу иду-бреду,
Цепляясь взглядом за глаза прохожих.
Мне кажется — я каждого пойму,
Даже тогда, когда так непохожи...

* * *

Уехать на край света
И жить на том краю!
Без радио и света.
Наверно, как в раю.
Кормить берёзой печку
Да валенки сушить.
Ещё пасти овечку —
Души.

* * *

Живёшь —
И не имеешь ничего.

По запаху скучаешь,
Ощущенью,
Меняешь настроенье по щелчку,
Бывает,
Вообще без настроенья.

А иногда выходишь на балкон,
Где на твою пустую сотню соток —
И снега первого парное молоко,
И тишина,
Похожая на шёпот...

Виктор МАРТЫНЕНКО

* * *

Струился снег и было одиноко.
В вечерних окнах загорался свет,
А ветер завивал позёмке локон,
И в комнате потрескивал паркет.
Часы уютно и ежеминутно
Вздыхали, вспоминая о былом...
Война таилась где-то, и под утро
Она вошла тревогой в каждый дом.

Вошла война, и стали лица строже,
И загрустили, сникли фонари.
Потери научились мы итожить
И научились тихо говорить,
Вышёптывать тревожными ночами
Надеждами взращённые псалмы
И освещать печаль свою свечами,
Любить и верить научились мы.

Пришла война. По улочкам горбатым
Куда-то убегали люди прочь.
Горело небо заревом заката.
Пал снег на землю. Подступила ночь.
Потом завывли жалобно сирены,
И горечью наполнились сердца.
Застыли люди в ужасе над бездной,
Которая не ведала конца.

Могильный мрак чернел в разбитых окнах,
Костры горели в сумраке дворов,
Рыдала ночь в разрывах водостоков.
И вновь из перепутаницы слов
Тобой творились строфы катастрофы.
Ты вновь бродил в тревожной злобной мгле,
И архаичной беззащитной крохой
Свеча мерцала на твоём столе.

* * *

Помнишь, песни лились, как вино, за столом,
Парусилось белье во дворе белоцветно.
Наше время пришло... Наше время прошло...
Наше время ушло как-то так незаметно.
Наше время — война, наше время — стена.
Стоны, крики и боль из завалов.
Вновь оборванно стонет гитары струна
На развалинах школьного бала.

* * *

Тревожный день слезою жгучей
Я орошу в кромешной мгле.
Но луч прорежет злые тучи,
И свет прольётся по земле,
И книгу чей-то взгляд раскроет,
И тихим шепотом прочтет
О том, что не сгорела Троя
В тот проклятый богами год,
И не убил Парис Ахилла,
И Гектор с сыном на руках...

Летит Икар, расправив крылья,
И океан в его глазах
Качает корабли и, пенясь,
На берег падает волной,
И человек спешит за тенью,
Потом поплачет он со мной.
Поплачем. Как нам не поплакать,
Как не пролить античных слёз.
Вновь за окном кровь, мрак и слякоть.
Что дальше? — мучает вопрос.

* * *

Война пришла в наши дома
бесстыдно и стервозно,
встречала март в окне зима
и плакала так слёзно.
Чернели тучами грачи,
дышало небо смертью,
и люди плакали в ночи
в подземной круговерти.
Война усмешкой палача
ломила в наши двери
и убивала, хохоча,
и завывала зверем,
Вгрызалась злобно знаком Z
в молчанье наших улиц,
встречали города рассвет,
испуганно сутулясь...
Рассеется пожарищ дым,
и прочь отступят беды.
Одним желаньем я томим:
дожить бы до победы.

* * *

Засейте звёзды, как в последний раз,
И пусть луна лимонится над крышей,
И тополь серебрится пусть чуть слышно,
И пусть Шопен прольёт в беззвучье вальс.
Пусть расплетется кружево дорог,
И путник прислонит к стене усталость.
Всяк в этом звёздном мире одинок.
Лихая доля каждому досталась.
Пускай в ночи ревут моторы грозно,
Я, в небо устремив полночный взгляд,
Стократно повторю: засейте звёзды —
Пусть нас они надеждой озарят.

* * *

Умолкнут канонады битв,
и хлынет лунным светом полночь,
сирень сирены поглотит
и тишиной дома наполнит.
Сирень всплакнет в моём окне
своим протяжным ароматом,
и вновь напомнят о войне
грозы далёкие раскаты.
Ты станешь вглядываться в даль
неторопливым звёздным взглядом.
Сирень прольёт свою печаль,
заплачет горько за оградой.
Пусть не утешить мне её,
но прошепчу ей в утешенье:
цикада юная поёт —
остановись, замри, мгновенье.

Ольга ЗВЕРЕВА

Рип ван Винкль

I

Когда ты очень мал и нелюдим,
Возможно дотянуться до глубин,
На мир глядя с позиций электрона.
Чтоб точно помнить: истина проста,
И, как Иисус с последнего креста,
Добраться от облома до канона.

II

Но что же делать, если мир — война,
И родина опять сошла с ума —
Как конквистадор в панцире лишений?
В науки омут — как коня в хомут,
В дихотомию вечную «мир — труд»,
Чтоб избежать сомнительных решений.

III

Пить с тараканом и из года в год
Писать в графе про партию «Есть кот»,
И игнорировать слова родни и песни.
Кропать статьи и кляузы в депо,
Читать то ль Лангерквиста, то ли По,
И спать, покуда правда не воскреснет.

IV

И вот ты дремлешь, в небе брезжит кот,
Влечёт твою судьбу звездоворот,
Который обещает девять жизней
Тому, кто спит. Чего должно хватить,
Чтоб перестраховаться, перебдить
И пережить величие отчизны.

Продакшн

0

Говорят, неверие — тоже грех.
Солнце зажглось и село.
Кто-то что-то кричал.
Кто-то что-то кричал...
На овощебазе случился скандал.
За восемь минут до взрыва

1

Когда мы хотели придумать бомбу,
мы помнили о защитных костюмах:
чертежи рисовали в перчатках,
очки протирали спиртом.
Мы строили новые графики
освобождённой энергии,
взрывной волны,
светлого будущего,
лепили модели из ваты,
бумаги, уверенных жестов.

А директора катались
по заграничным конфам,
презентовали модели
в новейших костюмах,
очках и перчатках,
пили бесплатный кофе,
задезинфицировав водкой.

имтоженепомогло

2

За восемь минут до взрыва
на овощебазе случился скандал.
Кто-то что-то кричал.
Кто-то что-то кричал...
Солнце зажглось и село.
Говорят, неверие — тоже грех.

* * *

Приходи к горе, что и не было никогда,
О которой лишь знают, что, может, была гора.
До морей, до песка, до тех рыб, что прошли без следа,
До людей, что приходят под гору погоревать.

Приходи теребить песок, ведь он был скалой,
Он вставал над морем, как бог, разбивал волну,
На мельчайшую радугу, жидкий свет многослойный.
И когда свет слоями тонул, он со светом тонул.

Пусть теперь за окном война и в окне война,
Вспоминай, как у радуги свет доходил до дна,
И горели рыб латунные плавники,
И один косяк уходил, а другой приходил.

Приходи к горе, что осталась лишь в памяти рыб.
Приходи о вашем прошлом поговорить.

Слава ГАУФБЕРГ

24 февраля

Наше время разорвала война
Разметав, как пепел, жизни и сны
И опять мы говорим: «Старина,
Это было ещё до войны».

Как надеялись, что нам повезёт,
Что не будет страшных войн, как тогда
Но сегодня завершается год
Как обрушилась эта беда

И опять в огне горят города
И опять от боли камни кричат
И опять, как в той войне, как тогда
Обагрывается кровью закат

Что сказать тебе, мой друг, как понять...
Виновато мы сидим за столом
И тоску чтобы хоть как-то унять
За победу, как отцы наши, пьём.

Слава богу, что не видят отцы —
Обезумела наша страна
Правят ею подлецы и лжецы
И победа нам другая нужна.

И в безумии имперском, когда
Она верит, что она всех святей,
То спасти её может тогда
Лишь победа не её, а над ней.

24 февраля 2023, Бостон

Великая страна

Великая страна. Шестая часть земли.
Прекрасная страна: леса, озёра, реки,
Алмазы, нефть и газ, берёзки, соловьи,
Пельмени, шашлыки и чебуреки.

Великая страна. Великий в ней язык,
Литература, музыка, наука.
И человек её прекрасен и велик.
И радость велика, и мука.

Всё самое великое — её,
Мы свято верили — ведь так учили нас,
Не замечали мы её гнильё
И сладким был её прокисший квас.

И не хотели думать второпях
О миллионах, что в сырой земле лежали,
О том, что полстраны сидели в лагерях,
А остальные полстраны стучали,

Она спасала мир. Сначала во Христе,
Потом стальной дубиной коммунизма,
И вновь спасает, хоть и силы уж не те,
Спасает всех великая отчизна.

Дамаск, Пхеньян, Венесуэла, Куба —
Ведь это наши верные друзья,
Не помогать им — ну никак нельзя,
Ведь мы из одного диктаторского клуба.

Окружена врагами, как всегда,
Их как всегда испепелить готова,
Она стоит, велика и горда,
К последнему готовясь бою снова.

Велик её народ — но как всегда в говне.
Ему там хорошо, он горд, могуч, духовен,
Ведь всё великое — в его родной стране,
Чайковский — это да, не то что их Бетховен.

И защитить свое величие готов —
Отчизне всё отдаст, он знает это твёрдо,
В сортире будет он мочить её врагов
И есть говно величественно-гордо!

И так всегда. И так уж тыщу лет.
И никакой надежды на успех.
И тыщу лет звучит один ответ:
«Пусть мы в говне, но мы — духовней всех».
февраль 2020, Бостон

Время

Бесконечной рекой время в завтра течёт
Неустанным потоком проносятся годы
И не знаешь когда, и не знаешь, что ждёт
И куда исчезают города и народы

За окном тишина затаилась, как сон
В томных бликах свечи тени дремлют устало
И дыхание твоё, и твой трепетный стон
И волшебная ночь без конца и начала

Пусть безжалостно время летит в никуда
Пусть уносит с собой города и людей
Об одном я молю — чтоб была ты всегда
В непростой, беспокойной, бурной жизни моей
2 мая 2024, Нью-Хэмпшир

* * *

Залита вода закатным светом
Тихо волны плещут о корму
Утомленные паляще-знойным летом
Горы в синюю укрылись пелену

Всё умолкло: люди, птицы, ветер
Медленно темнеет небосвод
Кажется, что я один на свете
Даже время замедляет ход

Мир уснул. И всё остановилось
Будто бы исчезло навсегда
Сгинули жестокость и немилость,
Ненависть, коварство и беда

Ночь пришла, своим крылом укрыла
Лунным светом тихо осветив
Звёзд волшебной пылью окропила
И уснул я, обо всём забыв

Но проснувшись утром, на рассвете
Ощувив внезапный свет в глазах
Я услышал, как кричали дети
Заживо горящие в домах

Я увидел, как идёт по свету
Диким маршем дьявольское зло
И как нашу бедную планету
Человечьим пеплом замело...

Солнечный на волнах зайчик блещет
В небе птицы мирные парят
Облака и горы, волны плещут...
А дома горят, горят, горят...

1 июля 2024, Нью-Хэмпшир

Сергей КОДЕС

Осень. Почти по Пушкину

Фашизм уж наступил — Россия отряхает
Приличия и стыд с нагих своих ветвей;
Общественная жизнь успешно промерзает.
Не слышно голосов порядочных людей,
Последний либерал напрасно поспешает
В отъездные поля с супругою своей,
Теперь уж не сбежать от бешеной забавы,
И только лай собак взамен фальшивой славы.

29 октября 2023

Господи, пошли нам сил...

У развалин и могил
Пахнет снег бедою.
Господи, пошли нам сил
Справиться с ордою.

Лезут к нам за веком век,
Жадностью ведомы.
Вождь у них — не человек,
А из насекомых.

Шершень или злая моль,
Любит ядом жалить,
Да себе придумал роль
В мировых скрижалях.

Озверелых были тьмы,
Стали миллионы.
У соседей просим мы
Больше стрел калёных.

Нам бы отыскать пути,
Хоть в огне нет броду.
Безошибочно найти
Нам бы воеводу,

Храброго, кто знает путь,
С мудрыми глазами —
Ни нагнуть, ни обмануть.
Остальное — сами!

У развалин и могил
Пахнет снег бедою.
Господи, пошли нам сил
Справиться с ордою.

1 марта 2024

Хочется верить...

Война становится привычной и обыденной,
Уходит в прессе на вторые полосы.
Кровь и страдания практически невидимы —
От новостей не поседали волосы.
У всех свои дела...

За власть политики сражаются отчаянно,
У эмигрантов тают сбережения,
В России славят вечных Путина и Сталина,
Не вижу новых лидеров на сцене я.
Их мать не родила...

Век двадцать первый что-то радостью не балует,
Не слишком отличаясь от двадцатого.
Прогресс науки — тонкий луч, частица малая,
На общем тёмном фоне светит матово,
Не побеждая зла.

Летит планета по орбите, кем-то заданной,
Не ведая разборок обитателей,
И шлейф за нею пахнет порохом — не ладаном.
А может, надоели мы Создателю?
Надежда умерла?

Нет! Длится битва с современными вандалами,
Свихнувшимися злобными невеждами.
И верить хочется, что в битве не устали мы,
Я чувствую, что нужно жить с надеждою —
Она не умерла!

27 мая 2024

Закрывать глаза на войну...

Закрывать глаза на войну
так естественно для людей —
вести с фронта мешают сну...
Нет, никто из них не злодей,
просто очень-очень хотят
не пускать в свой внутренний мир
гром орудий. Лучше — котят
в интернет и прочий эфир
мирно постить на радость всем,
фотографии гор, морей,
а войны вроде нет совсем.

И листочки календарей
не содержат кровавых дат —
все исчезли, их просто нет.
Нет погибших в боях солдат,
и взрывающихся ракет.
Если всё это где-то есть,
то достаточно далеко.
Не пробьётся шальная весть
сквозь текучее молоко
вечных дел, бытовых проблем,
а пробьётся, забудут вмиг.
Столько есть интересных тем,
столько фильмов, хороших книг —
о героях былых боёв,
о событиях давних лет...
Есть работа, еда и кров.
для войны просто места нет.
А она между тем гремит,
и уже горизонт багров,
воздух времени ядовит,
и кому-то готовят ров...

25 июня 2024

Памяти Бахыта Кенжеева

*Геorgia Иванова листая
на сон грядущий, грустного вряля...*
Бахыт Кенжеев

Когда сижy, ночь напролёт читая
Кенжеева правдивые стихи,
то думаю: ведь землю я не знаю,
её надежды и её грехи,
их жду в любой момент, сегодня даже,
они вблизи, пора держать ответ —
как тяжело дышать — и «гоп» не скажешь,
не перепрыгнув семь грядущих бед,
хоть тонешь, хоть летишь среди комет —
понятно всё равно: спасенья нет...

26 июня 2024

Хоть свобода воли дана...

Человек глянул на мир
И не смог поверить глазам —
Почему смрадный пустырь
Там, где был мрамора зал?
Почему множество книг
Не смогли людям помочь?
Почему яростный крик
В ключья рвёт тихую ночь?
Что пошло в мире не так,
Началось это когда?
Может, был явственный знак —
Берегись, будет беда!?
Может разум наш поразил
Злобный вирус жарких пустынь?
Ангел, может быть, вострубил,
И упала звезда Полюнь?
Или космос вдруг повлиял —
Неизвестные нам лучи?
Бог сказал бы нам, если б знал,
Только он упорно молчит.
Хоть свобода воли дана,
Нет подсказки, что делать с ней.
И бушует в мире война,
И закат от крови красней...

7 августа 2024

Ася ГРИГОРЯН

* * *

Я верю в силу слов и в глубину молчания,
Я верю в доброту и в силу обещания,
В закатов красоту и тайну возрождения,
И в бесконечность дней и рук прикосновение,
В сиянье звёзд и жизни зарождение.
Я верю в прелесть мимолётных встреч,
И в смысл вечности, и в радость ожидания,
И в дружбу навсегда, и в перезвон сердец,
И в зов души, и в ценность понимания.
Я верю в чудеса и жду всегда весны,
Живу, дарю, люблю без капли сожаления,
Я верю в красоту и в слово навсегда,
И в то, что жизнь полна часами вдохновения.

* * *

Однажды всё вернётся на круги своя,
Вернётся всё к истокам первозданным,
Воспрянет вера, вновь взойдёт звезда,
И станет мир так подлинно кристальным.
Искупятся грехи за все века,
И в одночасье станет легче,
И словно мир вздохнёт опять,
И слово «честь» возглавит шествие.
Всё обязательно вернётся на круги своя,
Таков закон, и по-другому быть не может,
Вернётся всё, и сквозь года
Лишь вера сохранит нас и поможет...

* * *

И вновь ищу ответы на вопрос,
И вновь вопросов больше, чем ответов,
Пытаюсь снова верить, что любовь
Спасёт от нарушения заветов.
И вновь смотрю я истине в глаза
И вижу там усмешку с горьким вкусом,
Похоже, что ответов нет
В игре мирской с испорченным прикусом.
За что? Зачем? Чего же ради?
Им и самим того не знать...
Лишь воротят они судьбами
и грехами
На сотню лет вперёд,
Хотя и им ответа не дано познать.

* * *

Я посмотрю тебе в глаза,
Улыбка на лице тоски не скроет,
Услышу то, что хочешь рассказать,
Твоё молчанье тайну приоткроет.
В моих глазах увидишь ты ответ,
Прочтёшь его как истину простую,
Случайных встреч на свете нет,
Но мы с тобой нашли такую.
И все ответы будут в миге том,
Настолько же случайном и неожиданным,
Себя мы словно заново найдём
В том диалоге непонятно странном.
Я посмотрю тебе в глаза,
Улыбка на губах тоски не скроет,
Но лишь промолвлю я в ответ:
По пустякам грустить не стоит...

* * *

И вот опять настала осень
Так неожиданно, почти врасплах,
Деревья скоро листья сбросят,
Всему в природе есть свой срок.
Смотрю в окно, манит она цветами,
Таковыми мудрыми и полными огня,
В которых кроется напоминанье
Не бесконечной бесконечности меня.
И вот опять настала осень,
Природа засыпает лишь на миг,
Кружит листва и улетают птицы,
И всё слабее греет солнца блик...
Но всё вернётся, возродившись снова,
Подарит продолжение весна,
Ну а пока лишь улетают птицы,
Куда-то далеко за облака...

* * *

В какой-то миг мы разучились просто слушать,
Смотреть и видеть,
И друг друга понимать,
И сверху не судить, не ненавидеть,
И в рассуждениях своих не осуждать.
В какой-то миг мы разучились сомневаться,
Не зарекаться вовсе и легко прощать,
Делиться славой, не махать успехом
И красоту простую созерцать.
Мы разучились жить и радоваться жизни,
Теряясь средь борьбы миров чужих и веж,
И стали скупко одарять друг друга похвалами,
Пытаясь в то же время всё сказать за всех.

Дарить минуты радости улыбкой,
Не тормозить, но и не наезжать,
И уважать без чувства преклонения,
Ну да, и просто сопереживать.
В какой-то миг мы разучились просто слышать,
Ценить друг друга, не обесценивать всё в час...
Мы разучились доверять своим же чувствам,
Хотя так хочется, чтоб мир услышал нас...

* * *

Всё хорошее кончается однажды,
Если бы не так, то в чём же суть?
Как листва с деревьев опадает,
Так и жизнь свой завершает путь.
Всё хорошее кончается однажды,
Но прекрасней жизнь лишь тем,
Что хорошее, случившееся с нами,
Оставляет в ней свой след и тень.
Всё хорошее кончается однажды,
Но об этом ты не сожалей,
То, что кончится оно однажды,
Делает его ещё ценней...

Марина ТЮРИНА ОБЕРЛАНДЕР

В ПРОСТРАНСТВЕ
— ПЕРЕХЛЁСТНУТЫХ СТИХИЙ —

Преданное слово

Согласно Библии
в начале было Слово
способное любовью со-творить
но смысл его
переодев в обновы
скрыл Каин — не сокрывший свою прыть
и слово нынче
в клоунском обличье
паясничает
глядя в небеса
продав за грош вселенское величье
и позабыв
что божия роса
его когда-то мудростью питала
и вдохновение дарила неспроста
и свято верила
в его любви начало
и не снимала с творчества креста
паясничай
покуда сеет морок
дни покаянья правдой сочтены
тебя сожрёт расплаты тайный враг
ещё до окончания войны

предвижу я
на мёртвом пепелище
взойдёт любви невидимый росток
и мы со Слова в полной мере взыщем
вернув ему низринутый венок

Перечитывая Давида Самойлова

В твоих словах есть привкус волшебства
отточены пером
они ласкают
и безвозмездно образ высекают
соединённый с формой естества

но что есть естество —
мой пылкий дух
иль плоть моя
томящаяся в клетки
что выбрать мне —
которое из двух —
и выпростать из паутиной сети

нет
я не перестану поднимать
заслонку времени
упёртую в предсердье
и не устану заново внимать
призыву о признание милосердия

ужель чрез кровь
ужели без неё
нельзя умерить ярость искушенья
забрать весь мир
а то — что не моё —
обречь на гибель и на разрушенья

зачем
мой мір
ты так погряз во лжи
и в жажде власти
злата
поклоненья
висишь на волоске
над пропастью во ржи
и кары в страхе ждёшь
за льготы преступленьям

* * *

Жалюзи
по линейке
пластмассовый окон распил
чтоб увидеть пейзаж
надо их собирать как гармошку
пусть он тот же —
сейчас он меня удивил
приоткрыв вернисаж
довоенных картин понарошку
там звенела зима
и гортань неподдельный восторг
спуск на санках с горы
наполнял необузданным смехом

где в глазах детворы
преломлялись благие миры
обещавшие жизнь
одарённую новым успехом
мир обрушился враз
и под шквалом ракет изнемог
освещаая порой
потолок над пустой колыбелью
сколько стинуло нас
перейдя через смерти порог
сколько встанет горой
под весенней победной капелью

* * *

Как брызги новорожденного дня
как золотой
взлетевший в поднебесье
я вспоминаю Куприна Олесю
и ту — давно ушедшую — меня
я вспоминаю раннюю росу
скользящие по ней ступни босые
и ветра сполохи
внезапные косые
взметнувшие тяжёлую косу
прозрачный бледно-розовый рассвет
встающий над туманною рекою
почти угасший за завесой лет
которые и я уже не скрою

в печаль забвенья канувшие дни
была страна — и мы в ней были дети
в послевоенном выжившие свете
с пожаром не связавшие огни
как пережить ниспосланный позор
объявленный увечным самозванцем
и оправдать недобровольность странствий
своей невозвратимости в укор

* * *

В меня опять втемяшатся стихи
я запишу их нервной рукою
в пространстве перехлёстнутых стихий
на кромке пересохнувших обоев
которые содрали со стены
но выбросить зачем-то не успели
и мне хватает розовой каймы
и отзвука завьюжившей метели
чтоб зимний стих весною наваять
воспоминаниями душу растревожа
и ждать рассвета
и любви ждать
не поднимаясь из пустого ложа

Борис ХЕРСОНСКИЙ

* * *

Кто дежурный? Ху из он дюти тудей?
Ху из он дюти, дети? Почему не протёрты полы?
Почему у нас всё не так, как у людей?
А собственно что у людей? Люди темны и злы.

Чёрные парты стоят в три ряда, и над каждой две
головы, и сотня английских слов в каждой такой голове.
Ленин воз борн ин зе таун на радость нам
Симбирск-нау-Ульяновск, наверное, грустно там.

Наверное нау Ульяновск отражается в синих волнах
Волга-ривер, зе грейтист ривер, где бредут бурлаки,
тянут баржу, но это паст пёрфект — о тех временах
известно лишь то, что они фар эвей, от нас — далеки.

Да и этот урок далёк. Прогрессивных идей
днём с огнём не сыскать, тем более среди мглы...
Ху из он дюти тудей? Ай эм он дюти тудей.
Это я не вытер доску и не вымыл полы.

* * *

Интересно, все ли дети играют в слепцов?
Закрывают глаза и идут на ощупь. постукивая тростью —
у меня на этот случай была резная указка из Черновцов,
я приветствовал слепоту, как желанную гостью.

Легко притвориться, что тебя окружает тьма.
Сам с собою играешь в жмурки, натыкаешься на предметы.
Для этой игры не нужно большого ума,
вечная тьма охотно раскрывает свои секреты..

Иногда мне кажется — тут и сказке конец —
что сомкнуты веки, и свет навсегда утрачен.
Мне кажется, я — погружённый во тьму слепец,
но выхожу на улицу — и притворяюсь зрячим.

* * *

Он любил только юношей — не женоподобных, патлатых,
а мускулистых, задорных, без комплексов и проблем.
И даже на ложе любви он ложился в бронзовых латах,
и на головке члена носил серебряный шлем.

Он был строитель империй. Руины его построек
ещё сохранились, их можно увидеть издалека.
Его обучал истории известный философ-стоик,
перерезавший в ванне вены по приказу ученика.

Он резал вены по-бабьи, долго и неумело,
Зубы сцелив, он лежал в темнеющей алой воде.
Ученик повелел с почётом похоронить его тело,
а вот философские тексты не сохранились нигде.

А душе философа снится — ученик в узорных доспехах
сидит перед колоннадой на любимом парадном осле.
И ему мускулистые юноши рапортуют о новых успехах,
о новых завоеваниях и лучшей жизни во зле.

* * *

Мне виделось чудище со старой Одессой во рту,
мне слышалось движение механических челюстей.
Где трамвайные павильоны, где церковь в порту
у основания лестницы? Дома, где среди гостей
бывали Бунин, Пушкин — да мало ли кто ещё!
Где решётки бульваров, где старые особняки?
Вспоминаю, пытаюсь считать, но теряю счёт.
Вырваны с корнем — так выпалывают сорняки.
Где дачи со статуями Гермеса или скорбных Мадонн?
Где маски львов на стенах, где кованые ворота?
Где жёлтая краска фасадов за рядами белых колонн?
С ними сведены счёты. Но открыты счета.
Одесса вплотную к обрыву тяжелеет и тянется ввысь.
Сминает прекрасную мелочь двух прошедших веков.
Во сне я зываю к монстру: Чудище, остановись!
Вот какие ночные кошмары у нынешних стариков.
Сам ты — чудище! — монстр говорит в ответ
и сплёвывает обломки прямо на тротуар.
А я смотрю на карту Одессы, которой нет.
И крик петуха по традиции прерывает ночной кошмар.

* * *

Сентябрю жара досталась в наследство от лета
 плюс икра из синих наше лучшее блюдо
 дайте нам два билета дайте на два билета
 всё равно куда в один конец подальше отсюда
 подальше отсюда от санитарной плитки
 которая нашу историю со всех сторон облепила
 собираем свои пожитки собираем свои пожитки
 оставайся на месте возведённый в ранг терпила
 пристрой к старинной квартире балкон каморку снаружи
 над мемориальной доскою писателя жившего тут полгода
 пусть нам будет хуже блять пусть нам будет хуже
 мы евреи конечно но нам не дожидаться исхода
 дайте нам два билета или дайте сил притерпеться
 пакуйте баулы садитесь на чемоданы
 просто некуда деться просто некуда деться
 звучат военные трубы гремят за окном барабаны

* * *

говорить с философами глупо —
 кто в калошах — тот не даст ответа.
 любомудры носят мокроступы
 на подкладке розового цвета.

разбирают слов заёмных груды
 не филологи, но словоблуды.
 словолюбы не боятся с волком встречи
 в зарослях исконно-русской речи.

пусть звучит кошмар филофониста
 звон трёхструнки, песня гармониста.
 звуколюба нашего — хоть тресни —
 за уши не вытащишь из песни.

к чёрту диалог — двойное слово,
тащит грек его из мира злого.
с Богом не бывает диалога.
лишь молитва есть в ушах у Бога.

пусть горят у алтаря, как свечи,
подлые заёмные словечки,
пусть сгорают, пусть сгорят бесследно.
вот тогда мы заживём безбедно.

* * *

Хорошо виновному среди правых,
что бескровному среди кровавых,
что слабодушному меж душегубцев,
что красной девице меж сластолюбцев.

А грехи у нас общие — горькое пьянство,
сладкая жизнь да трезвое чванство.

А правда у всех своя, вернее — осколок, огрызок,
в белой чалме, жёлтых одеждах, парчовых ризах.

Каждый хватает кусочек и в угол тащит,
грызёт, рычит-ворчит и глаза таращит.

Олег ГОЛОДНЫЙ

Этот мир

Нет знакомой листвы под ногами,
оппадают у пальмы ладони,
под ногами одни игуаны —
наших дней динозаврики-пони.

Над Атлантикой клин пеликанов,
над Атлантикой синее небо.
В нём видна глубина океана,
я лечу в нём на крыльях плацебо.

В этом мире достаточно фальши,
вот и крылья не крылья, а руки,
и лечу я всё дальше и дальше,
но всё ближе и ближе к разлуке.

Правит бал сатана в этом мире,
звон разбитых витрин и надежды.
Может, мир заслужил харакири?
Знаю только... не будет как прежде.

Под фанфары

Чем громче фанфары, тем ниже мораль.
И праздник победы не праздник — печаль.
И грохот сапог не за мир на земле,
не будет героев на этой войне.
Мундир генерала как бронежилет,
солдаты на поле непрожитых лет
лежат, удобряя сырой чернозём.
За партию, родину всё нипочём.
И денежки тоже, конечно, важны,
ведь годы убийцы всегда сочтены.
А хочется тёплый, домашний сортир,
стиралку, машину и... западный мир,
манящий гламуром журналов без слов,
где глянец красивых больших городов.
Всё громче фанфары, всё ниже мораль.
Здесь мёртвых не чтут, и живых здесь не жаль.
Здесь бьют барабаны и горны трубят...
и дети идут на военный парад.

Идут часы

Идут часы неудержимо,
идут дожди — сезон дождей.
И кажется, что всё терпимо,
ну, чуть постарше, чуть мудрей.

А всё что было, было краше,
но нужно двигаться вперёд.
И потому в том антураже
лишь память грустная живёт.

Она грустит, напоминая,
о том, что прожито не зря,
о том, что жизнь не кущи рая,
живи, лукаво не мудря.

Напоминает мне о детстве,
напоминает о любви,
и о несбывшейся надежде —
гонимой ветрами листвы.

И дождь коричневых каштанов,
садов вишнёвых белый снег,
историю двух капитанов —
чем дорог был мне прошлый век.

Атлантида

Далеко-далеко, в той далёкой стране,
что лежит глубоко Атлантидой на дне.
Где все счастливы были в своей нищете.
Где все были равны в КГБ и во сне.
Чистилище названо было ГУЛАГом,
комедия Данте шла с полным аншлагом.
И были чистилищу души их рады,
ведь в каждом углу были стенки у ада.
А так хоть какой-то был маленький шансик
вернуться на свой коммунальный диванчик.
И бублик в остатках вчерашнего чая
в стакане смягчить и зашамкать кивая.

И слушать, как бьются в едином порыве
рабочих сердца и сердца партактива.
О дружбе вождей и о дружбе народов
и всяких других на земле санкюлотов.
А водка была ну почти что бесплатно,
и все так боялись, что было отрадно.

Покоится где-то на дне Атлантида,
остался тотального страх геноцида.
В наследство остались не люди, а орки —
простой гуманоид с заправкой на водке.

Все средства хороши

Когда уходят не прощаясь,
когда приходят без звонка,
когда безбожно врут не каясь,
когда клянутся на века...

И всё на блюде смысла жизни,
и во спасение души,
и от рождения до тризны
все средства будут хороши.

Так и живём, мораль терзая,
чтоб совесть тихая была.
Она ведь хрупкая такая
и не отмоешь добела.

А на носу очки

Вот уже и осень на носу...
и очки... и на душе дожди.
Вижу, что не торт тирамису,
но не знаю, что там впереди.

Хочется и тортик, и сто грамм,
и рвануть рубаху на груди.
Чтобы жарко было по ночам,
чтобы звездопад как конфетти.

Хочется всё то же, как всегда,
по весне, подаренной судьбой —
ночью в небе вспыхнула звезда
над моей не юной головой.

Всё проходит, осень на носу,
и дожди не только за окном.
Я давно не ел тирамису,
видно, потянуло перед сном.

Георгий САДХИН

* * *

Твой наряд перешит.
Ты за словом не лез в рукава.
И пчела не жужжит
там, где в солнечных пятнах трава.

И от кресла угла,
где пострижен округло самшит,
до сухого ствола
вдоль азалий дорожка дрожит.

Из-под хосты мясистой,
задет лопушистым листом,
дымный ворс серебристый
плывёт за пушистым хвостом.

И усатая мордочка,
выйдя на свет,
на верёвочку фыркнет
от дыма твоих сигарет.

Оттого ли, мой друг,
так наутро слюна солона,
что ни день — новый круг,
что ни слово — «война»?

Дрон

Высокой дымке инородным телом
он рваные овалы нарезал.
Крошился чёрным грифелем на белом
в широкие квадратные глаза.
Его футбол удерживал за якорь.
И мальчики за мячиком гнались.
Между собой они играли в соккер.
Он предвкушал увидеть «сухой лист».
Взлетали стрелы крашенных индейцев
с круч Делавера в рыжих снах хвой,
пока в команде внука семь индусов
пытались нью-джерсийцам насолить.
Увёл корабль по зеркалу отару.
А с высоты сетчатки серебро
отобразило, как земному шару
вонзают в бок кинжальное перо.
И он упал в коробку из картона,
посылкою лететь к передовой,
когда узнал, что не хватает дрона
на поле боя с дикою ордой.

* * *

Вы по-русски говорите,
выпадая из окна.
Вы на солнце во Флориде
обгорите с бодуна.

В мяч играют две соседки.
Две — в купальнике одном.
На Иветке тень от сетки.
И у Светки всё путём.

Ходят лугом крокодилы.
Спят медведи в гамаках.
Русским духом пахнет в иле.
Мы вдоль берега ходили
на высоких каблуках.

Хоть приехали на тачке,
тьма испачканных носков.
Просто писают собачки
на болячки от жучков.

Наши таксы-англосаксы
задают у них мейнстрим,
если слышат про лампасы,
про шойгу и третий Рим.

Нет у жаб кремлёвской спеси.
Светел в дождик небосвод.
И не лезут с рифмой «плесень»
злые орки из болот.

Крикнем в теннисные корты
(ходит в шортах Белый дом):
— Первым делом — самолёты!
— А аборт?
— На потом!!

* * *

А в рожке патронном — мата этажи.
Вражеские дроны. Наши блиндажи.

У меня, по сути, не было родни.
Но жила в Бахмуте тётка до войны.
Зажигала свечи. Берегла тепло.
За окном под вечер в декабре мело.
С высоты порожней яблони ранет
падал на прохожих ханукальный свет...

Ужин мой с оружием. Стужа-побратим.
Раны, стон контуженных, да осколки мин.
Пули-живодёры. Загрудинный жар.
Жёлтые жердёлы освещают яр.

* * *

*О, если бы поднять фонарь на длинной палке,
С собакой впереди идти под солью звезд
И с петухом в горшке прийти на двор к гадалке.
А белый, белый снег до боли очи ест.*

О.Э. Мандельштам

На Красной площади земля всего круглей.
Так снегом завалило мавзолеей,
что только маршал, стоя в стремях,
смог ускакать в застоя времена,
пока, бывлой империи любимец,
играет роль вождя однофамилец.

Чтоб до звезды достать с кремлёвской горки,
девчонки просят ребят на закорки.
По свежему искрящемуся ярко
двухглавого гоняют лыжной палкою.
Кому достанется рубин под облаками?
Волхвы, сияя ясными глазами,
подносят роженице дар от рифмоплёта.
Под снегом не сыскать ни Спасские ворота,
ни бункера плешивого... До рисовых полей
дают в любой тошниловке лишь танец лебедей.
Сбывается ли сон в предновогодний вечер?
С младенцем говори. Что я тебе отвечу?

* * *

Состязание истерик
у сирен. И на стене
молчаливый парамедик,
наклоняется ко мне.
Гиря тонная на рёбрах.
Лёд положен на висок.
Вижу сон:
Великий Бобрик,
церковь смотрится в ставок.
Под коленками руками
охватившись, заперев
выдох, кверху позвонками
я всплыву в тени дерев,
где несложную задачу
строит вражья ДРГ.
Но пророчит мне удачу
диаграмма ЭКГ.
И под старую наколку,
под Давидову звезду,
вводит тонкую иголку
парамедик на посту.

Борис СУСЛОВИЧ

«Год поэзии 2023»: слова крика и слова молчания

«Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые» — строки, с которыми молодой Тютчев вошёл в русскую поэзию. А вот другая цитата: «Я согласился бы жить на земле целую вечность, если бы мне прежде показали уголок, где не всегда есть место подвигам», — Венедикт Ерофеев, поэма «Москва-Петушки». Сегодня и мечтательность Тютчева, и горечь Ерофеева не слишком актуальны: наш человеческий род деградирует стремительно, а новые эманации нацизма, будь то российская или арабская, вызывают чудовищно широкую поддержку, немыслимую во времена гитлеризма.

Украина и Израиль оказались на переднем крае войны цивилизации с дикостью, а поэзия — оружием этой войны. Радоваться тут нечему. Вспомним давнее пожелание Маяковского, вполне сбывшееся: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо». Перо поэта не штык, поэзия служит другому: любви, красоте. Но чтобы служение стало реальностью, дикость нужно уничтожить без малейшей жалости, вырвать с корнем. Противоречие... Разрешимое ли?

Ночь украинская тиха
И тени маются тревожно:
«Уйти б подальше от греха,
Скользя вдоль поля осторожно».

А рядом замершие мы
Стоим, забыв уют домашний.
Под колпаком кромешной тьмы
Врачуя день позавчерашний.
<...>

Останки рухнувшего дня.
Звезда, прилипшая к мундиру...
И шепчет Бог: «Храни меня»
Ополоумевшему миру.

(Николай Лобанов).

Жить, «врачуя» — достойная миссия поэта. «Врачуя» «день позавчерашний», «останки рухнувшего» сегодня, «ополоумевший мир», не способный хранить даже собственного Бога.

На что опереться в этом врачевании? На свободу? На надежду?

На перекрёстке языков-веков
читает (слёз умелые запинки)
восьмидесятилетняя Денёв
«Надію» юной Леси Украинки.
О ты, планирующий на кресте
под куполом, землёй и небом между,
возьми свободу-волю-liberté,
верни надію-espoir-надежду.

(Вера Павлова).

Надежда, которая ещё жива «осколками забытого тепла».

Надежда, ты пока ещё жива.
Проснувшись под простреленным забором,
Ты мчишь по тёмным узким коридорам,
Расплёскивая стёртые слова.

<...>

И не могу повесить зеркала
Пока в них отражение печали.
Пока твои виски не отстучали
Осколками забытого тепла.

(Влад Толмачёв).

Опереться на любимых, живущих в душе — и дающих надежду сквозь густой «дым» безверия, застилающий глаза.

А всё Путём: и Третий Рим и Крым,
И урожаяи корнеплодов.
Одна беда: всё гуще дым
От философских пароходов.

(Илья Липес).

Философский пароход вековой давности кажется нынче проявлением гуманизма: советские дикари оставляли жизни своим врагам. Нынешние варвары последовательнее: будь то Мариуполь или кибуц Безри, остаются лишь изуродованные трупы и развалины.

...и тебя осадила досада
Безупречна сердечная роль
Ночь обстрела
Пора «звздопада»
С неба словно рассыпали соль
И от сада до страшного ада
только боль

(Георгий Садхин).

А «надія-espoir-надежда», не успев спастись, гибнет от рук хмельного «упыря»:

затвора мечется уток война брудаста
аптека ночь и шепоток экклезиаста
<...>
на чёрном небе декабря чернеет лебедь
и нежит душу упыря хмельная нежить

а там где радуги надежд в жизнь умирают
обрывки ангельских одежд волхвы стирают
(Виктор Каган).

Можно ли отстирать «обрывки ангельских одежд», если чёрный февраль двадцать второго года, слившись с чёрным октябрём года двадцать третьего, длится без конца?

Двадцать четвёртого лютого, чёрного,
в снежном больном феврале
года несчастного, года позорного,
в сполохах, взрывах, золе...

Двадцать четвёртого лютого, страшного:
снова — прилёт-недолёт.
Двадцать четвёртого года вчерашнего,
что никогда не пройдёт.

(Римма Маркова).

Чем страшнее обступающая жуть, тем сильнее желание защититься словом — то ли своим, то ли словом тех, кто стал символом «любви и правды».

шум ночного дождя отлетая паром от губ
мгновенно слабеет не докричишься на эту тему
оттого и подавлен вступивший в клуб
бьющихся головой об стену

точно ребятки точно именно что горох
о ту самую стенку возле которой щёки белее мела
где типа любви и правды лермонтовский пророк
провозглашал а публика не жалела

и не желала кидалась булыжниками смеясь
у неё свой интерес свои заморочки
дорожающие окорочка СВО на улицах грязь
стильное платье на выпускной для дочки
(Бахыт Кенжеев).

Желание защититься словом лермонтовского пророка. Словом Давида Самойлова — «потомка пушкинской плеяды», выводящей «мир к свету».

<...>

я книгу светлую читал
о жизни светлого поэта
его поверия сквозь лета
своим поверьем почитал

и мнил надеждою
что мы
через ограды и надсады —
потомки пушкинской плеяды —
мир к свету выведем из тьмы
(Марина Тюриня Оберландер).

Словом Александра Блока, которому бывшие соотечественники стреляют «в спину». И «который, падая, захлопывает эпоху».

Вот город, который придумал Бог.
А это Блок,
покидающий город,
который придумал Бог.
А вот петля и верёвка, перекинутая неловко
через невидимый крюк
В доме, который покинул Блок.
А это другие поэты, которым плохо
В городе, в доме без Блока и Бога.
А вот пуля в спину бегущему Блоку,
Который, падая, захлопывает эпоху.
(Галина Ицкович).

Защититься памятью о «той сладкой жизни», где «ложка... сделана из серебра» и даже «на чужом перроне» можно встретить «любовь».

Ложка в моём стакане уходит на глубину,
Пробуя перемешать остатки той сладкой жизни,
Где никаких намёков не было на войну,
Где найти своё место мог ты в любой отчизне.

Ложка в моём стакане сделана из серебра,
Из серебра подстаканник в старом, как мир, вагоне.
Тихо стучат колёса, слабо мерцает бра,
И чужая любовь ждёт тебя на чужом перроне.
(Андрей Костюченко).

Сегодняшние войны будто вываливаются из времени, пространства, даже языка. Убитый одесский рояль, на котором мог играть ещё Франц Лист, «издал страшный предсмертный аккорд», проклиная своих убийц.

<...>

Рояль, в который попала ракета в Одессе
на нём Франц Лист
там играл концерты
наверное, тоже издал страшный
предсмертный аккорд
перед тем, как совсем замолк.

(Анна Гальберштадт).

И молчащие далёкие звёзды, и молчащая трава под ногами
учат терпению, разуму, «мерцанию реки и листопада».

Что песни, что стихи мои, увы!
Слова уходят — голос остаётся.

И я учусь молчанью у травы,
И взгляду — у воды на дне колодца.

Живу я в окруженье двойников,
Теней моих, что были мной когда-то,
Я словно вылеплен из облаков,
Мерцания реки и листопада.

<...>

Я словно дым от тающей свечи,
Мой разум растворяется в пространстве,
Не трать слова, помедли, помолчи,
Отдайся миру бестелесных странствий.

(Анатолий Лемьш).

А если после взгляда ввысь, на облака и звёзды, понадобится вступить в диалог с обитателем далёкой звезды? С Маленьким принцем? Нет. С Пушкиным.

Послушай, Пушкин, ты не виноват
в том, что затеял кто-то этот ад,
в том, что твои безмозглые потомки
всё предали и мечутся в потёмках...

<...>

и наступил безвременный багрец...
Чем кончился разнузданный фильмец,
не ведает никто на белом свете,
и мы за всё, последние, в ответе.

(Ирина Карпинос).

Николай Лобанов, Анатолий Лемьш, Ирина Карпинос — киевляне, высоко несущие звание киевского поэта. Ещё одна прекрасная киевлянка — Марина Генчикмахер — прислушивается к «тихому шелесту приднепровских каштанов» из Америки, через «громадные пространства бурлящей океанской воды».

Что мне до тихого шелеста
Приднепровских каштанов?
Между мною и ими
Города и горы.
Между мною и ими —
Громадные пространства
Бурлящей океанской воды.

<...>

Эти сирены воют
Над моей улицей;
Эти ракеты
Летят над моим домом.
Они убивают
Моих друзей,
Они убивают моё детство.

Странная штука, однако —
Любовь к отеческим гробам...
(Марина Генчикмахер).

Стихотворения ежегодника написаны до 7 октября 2023 года. Но, читая книгу, чувствуешь: трагедия еврейского народа живёт на её страницах. И пока мы не стали «никем», эсэсовцев из ХАМАСа и тех, кто их поддерживает, нужно остановить. Огнём.

я — никто,
я — щепка, отлетевшая от разбитой
оконной рамы,
нас много, щепок;
дом стоит, как экстибиционист,
демонстрируя свои интимные части
всему миру —
кухонные шкафчики,
невымытую посуду в раковине;

нет, это поруганная еврейка,
в разодранной одежде,
бегущая, спотыкаясь, по улице,
подгоняемая улюлюканьем, взрывами
хохота / снарядов,
им обоим нечем прикрыть наготу;
сознание / память воспроизводит изображения
снова и снова
и деревенеет,
я щепка,
я никто.

(Марина Эскина).

Другая сторона еврейского взгляда на мир: во тьме углядеть
зародыш света. Растущий, сильный, побеждающий.

Падает зёрнышко в тёплую пашню,
звук разрывает мёрзлую тьму...
Lux in tenebris* — и больше не страшно,
lux in tenebris — и быть по сему!
<...>
ветер колышет беззвёздное знамя,
тени плывут по высокой воде —
там, где вот-вот затрепещет над нами
lux in tenebris.
А дальше — везде!

(Евгения Босина).

Мы, посетившие «сей мир в его минуты роковые», принима-
ем его, как должное, будь он «адам», «раем», «просто пустотой».
Нечего «рвать себя на части». Бесполезно...

* Lux in tenebris (лат.) — свет во тьме.

Под чугунные лафеты
Подстели соломку быта.
То ли песня недопета,
То ль уже полузабыта.
<...>

Окунуться в сон как в счастье
Под сухую трель цикады,
И не рвать себя на части
Не терзать в преддверьи ада
Или рая, или просто
Пустоты, нирваны, бездны.

То ли пенье не по росту,
То ли песни бесполезны.
(Ольга Шенфельд).

Ощувив, что «нет "смысла жизни" — лишь её значение», захочешь «ясности».

Разменянная мною на слова
В служении прорывам и застоям,
Реальность предсказуемо нова,
В которой событийная канва
Подобна примелькавшимся обоям.

И есть второй, творимый ею пласт,
Под зыблющейся ровностью течение,
Влекущее туда, где жизнь воздаст
Усилю пониманья: цель — балласт.
Нет «смысла жизни» — лишь её значение,

В каком добро и зло, как мир теней.
Лишь — ясность, восполняющая цель нам.

Любовью и равно стремленьем к ней
В единстве неслиянно-нераздельном.
(Валерий Случкий).

Название нашей книги «Год поэзии 2023». В нынешнем мире «зло и добро» диалектически «сопрягаются», как бы «истово» мы не чтили «всякий божий завет».

В незапамятный день приключилась беда —
У Адама изъяли ребро.
Так, по прихоти божьей, с тех пор и всегда
Сопрягаются зло и добро.
<...>
Пусть ты истово чтил всякий божий завет,
Как бы дьявол тебя не дразнил,
Оглянись и запомни, что солнечный свет
Ты кому-то уже заслонил...
(Давид Поташников).

Ежегодник вышел в Киеве. Евгения Босина, Ольга Шенфельд, Давид Поташников — киевляне, давно живущие в дальнем зарубежье.

Завершая обзор, вспомним поэта и философа Сергея Курбатова, в прошлом году ушедшего из жизни: «Спутанность дорог и троп, вавилонское смешение путей к слову — в этом трагедия современной цивилизации. Трагедия гибели, чающей воскресения. Слишком уж молчат слова крика и кричат слова молчания...». Сказано в 2001-м.

Р. S. Когда писались эти строки, узнал о смерти Бахыта Кенжеева. Горе для всех нас. Для каждого, кому важно поэтическое слово. Прощайте, Бахыт! Светлая память...

июнь 2024

Ксения КИРИЛЛОВА

Февраль

Высыхает кровь и ржавеет сталь,
Лишь родных могил всё длиннее ряд.
Третий год за окнами лишь февраль,
И никак, никак не наступит март.

И метель кружит, и белым-бело,
Даже если снега в помине нет.
Третий год кругом торжествует зло
Под бессильным лозунгом: «Нет войне!»

Не бывает здесь до конца «своих» —
Каждый врос, как в клетку, в свою беду.
Третий год сменяются февраль —
Их всего двенадцать в любом году.

Мы живем в бреду, мы бредём впотьмах,
На своей беде, на своей войне.
Третий год в душе ежедневный страх
Помогает сделаться чуть сильнее.

Охматдет

Жизнь втекает в тебя по трубке —
По белёсой, почти прозрачной.
Вновь сирены завывли звуки —
Ты привыкла — уже не плачешь.

Небо рвётся, огни взлетают:
Так красиво, почти жар-птицы.
Эта трубочка непростая —
В ней живая вода струится.

Это гром, это просто грозы,
Что порою терзают небо.
Помни: в трубке твоей белёсой
Эликсир затаён волшебный.

Он втекает в тебя по венам,
Незаметен и бестелесен,
Даже если, ломаясь, стены
Утопают в цементной взвеси;

Даже если взлетают стекла,
Осыпается штукатурка —
Жизнь по венам струится током
По волшебной белёсой трубке.

Если ад проступил наружу,
Если надвое мир распорот,
Нам немного для чуда нужно:
Лишь бы выдержал тонкий провод.

Не получится ниже

Но, как ни крути, не получится ниже
Ни жить, ни летать, ни творить,
Боясь напороться на каждый булыжник,
Как будто корабль на риф;

Склониться, прибиться, почти раствориться,
Впитаться в густой чернозём,
И только бояться, и только молиться,
Что, может, ещё повезёт;

Почти что ползком, боязливо пригнувшись,
И всё же — лететь, не ползти,
И видеть, как жалом врезается в душу
Привычный соблазн высоты.

И всё-таки, всё-таки хочется выжить
И землю притом не задеть.
Но, как ни крути, не получится ниже
Ни жить, ни дышать, ни лететь.

Павлу Кушнiru

И всё же пойми, что нельзя вот так умирать,
Хоть истина, как и водится, где-то рядом.
Ведь жизнь — не кино, а смерть — совсем не игра,
И пусть ты был прав — они победили, Малдер.

Светящийся шар, ослепляющий сквозь туман,
Уже не секрет — он сияет на небосклоне.
Он — ответ ракет, что разносят в куски дома,
Прожектора луч, что скользит по дворам колоний.

Он слишком земной, хоть звездой и горит в ночи,
Он — отблеск людей, отражение их коварства.
Но если смотреть в неподвижные их зрачки —
Возможно, ты прав, и они прилетели с Марса.

Нестройный их хор повторяет тебе: «Смирись,
Кивни, промолчи и поверь — это очень просто»...
Светящийся шар разрезает лучами высь
И душу твою он уносит в далёкий космос.

И всё же пойми, что нельзя умирать вот так,
Но даже не так — ведь не факт, что бывает лучше...
Светящийся шар, словно посланный свыше знак,
Во тьме, как маяк, освещает пути идущим.

Исповедь Кая

Может, ты меня, Герда, однажды поймёшь —
Нет границ у твоей доброты,
Но я всё же скажу: дело было не в нём,
Не в кусочке замёрзшей воды.

Да, я знаю, ты шла по снегам и грязи,
Так восторженно веря в любовь.
Но сильнее, чем лёд, моё сердце пронзил
Гордый взгляд Королевы снегов.

Я не знаю, прости, как тебе объяснить
Совершенство бескрайнего льда.
Я люблю этот край, где тепла и весны
Не наступит уже никогда;

Где, застывшие в толще нездешних твердынь,
Оседают осколки времён;
Где бескрайний покой, неизменный, как льды,
От любой суеты заслонён.

Ты пойми, что приманка не в паре коньков,
Не в игрушках резных ледяных.
Там и боль, и любовь забывают легко,
Там уже не бывает войны;

Там алмазные россыпи вечных богатств
Исчезают в седой пустоте;
Там тебя сохранят под покровом снега
От бессмысленной бури страстей;

И она, что сильнее и свободнее всех,
Создающая вечность из льдин...
Да, я знаю, что мы часто любим не тех,
Но хотя бы, прошу, не суди.

Ты не сможешь понять, как влечёт глубина,
Первозданным сияньем маня...
Лишь одно не пойму: что искала она,
Над землёй пролетая в санях?

Что её привело в полунищий наш край,
Где не вечны снега и слова,
Где живое, родившись, спешит умирать,
Воздух жизни вдохнувши едва?

Из дворцов ледяных как её занесло
В наш сиротский подтаявший быт?
Почему даже ей человечье тепло
Стало ближе сокровищ любых?

Дмитрий ГАРАНИН

* * *

Вышколенный, в серо-мышинном,
с ухом, настроенным на звонок,
у глобуса ли, у карты аршинной
одной шестой, производитель строк
корявых по прописям (не в коня корм)
засохшее в непроливайку перо
макал, шкафов с тетрадками лаком
дыша, но бумагу рвало, остро,
то тут, то там оставляя кляксы
чернил фиолетовых, закорюк
в начале, зрения параллаксом
в зависимости, откуда смотрю.
Потом уроки труда с зубилом —
удар кистевой, локтевой, плечевой...
Для будущей жизни полезно было
держат в ряду физкультурников строй.
На лыжах одновременный двухшажный
иль переменный, раз хуже скользит
по талому снегу и мазать важно
их насухо, а после забега полит-
информация по передовице «Известий»,
чтобы инфантильными в жизни не быть
и, покидая пенаты, всем вместе,
ответы иметь на «Куда ж нам плыть?»

Расчёт из 70-го года

Укрепившись в войне, империя
свою тень отбросила в вечность.
Недобитый народ потери
зализал и молился на личность.

И хотя с каждой сменой власти
легендарная личность мельчала,
оставалась, назло катавасиям,
сверх-страна под идейным началом.

Были твёрдой её опорой
те в войне закалённые люди,
кто не дрогнет с противником в споре,
убеждений менять не будет.

Если так, то зачем бороться
диссидентам с этой системой
пусть позорного рабства и скотства,
но самой по себе угасимой?

Добавляя сорок лет жизни
ветеранов к войны окончанию
в 45-м, увидишь, как в призме,
преломленье эпохи печальной

в середине 80-х
на геронтологической дате
избавления от супостатов,
что засели в больничной палате.

Расслабляйся, свободолюбивый!
Береги золотое здоровье!
Впереди новой жизни разливы!
Не сгори на каком-нибудь слове!

80-е годы

Сексуально озабоченный
Социально угнетённый
Политически надроченный
От рожденья незаконный

Пребывал я в ожидании
Атомарного удара
И развала мироздания
Прогнивающего с жаром

В возбуждённом предвкушении
Возгоранья лукоморий
Вопреки велеречениям
Безошибочных теорий

* * *

Причешись, причешись! Закрой форточку!
Открой форточку! Причешись!
Обрезай всё, что испорчено!
Платок носовой чист?

Ранне-застойный быт давил серостью.
Оттепель в историю отошла.
По радио трубили о верности
делу партии. О коммунизме мечта

вitala в воздухе с опасениями
что кто-то придёт и сажать начнёт.
На этот случай невысоким растением
лучше быть, заглядывая вперёд.

Каждый должен учиться понизу плавать,
дрейфовать, если надо, крутиться, потоком влеком.
Нежность на ключ запереть, как отраву,
чтоб не стал ребёнок маменькиным сынком.

Не такая эпоха, чтоб размягчаться —
плохую службу детям сослужит любовь!
На этой земле ужасы происходили часто
и в любой момент по команде наступят вновь.

* * *

Идеализм в обличьи материальной силы
позорно выцвел и утратил блеск,
и слова, когда-то сердцу милы,
в раскрытый рот не падали с небес.

И постепенно лучше видно стало
по сторонам сквозь пропаганды кисею —
товарищ-пароход рулил на скалы,
поймав распада хлесткую струю.

Капитализм показывал народу
свои клешни, и кончилось вчера.
То поколение бросали в жизнь, как в воду,
и песни глупые затихли у костра.

Тогда лошадкой тёмной встал на мостик
под гул толпы стабилизатор-капитан
и, уважение нефтяною костью
купив, талантам заказал дурман.

Политтехнологи к заданию готовы,
и воссияла новым светом ложь.
Вокруг враги, и гражданам по зову
к дедам сакральню в землю невтерпёж.

* * *

Я Царь-колокол, при отливке разбитый.
Я Царь-пушка, не знавшая в жерле ядра.
Медный звон лишь внутри, в утешение антисемита.
Мне стрелять по дворцам до скончания не пора.

Подо мной затонул бы и крейсер «Аврора»,
как с японцами в схватке наш гордый «Варяг».
У меня не звучит, из избы мне не вынести сора.
Из-за дальних бугров мне не заплодирует враг.

Хорошо, пусть дорогу мне скатертью стелют.
Я оставшийся порох приберегаю сухим.
Никому я не должен — ни знамени и ни вере.
На трёх струнах бренчу Космополитан-гимн.

Ирина КАРПИНОС

* * *

Мы брели навстречу друг другу сквозь все пустыни,
вспоминали, что было с нами и чего не было,
думали, громокипящий кубок никогда не остынет,
и дарили легко разгадки миров и ребусов...

Эта война ободрала с нас грубую кожу
и научила пить горький воздух горстями,
а вокруг всё громче орали жуткие рожи
и мертвецов рыбаки ловили большими сетями.

Мы хватались за суку-жизнь всем, что ещё осталось,
мы спасали опять друг друга такими словами,
что рождаются редко, о которых и не мечталось,
и о них никогда мы раньше не знали сами...

Но к войне, и той привыкают, тем паче — к людям,
и любовь притупляется, и острая ярость, жалость...
Мы с тобою были когда-то и больше уже не будем,
что-то звучало, пело, а может быть, показалось.

Стоит ли этот фильм досматривать до финала?
В нём хороши пейзажи и две главные роли,
вон вдали эта женщина (с кем она воевала?),
рядом с нею мужчина среди каштанов (или магнолий?)...

И сойдутся ли они снова в том странном фильме,
что с ними дальше будет, сны какие им снятся?
Вокруг убивают друг друга такие добрые люди,
похожие, как индейцы или как два китайца.

Это они, нет, мы идём по пескам пустыни,
уже не видя ни зги, идём всё дальше и дальше...
Кто мы такие, где мы, кто наш ангел отныне?
Не прозвучит ли завтра звонкий колокол фальши?

Всё чаще не те слова, всё тише чистые звуки,
держаться на высоте стало ещё труднее.
Мы живы и улыбаемся, и гибнем не от разлуки —
оттого что нет выхода
в этих тёмных аллеях.

26 января 2024

Невеста

Ряженный мой, суженый,
из Херсона, Суджи ты?
Из Одессы, Брянска ли,
сирота казанская?

Маятник качается...
Что же получается?
Из какого времени
ты, без роду-племени?

Я была невестою,
верною и честною,
но война всё спутала,
сделала распутною...

Вот хожу по Судже я
без тебя, мой суженый,
отдаюсь солдатикам,
и врагам, и братикам...

Дело это правое,
и уже по нраву мне,
нарожаю деточек,
Дмитриков и Светочек,

будут все счастливыми,
с вишнями и сливами,
с песнями и плясками,
с мамкиными ласками...

За тебя, мой суженый,
раненый, контуженный,
выпью поминальную
стопочку венчальную...

Говорят, я спятила,
но с тобой накатим мы,
там, в раю нехоженом,
за любовь, хороший мой!
август 2024

* * *

— Скажи мне, ты долго живёшь на земле...
Зачем эти ночи, зачем эти луны?
Зачем этот август и снег на скале
и звуки гитары тринадцатиструнной?

И он отвечал ей:

— Чтоб песне звучать,
чтоб каждое слово звенело до боли...
Я знаю, как тяжело, преступно молчать,
как пресна вода океана без соли.

Она продолжала:

— Чего же ты ждёшь?

Кончается жизнь, для чего она, если
любимых, единственных в ней не вернёшь,
живых или мёртвых, но чтобы воскресли!

А он лишь смеялся, невесел был смех:

— Я стар, словно многие тысячи старцев...

Каких мне ещё не хватает утех?

Я в музыке, в ней лишь надеюсь остаться...

Она продолжала:

— Вся женская суть

моя возражает, мириться не хочет,
и быстрая кровь закипает, как ртуть,
луна облучает и демон хохочет,

и так разрывающе хочется жить,
что сердцу так больно, как не было раньше!
Ну, дай мне воды родниковой испить,
без грязи, без гнили, без жёлчи, без фальши!

Он слушал и слушал, не в силах помочь,

и не отвечал, лишь гитара звучала...

Луна уходила, а с нею и ночь,

и жизнь напоследок рассвет предвещала...

23 августа 2024

* * *

Я не знаю, как быть с любовью, что делать с ней,
если каждый небожий день приносит:
мы все убиты...

Я не знаю, всплывёт откуда мутная пена дней,
я не знаю, что значит квиты, все в мире квиты...

Говорят, никто никому не желает зла,
говорят: война... Но кто за неё в ответе?
Говорят: надо жить, как можешь, и все дела,
разберутся потом потомки во всём на свете.

Я сижу посреди Парижа: я где, я кто?
Я сижу и веду беседу, и пью свой кофе.
Что-то было когда-то с нами в том шапито...
Нереально всё, словно в жилах гуляет морфий.

Нереальны эти известия, этот сюр,
и сегодня в пушкинской той Полтаве огонь и трупы...
Боже, ты не имеешь права на перекур!
Или все мы тебе противны, как вошь под лупой?

Как же хочется только лирики и тепла,
как же хочется лишь объятий, а не проклятий!
В наших душах всё выжег мёртвый огонь дотла...
Для чего, скажи, родила
сына ты, богоматерь?

Я вопрос обращаю к небу который год
и ещё так хочу любить вопреки, во имя...
Но любовь моя — не игрок, и она не в счёт.
Устаревшее «не убий»
больше мир не примет...

3 сентября 2024

Анатолий ЛЕМЫШ

Тени в раю

Я «бонжур» говорю, «мусью».
Вроде жаловаться негоже.
Мы с тобою — тени в раю.
Ну, не очень в раю, но всё же.

Тут в кофейнях гудит народ,
И платаны в листву одеты.
А на Родине снег метёт,
И дома без тепла и света.

А на Родине — смертный бой,
Новостями дисплей расколот.
А на сердце у нас с тобой
Немоты неизбывный холод.

Дни и ночи сквозь нас текут,
Хронос мается, невменяем.
Мы почти бестелесны тут,
Даже следа не оставляем.

Протяни мне ладонь свою,
Поддержи мимолётным взглядом.
Мы с тобою — тени в раю,
Чудом вырванные из ада.

А на Родине — смертный бой,
Новостями дисплей расколот.
А на сердце у нас с тобой
Немоты неизбывный холод.

Паньковская

На Паньковской гуляла гопота.
Гоняла мяч, курила и галдела.
Дворы кипели от сирени белой,
И синевой пылала высота.

Шпана кружила стайей воронья,
Сплетая междометья и глаголы,
И семенила мимо них из школы
Учительница древняя моя.

Неслись авто, моторами урча,
Девчонки обживали балюстраду,
И улица в каштановых свечах
Взлетала к Ботаническому саду.

Здесь был когда-то чопорный район
Интеллигентов, местная Сорбонна,
И таял над землей медовый звон
Колоколов далёкого собора.

Тогда ещё мы верили словам,
И жизнь была проста и очевидна,
И детство проносилось по губам
И таяло, как пирожок с повидлом.

Был теплотою полон каждый дом,
И все мы были юны и красивы.
И мы ещё не знали, что потом...
Нам в страшных снах не снилось, что потом
Наш мир погибнет на войне с Россией.
март 2024

Памяти Валерия Винарского

Ну что мне сказать об ушедшем?
Чем дух проводить до небес?
Он был городским сумасшедшим
С гитарой наперевес.

Он верил в величье искусства,
В свой фатум, и дни напролёт
Сидел у подножия Спуска
И песнями тешил народ.

Он пел — так восходят на плаху,
От дел отрешаясь земных.
Он был экзотической птахой
На серых ветвях городских.

Он был только с небом в союзе,
Не верил, не ждал, не просил.
И всяких «собратьев по музе»
Он на дух не переносил.

Ведом беспощадным талантом,
Он пел в непогоду и зной.
Незримые тени гигантов —
Боянов, труверов, вагантов —
Стояли за щуплой спиной.

Теперь с облаками он вровень,
И я говорю ему вслед:
Непризнан, колюч, неустроен, —
Он был настоящий поэт.

29 февраля 2024

Крылья

Обрести бы крылья змиевы,
И однажды наяву
Вознестись бы мне над Киевом,
Рассекая синеву.

Чтоб увидеть всё по-новому,
Да сознание заострить,
Над Почтовой, Контрактовою,
Над Андреевским парить.

Чтобы видами неброскими
Проникаться на лету,
Чтобы впитывать подольскую
Колдовскую красоту.

Не спеша скользить над кручами,
Видеть город на просвет,
Чтобы крыльями могучими
Укрывать его от бед.

Чтоб угадывать за стенами
Свет знакомого окна,
Как в былые, довоенные,
Золотые времена.

26 октября 2023

Ольга АГУР

Август 2024

я говорю с тобой мне хочется кричать
послушай может быть мы все сейчас исчезнем
сторим не закричав и превратимся в чад
мир ахнет и вздохнёт и скажет жаль и честно
оплачет отряхнёт всю пыль и всех богов
и выползет из нор клубящаяся лава
и воцарится зверь и каждый кто готов
сожрёт своих детей по нынешнему праву
нам будет всё равно мы пепел и зола
мы бога не спасли и не спасли младенцев
у каждого из нас в груди торчит игла
мы с нею родились и никуда не деться
об этом говорим нет ни за что смотри
на небе нет луны наверно съели мыши
на трассе в пустоте танцуют фонари
уже соседи спят давай немного тише
читаешь сериал и гречку пьёшь до дна
и перед тем как лечь кроссовки вновь шнуруешь
такая нынче жизнь и так она нужна
так хочется её что у себя воруешь
сжимаются поля для говоренья вслух
нейтральность умерла меж базелем и берном
лет семьдесят назад и свет её потух
он только для слепых он для святых наверно

о чём же говорить с тобой не говорить
мы научились быть внутри огня с водою
и кровь с водою пить и слёз не торопить
и отпускать солдат за новою бедою
нет севера у нас и юг почти угас
и муравьи ползут с пожара по октябрь
послушай не сейчас остановись сейчас
невинных и убийц останови хотя бы
какое там давай о детях о дожде
о жажде тишины о том что сил на убыль
что не прочтём всего не разглядим нигде
как в юности не вспомним про глаза и губы
мы здесь на волоске на тонком острие
торчащем из груди впивающемся в воздух
о чём мы говорим покуда бытие
не погасило звёзды.

* * *

можно мечтать: пройдёт сколько-то лет
тысяч десятков сотен
если будет кому измерять
и как говорим сегодня
прекрасный город берлин
с возникающими картинками
музеев парков кафе
приветливых бережных милых людей
а вовсе не колонн идущих на убой
не бункеров с трупами убийц
не рейхстага даже не кирпичей мостовой
с именами

вот так мы будем говорить —
съездить ли в бейрут там чудесно зимой
пригласили читать стихи в тегеран
друг из сирии ищет саблет на двадцать дней
дочка поехала на практику в хан-юнис
конференция в йемене буду читать доклад
и прочее может сто лет может пятьсот
точно не пять и не пятьдесят
а пока что давай собирай рюкзак
отсылай посылки третьи сутки не спи
жди неизвестно чего неизвестно как
закупайся консервами и водой
слушай сводки
если надо стреляй
защищая детей.

Монологи

...и она говорит:
я всё чаще в зеркале вижу мать,
но это перестало меня донимать,
просто есть во мне её глубина,
внутри вплетена.

... и она говорит:
из чего моя жизнь состоит?
будто юность
снова вернулась —
правда, сил не хватает на...
зато времени до хрена,
никому ничего не должна,
день построен подсказками сна,
так какого рожна?

... и она говорит:
вакуум
проживается неодинаково —
это зависит оттого,
кто подарил мне его,
насколько из живота,
насколько я занята,
насколько холод, хамсин, война,
насколько одна.

... и она говорит:
я этим полна,
чужим, услышанным, пережитым.
тщательно позабытым,
подросточьим, старческим, вне демографии
истертым, истрёпанным, как фотографии,
совсем недавним, продрогшим,
влажным и пересохшим,
и нет ему конца,
и нет чужого лица,
и ничего чужого,
снова и снова.

... и она говорит:
вот приходит о себе доложить,
на лопатки судьбу положить
солдат восьмого десятка лет,
старый дед,
полжизни по госпиталям,
пробежки делает по утрам,
на всякий такой «Аз воздам».
иду по его следам.

... и она говорит:
ничего,
живу среди своего.
и она говорит: мне много всего.
и мне — мало всего.

27.01 — международный день памяти жертв Холокоста

мир отмечает
такое славное слово
медитативное
отметить
не давать никакой оценки
это есть
это так
глагол в настоящем времени
вместо прошедшего
потому что сегодня и сейчас
убивают только за то что
как это было
в середине прошлого века в его начале
в начале середине и конце
любого века
и даже до рождения
столь почитаемого всем миром
пророка
рождённого этой землей

и Божьей видимо
другая здесь не работает
волей
как это происходит
можем отметить
сегодня сегодня сегодня

дорогой мир вне нашей страны
что именно вы
сегодня
отмечаете
замечаете
на что обращаете внимание
на чём сосредоточены
к чему устремлены?

мы никогда не узнаем
вы никогда не поймёте

ничто не изменилось
и не собирается

Марина ОХРИМОВСКАЯ

Wolken

Белеет парус. Как нарочно,
Два паруса. Второй синеет,
Если точно. Над ними ветер
Свысока гоняет в небе облака.
Под ними вольных волн волнение.
Круговорот воды в природе
Воздействует на настроение.
Что гонит облака? Известно,
Не ветреной судьбы решения,
Не злость, не зависть,
Не любовь, не ненависть,
Не преступления главы УК РФ
Двадцать девять, если
Точно, то получается
«Против основ конституционного
Строя и безопасности государства».
Так повелось среди людей,
Когда есть зло, но нет имён,
В столпотворении идей
Чем дальше, тем верней известно
Кровавое, больное место на
Карте проклятых времён.

Ночное кафе

В кафе не так, чтоб многолюдно,
Но шарм определенно есть.
Тот год, таинственный и трудный,
Мы часто проводили здесь.

Был в чёрном темнокожий
Кельнер. И белое вино. В ночи
Шёл снег. Усталый город
Вставлял в замки ключи.

И покорялись знакам разным
Прохожие и поезда,
И загоралась ярко-красным
Ярко-зелёная звезда.

Пирожные несли на блюде.
И плыли, тая вдалеке,
Перроны, эшелоны, люди.
И мальчик с ангелом в руке.

Кроме мёда

Какой бы ни была погода,
Ничто не вечно, кроме мёда,
И будет день, и будет гром,
И жёлтое на голубом,
И радуга взмахнет крылами
Над всколосившимся жнивьем,

Когда в военном страшном
Аде пойдёт на хули-ё-моё
За русским кораблём
И форма, и содержание её.

Час кота

Ночь. Двадцать пятый
День угас.
Разбойник чёрный кот
В глухонемой полночный час
У марта час крадёт.

Часов не ведая, летит
Прелестная пора.
За белой кошкой
Чёрный кот
Гоняется с утра.

Не зря по осени котят
Считает зоркий глаз.
Двадцать восьмого
Октября
Родится новый час.

Корабли

Встань пораньше, только
Утро замаячит на районе,
Там по крышам, там по крышам
Золотые скажут кони.

А над ними, а над ними
От земли и до земли
Бело-синим-сине-белым
Проплывают корабли.

Трюмы их полны сокровищ,
Драгоценностей не счесть.
Эй, на палубе! Швартовка!
На земле причалы есть.

Вольным — воля! Майна! Вира!
За надежду! За мечту!
И корабль причалил ливнем
В богом избранном порту.

На Берлин

В непогоду, тем паче в погоду,
По просторам небесных глубин
Постоянно летят самолеты
На Берлин, на Берлин, на Берлин.

Идеальны круги окоёма,
Полумесяцем иней — не сметь
Закрываться ресницами шторок —
И смотреть, и смотреть, и смотреть.

Перелёты, прорывы, платформы,
Горизонты. За далями — даль.
Улетай. Возвращайся. Запомни
И декабрь, и январь, и февраль.

Эфемерная мира размерность
Несмотря ни на что, вопреки
Запускает над сонным Берлином
Мотыльки, мотыльки, мотыльки.

Мой парус

Былое, спору нет, нетленно.
Мы шли под парусом, смеясь,
По Клязьме, где-то в Долгопрудном,
Студенты, по колено грязь
В любую пору, шаурма
Сводили умников с ума.
Затем в другом арондисма
Подняли парус, где вода
Желтеет в синеве пруда.
В Атлантику через порог
Гаронна жёлтая неслась
Не яйцами, а половодьем
В тот год, который был угодным
Для перемен. И снова парус
По ветру синевы, в поля,
Где своевольные французы
Австрийцам дали по мозгам,
Устроив поле брани там,
Где я гуляю с рыжим псом,
Невольно уверяясь в том, что
Осень бегаёт по кругу за
Рыжим парусом-хвостом.

Слова из Брюсселя

Крышу в мире берите вдумчиво — подальше от окон НАТО.
И будет вам преимущество — крови солёный вкус.
Между болотами пятиугольником город с шестого века.
Волнения девятым валом прибили
 к окаменелостям берег слоновой кости.
Они почернели от горя: небо гложет гранит,
 оплакивая солдат-голубей.
Есть метка: тысяча девятьсот четырнадцатый.
От парламента до европарламента — тридцать лет.
Они онемели от горя: на то — две тысячи двадцать второй.
Летучие, текучие, зубы ломаешь слова язык натёрли.
Камни убиты в кровь. Защитим Украину.

Там, где солнце

Бояться, верить и просить меня учили на Руси.
Да ученье во впрок — было не было.
На востоке граница боли.
За окном идёт дождь, стоит куст розмарина.
Там, где солнце встаёт, там лежит Украина.
На востоке небо беременно смертью.
Каркают вороны. Шакалы скалят пасти. Овцы блеют.
У мужчин окаменели сердца. Очугунели лица.
Завтра женщины выйдут на улицы,
Коляски перед собой толкая.
Коляски перед собой толкая
С трупами нерождённых детей.

Елена БИЛЯК

* * *

Вот такие, знать, времена.
То ли жизни, то ли лету конец.
Мы бросали в грунт семена —
Снова созревает свинец.

Множится реестр утрат.
Что ж теперь? Читай и молчи.
Брызнет сладкой кровью гранат,
Спины распрямят трубачи.

Струн коснется легкий смычок,
Стрелки задрожат на часах.
Сквозь свинец пробьётся росток,
И созреет дождь в облаках.

* * *

Дорогой Искусственный И.,
 сгенерируй-ка мне стихи.
 Я и сама хотела,
 но как дошло до дела,
 я поняла, что не хватает слов
 передать запах этих жёлтых цветов,
 что появляются к окончанию лета,
 когда с утра уже меньше света,
 и вроде бы в небе просинь,
 но что-то напомним про осень.
 А потом опиши, как тихо бывает
 в ночь, когда в первый раз выпадает
 снег. Утром проснусь, не понимая,
 что воздух другой, морозный вдыхаю,
 но прежде, чем погляжу в окно,
 напиши... Впрочем, знаешь, уже всё равно.
 Если сказать не сумела — считай, опоздала.
 Некому говорить то, что я не сказала.
 Но замолчать больней. Запах цветов, тишина ночей,
 птицы, летящие к солнцу, взгляд собаки ничьей,
 которая хочет тебя в свои человеки —
 я не сумею всё это в стихи уложить вовеки.
 Нет, не сумею. Но всё же ты не пиши.
 Пусть мне не хватит слов, но пока хватает души,
 чтобы всё это хранить, и не сегодня, пусть позже,
 собрать в полумраке вечерних комнат
 то, что, возможно, не зарифмую, но всё же
 найду, как поделиться, чтобы он вспомнил...

* * *

Время обходит мой дом
И уходит дальше.
В доме застыла память,
В нём всё, как раньше.
Там под окном не чужой гараж,
А моя черешня.
Даже крошечный мрак
Режет луч надежды.
Там голоса живых
В трубке телефонной,
Шелест листвы в саду
Под моим балконом.
В окнах погаснет свет —
В дом войдёт усталость.
Кто-то махнёт мне вслед,
Чтоб не возвращалась.

* * *

Счастье, в общем, нам отводится скупое.
Ну и ладно. Вот поверь — обойдёмся.
Только это уж совсем будет глупо,
Если мы с тобою вновь не найдёмся.

В тех мирах, где зажигают светила,
Где даётся всем по заслугам,
Очень важно, чтобы мы не забыли
То, что нас с тобой толкало друг к другу.

И среди всего, что кажется важным,
Бог, смирившись с нашим побегом,
В преломленье окон витражных
Нас лучом укроет, как оберегом.

* * *

Я скажу — ты запомни сквозь многие множества лет.
Всё случится когда-то, когда — нам узнать не дано.
В тихом зале приглушат холодный искусственный свет
И шагнут на экраны герои чужого кино.

Их истории сотканы будут из слёз и надежд,
Из объятий и смеха, из клятв и признаний вины.
Будет всё, как у нас. Но невидимый ляжет рубеж
Между нами и теми, кто не застанет войны.

* * *

Скажи мне что-то на довоенном,
На том, понятном без уточнений,
Где ритм и рифмы бегут по венам,
Где не боялись мы откровений.
Где было, что говорить друг другу
Без осторожных намёков дальних,
Где не случалось ходить по кругу,
Чтоб избегать новостей печальных,
Где не молчали в ответ на просьбы
«Вернись живым» или «напиши мне».
Где так легки были стих и проза.
На том, которого нет в помине...

Дмитрий БОБЫШЕВ

ГРАЖДАНСКАЯ ИСПОВЕДЬ (из «Русских терцин»)

«Почему нас не любят?» — вопрос, который не даёт покоя любому русскому человеку, и каков будет ответ, он не догадывается. А надо бы спросить: «Почему мы не любим даже самих себя?», «Что с нами не так?», «Почему нам всегда и всюду так плохо?», и задать себе тысячу подобных вопросов. Перед тем, как покинуть свою страну, тогда ещё советскую Россию, я стал анализировать моё русское «мы» и нашёл в себе и в других множество болевых точек — в нашей истории, практике, менталитете... И попытался их выразить в стихах, придумав для этого особую строфу — терцинное десятистрочие. Но взгляда изнутри оказалось недостаточно. Только уехав за границу и увидев себя со стороны, я смог закончить поэму, содержащую ещё 90 таких строф. Некоторые из них мне кажутся актуальными и сегодня, уже в другом веке и тысячелетии.

1.

«Димитрий! Родину — и там любите!» —
с платформы выкрикнул один дурак.
Ответ зажало дверью при отбытии.

Какая гвоздеватая дыра
под таким понятием разумелась?
— Из коей вышел, в кую на-ура

уложат с побрякушкой за смелость?
Спасибо, нет. Клубок моих обид
снесу на незасиженное место —

распутывать, высвобождать, любить.

10.

— Мы Запад. — Нет, ещё какой Восток!
— Смотри с какого края горизонта...
Мы сами по себе — таков итог.

Меж двух сторон распаханная зона
(нет паспорта — и сразу виден след).
И эта жизнь в колхозо-гарнизоне

всех единит и делит: да и нет.
Все — против нас или за нас... Да полно!
— Хвала Колумбу, есть и Новый Свет,

где можно век прожить, «о нас» не вспомя.

14.

Ещё?! Нет, православные, не надо, —
и так уж на полсвета расползлись.
Но щит Олегов на вратах Царьграда

всё тешит неотёсанную мысль.
Культ силы есть. Но нет былой культуры —
империя при том теряет смысл.

Зато и подданные злы и хмуры:
за всё, про всё — в карманах ни шиша.
И лишь орут, поддавши политуры:

Мы всех сильнее! И — гуляй душа!

15.

Вся жизнь — противоборство с этим танком.
Он прёт, а я (казалось мне) храню
ключ — развинтить чудовище! Да так ли?

Как тянет нас на теплую броню!
Мальчишество? А что! Вскочить на панцирь,
и — дать по мировому авеню...

Приятно сознавать, как мы опасны.
И горько говорить: «Я ж говорил!..»
А если не успеешь окопаться —

«Вы — Божий бич!» — приветствовать аттил.

16.

Оставленный средь белобурых пург
гранитоносец, золотые шпигицы, —
почти не осквернённый Ленинбург

(Москва-сарай пригодней для столицы)
с тяжелою осадкою бортов
серосуровым крейсером глядится.

Подобны крабам пятна от орлов,
подъяты якоря во тьму и зиму:
«К ПОБЕДНОМУ ОТПЛЫТИЮ ГОТОВ!»

— Куда ж нам плыть? Вестимо, на Цусиму!

17.

Бесстыден, и любезен, и свиреп, —
ни дать, ни взять, как Цезарь у Катулла, —
тяжелой государственности вебрь

в гнезде орла воссел короткотуло.
Ты скажешь: — У Истории в хлеву
свинья согнала курицу со стула...

— Но я-то на земле впервой живу!
Не наблюдал я, как летели перья,
но, кажется, увижу наяву

кровавый жир последней из империй.

29.

Спасибо Геродоту — просветил,
откуда суть пошли слабинки наши.
А вышло так, что из днепровских вил

Зевес русалку взял. Ея появши,
он (в сущности — Перун и Богогром)
ДВУОСТРУЮ СЕКИРУ, ПЛУГ И ЧАШУ

трём сыновьям — дал, золотые, в дом.
И вот с тех пор — мы, их потомки, вечно
СЕЧЁМ ДРУГ ДРУГА; ВКАЛЫВАЕМ; ПЬЁМ,

надсаживаясь под эмблемой вещей.

30.

Как труд умеет очернить субботу,
так вот и мы — что толку, что сильны?
Злоравенство, небратство, лжесвободу

мы взяли сдуру лозунгом страны.
А как его сменить — не понимаем,
когда и в стаде все разобщены.

И мучится родимая, немая...
И душно, брат, — дышать и не проси,
покудова земля не принимает

Главногопокойника Всея Руси.

40.

Развёрнутая как-то ОТ ВРАГА
(с мечом Венера иль без крыльев Ника),
бетонной тучей застит облака.

Мать Родина — по замыслу. Гляди-ка,
сынов на смерть зовет кошмарный рот.
За имя, да ещё ТАКОЕ — дико!

За землю? Ни былинки ни растёт.
За — в пятнах нефтяных — реку бурлачью?
А Дон и Днепр — что, были не в расчёт?

— Отдать, и приплатить ещё в придачу.

66.

Из двери деревянного острога
главу просунул Государствозавр:
глядит, а там Европа-недотрога.

Скумекал все. И деву-Польшу взял.
Чу! Звон меча о камень на пригорке,
и глас: «Направо? А налево — лъзя?»

— Никак драконобой идёт — Георгий?
Гора времен. Пространства. Облака.
По степи — ветерок солоногорький.

И сон смежает веки. И века.

73.

Другие люди русским — не чета...
Незаурядно всё же: взять Культуру,
и — нос отбить. Три буквы начертать

и укатать её до Акатуя.
И затужить: где та, что я люблю?
Авось, уже вошла в волну крутую?

Поддать бы баргузина «кораблю» —
той самой бочке в слизи омулёвой...
И ждать... И — пить. И кланяться Нулю,

что в пиджаке повсюду намалёван.

84.

Тайга — закон, а в ней медведь — хозяин.
— Возьмут за копчик — и окоротят,
отнюдь не пустолайки, — в наказание...

— Ну, этих-то стряхнёт он, как котят.
Вот ежели дракон из бывших братьев
пойдёт на братьев-медвежат... Хотя

ещё увидим, так ли нас попрут им:
до тошноты отвратно, аж трясёт, —
под новую Орду подпасть, обратно,

среди народов слыть за третий сорт.

90.

Да не сочтётся эта речь за наглость:
— Не «Городу и Миру» — ей о ней,
стране моей, сказал я с глазу на глаз

ей-ей же правду... Издали видней.
И ежели я не увижу боле,
как говорится, до скончания дней

картофельного в мокрых комьях поля,
сарай, платформу в лужах и вокзал —
ну, что ж, пускай. Предпочитаю волю.

Умру зато — свободным. Я сказал.

1977–1981

Саша КАЗАКОВ

Весна

— Весну.
— Нарезать?
— Нет, куском.
— И сколько?
— Килограмм.

Сосед из-за спины: —
— Чего?

Давать по двести грамм!
Взгляните, очередь растёт
Голодных до весны.
На всех не хватит. Во даёт,
Ей, видите ль, должны!

— Мужчина, не волнуйтесь, всем нарежу по куску,
Сегодня завезли, свежа, медовая на вкус.
И привезли таким куском — не влезла в магазин.
Спросили грузчики: — Куда?
А я им: — В холод зим,
Валите прямо здесь — на снег, в прогалины, на лёд.
Пусть полежит на холодке, она не пропадёт.

Берите больше, мне знаком её весёлый нрав,
Попробуешь — и тут поймёшь: взял мало, был неправ!
Попробуешь и сад в цвету, был снег — теперь трава.
Берите — раз дают весну.

Сегодня раздают Весну — Весна всегда права!
23 апреля 2024

Друзей перебирая голоса

Друзей перебирая голоса,
иду по лестнице,
 наверх,
 лучу
 по
иль
к ним, в их пристанище...

Там — высоко — у солнца,
где только свет...
Где чистой красоты,
сливаются прекрасные черты
с их лёгкими и быстрыми словами,
где слово с музыкой играют в чехарду,
где, паруса тугие раскрывая, на юг летит
гомеровская стая:
летит, как облако,
в прекрасную из бурь,
в хаос любви,
в рассветную лазурь...

По ссылкам,
по друзей моих страницам —
забытых ищешь:
кто-то замолчал,
и только откликается,
как птица,
как Гамаюн, когда находит жар,
достойный отклика...
А кто-то не молчит, и изредка
нам посылает вести...

И верить хочется,
что даже если
нам здесь не встретится —
то общие друзья
нас ждут — где солнце,
мысли свет, и хаос
соединив, перемешают нас,
у времени
предел его забрав.
15 октября 2022 — 8 сентября 2024

Бездна

Я смотрю на мир глазами врача,
Художника, маленького ребёнка —
Вот, у бака с мусором, два грача
В небо клювы задрав грачат: — «Прикольно!?

Мы каждой весной оживляли мир!
Были, как воздух, нужны и полезны.
Без нас сколько было б в картине дыр
Саврасова!?»
— Мир лишился бы Бездны,

Изрытого ветра, и чёрных груш,
А мы — февральских стихов и прозы.
Без бездны внутри — лишь чёрная тушь,
И вечный холод — морозы, морозы.
13 января 2018

Диалог

Миру Бог: — Как ты убог, мал, конечен, неразумен,
То ли пьян, то ли безумен — кто создал такой чертог?

Богу Мир: — А Ты Велик, рук одних наверно с тыщу,
Тут тебя давно уж ищут, так что заходи, старик.

Миру Бог: — Да спятил ты, что у вас в клетях мне делать?
Только Дьявол, ангел смелый, к вам свои мостит мосты.

Богу Мир: — Я вежлив был, стар Ты, пусть, по слухам, вечен,
Но забывчив и беспечен, этот Ад ты сотворил.

Миру Бог: — Да на кой хрен я б ломался и крутился,
Неужели ж Я напился так, что всё забыл затем...?

Богу Мир: — И я о том — только пьяным по колено,
И мы выпьем непременно, так что заходи в свой дом.

2017

Пишите про снег

Когда Вам не о чем писать, пишите
О том, как снег в своих стихах творите,
Когда его так не хватает в Сити —
Под Новый Год.

Когда всё серо, сыро и постыло,
И холодов нет, чтобы навалило,
И забелило грязь домов по рыло —
Под самый свод.

Когда вчерашний, мокрый, придорожный,
Размыт дождём, в горячке снегом ложным,
Как будто ковид у него, температура —
Зимы халтура.

Тогда манатки побыстрее соберите,
И вспомните что есть не только Сити,
Что есть леса, поля, где на природе
Снег на свободе.

И он не тает там, лежит всю зиму,
Он бел, глубок, и веткам греет спину,
Туда спешите и дышите снегом —
Под синим небом.

29 января 2022

Григорий ЯБЛОНСКИЙ

Почему?

Пьяный бельгиец, лысый, в очках,
Он у меня не вызывает страх.
Но он запомнится навсегда,
как запоминается любая ерунда.
И вот я думаю:
Почему я так одинок?
Почему мир так поразительно жесток?
И почему судьба щадит меня?
Почему я?

1 сентября 2024

Олег МАКСИМЕНКО

Волк

Волчий тотем на сюрпризы богат.
Волк — мой двойник, позывной для связи.
В прошлой войне выгрызал шариат
Мой альтер эго, в горах раскрасив

В красное камень эпох. Видит Бог —
Клетку для Волка в груди из рёбер,
Нервов, бессонниц и совести крох
Создал за мирные годы вроде.

Мёрзну в снегу, как последний мудак.
Снайпер прижал — пристрелялся, сука!
Только меня он не срежет вот так,
Мой сослуживец и брат по мукам.

Метко стреляет поверх головы
В стенку кирпичную снайпер-профи.
Скользким ужом выползаю. Увы!
В оспинах пуль вижу волчий профиль.

Я его фишку — стрелять в левый глаз —
Видел вчера в пацанах убитых.
Духи. Засада. И я его спас.
Значит, намёк — мол, теперь мы квиты.

Знаешь, шутник он — мой названный брат,
Подпись «Медведь» — след на старых фото
Родом с Афгана — полжизни назад.
Здесь же мы — звери на разных тропах.

Волк говорит мне — останемся жить —
Профиль наш выбит в кирпичной кладке.
Нынче мне снился небес крепдешин
Плюс две гранаты в сухом остатке.

Я — пережиток ненужных потерь.
Действуй, коль мало в молитвах толка.
Я выбиваю в душе своей дверь
И выпускаю Волка.

22 февраля 2015

* * *

Если я не вернусь со своим рюкзаком,
Где тетрадка стихов отдаёт табаком
И от пули сатается дырка,
Не спешите презрительно фыркать —
Говоря, что поэт этот Вам незнаком,
А стихи не ценнее обмылка.

Мы и вправду знакомы, пожалуй, едва,
Только раз с этих пор облетела листва.
Помню: в вальсе так долго кружится,
Тонких уст не касаясь, снежинка.
Цвета тёплой корицы Ваш взгляд меня звал
Может, зря промолчал, не решился...

Безответность любви я ношу с этих пор
Протоколом стихов потаённо, как вор,
В той, походного быта, тетрадке.
И готов убежать без оглядки,
Карих глаз избегая невольный укор.
Чёт и нечет — со смертью в прятки.

Может, вечность спустя, за Вселенским углом,
Где Чужая Туманность парит молоком,
Исполняя молитвы сугубо,
На тропинках сансарного круга
Я потрусь Вам о ноги бродячим котом.
Только мы не узнаем друг друга...

15 мая 2022

Курукшетра

Мой брат сквозь зубы тихо цедит маты.
В них святость исторгается толчком
Крови и хрипа.
Боевые мантры
Рождаются и гаснут.
И по ком
Звонит неслышно колокол на поле
Под Горловкой, Славянском и Снежным?
На поле Куру снова столько боли...
Клубится хаос,
делая смешным

Попытку применить оружие Индры
Или хотя бы выжить в кутерьме.
А брат — бормочет вместо панихиды
Упанишады, сутры... как по мне —
Сплошная чушь... и что-то про Арджуну,
Пандавов, Кауравов — словом, бред...
Патроны — всё.
И текст — одни лакуны.
И, как назло, заклинил пистолет.

Не передать, что мне пришлось изведать —
Как умер от потери крови брат.
Но мне остались —
мне остались —
Веды.
И завещанье Кришны — автомат.

4 августа 2014

Галина ЗЕЛЕВИНСКАЯ

Гора

Изболелась, истомилась, истончилась добела,
А когда беда случилась, вот тогда и поняла:
Горе то было не горе, просто сердца маета,
Просто мелкое предгорье, а за ним встаёт, круга,
Неподъёмна, непролазна, неприступная стена,
И карабкаться всечасно я по ней принуждена.

* * *

На наших глазах история,
сотканная из историй,
кажущихся случайными,
складывается в одно
коварное, точно море,
кровоточащее тайнами,
штопаное с изнанки,
грубое полотно

Глаза добровольно закрыты,
уши заклеены глухо,
память на всякий случай
тоже отключена.
Треснувшее корыто,
горько плачет старуха —
нет надежды на лучшее —
всюду идёт война.

* * *

Сбылось не то, так это; к чему гневить судьбу?
Всё страньше та планета, с которой я уйду,
Фантазий не хватало представить наперёд,
Что прямиком на скалы корабль поплывёт,

Что плюс усохнет в минус, мир скатится в войну;
Умом скорее двинусь, чем логику приму
Того, что кривда сверху, мазутом на плаву.
Её однажды свергнут, но я не доживу.

* * *

Даже в бесконечной безнадежности,
в форме герметичного яйца,
прячутся следы щенячьей нежности
и черты любимого лица.
Трещинки достаточно, царапинки,
лучик внутрь проскользнул, и вот,
жизнь уже не серая, а в крапинку,
выдохнет и дальше потечёт.

* * *

А там монастырский луг, и за ним резкий обрыв к реке,
из красной трубы улетает дым к облакам вдалеке,
а на лугу пьяный водоворот жёлтых цветов и пчёл,
этот восторг оценил бы тот, кто на луг не пришёл,

тот, кто привычно сидит у окна тысячу долгих дней,
тот, для кого восходит луна, с каждой ночью бледней,
он раздражённо листает тетрадь, вновь всё не то, не то —
не ухватить и не передать, как будто сквозь решето

льётся недолгий вечерний свет, яблочный вкус во рту;
жизнь пролетела, а будто и нет, чем ты удержишь ту,
что, неизменно скользя вперед, развяжет узлы шутя
и каждый миг, изменяясь, растёт, как чужое дитя?

Дольче вита

Сегодня и у нас такая дольче вита:
Колибри пьёт с цветка невидимый нектар,
А ведь ещё вчера шторм бушевал бандитом,
Валились деревья — ужасен был удар.

С привычной высоты сверзаться было страшно,
Цеплялись на ходу ограды и дома,
И вепрем ветер выл, и целый день вчерашний
Мы вслушивались в то, как сходит мир с ума.

Сегодня не пройти — завалены дороги,
Упавшие стволы — в порезах и смоле,
Но в солнечных лучах колибри-недотроги,
Как эльфы, ворожат на вздыбленной земле.

Дуб

Прежде бывали ветра, от которых стонет
Каждая веточка, словно струна гитары.
Сколько добра и зла за прошедшие сто лет —
Видимо, детка, это и значит быть старым —

Помнить худые годы и тучные годы,
Каждый порез рубцевать на уставшем теле.
Были и прежде различные непогоды,
Их, с божьей помощью, всё же преодолели.

Вечным казался дуб — великан могучий,
С грубой, в глубоких морщинах, шершавой кожей;
Мог посадить на плечо грозовую тучу,
Облачко приласкать был способен тоже.

Весной молодец, купался в зелёной пене,
Осенью детский десант рассылал по округе;
Он доминировал в этой своей вселенной,
Летом дарили тень его длинные руки.

Прежде были ветра, наводнения, грозы,
Только сейчас накопилась такая усталость,
Что ничего от его горделивой позы,
От жизнестойкости прежней уже не осталось.

Демоны ли восстали из чёрной могилы —
Гул по земле прокатился, будто цунами;
Словно Самсон, ослепленный, лишённый силы,
Пал великан с развороченными корнями.

Там, где стоял он, ныне зияет воронка;
Светел и пуст горизонт, открывшийся разом,
В мокрой земле ковыряет клювом ворона —
Искоса смотрит матово-чёрным глазом.

* * *

Чем дальше в лес, тем жалобней сюжет,
мороз крепчает, хлеб склевали птицы,
занесена дорога, хода нет,
и этот морок вечно может длиться.

Чем дальше в лес... остановись, постой,
послушай заклинанье — «крибли, крабле»,
быть может, выход есть совсем простой —
не наступать опять на те же грабли?

Но зимний лес — позёмка и пурга,
нести пургу привычнее, чем слово,
и тают, растворяясь, берега,
и не доплыть до берега другого.

Игорь Джерри КУРАС

* * *

Мы на свет появились в такой темноте,
что не видели азбуку слов.
Мы по звуку кипящей воды на плите
понимали, что ужин готов.
И когда вспоминаем свой лучший из дней,
он всегда с чёрно-белым венцом;
и черты на лице проступают ясней
с красной лампой над каждым лицом.

Дни бывают короче, бывают длинней —
только всплеск от горячих подков:
будет снова купание красных коней
в закрепителе прежних веков.
И поскольку для нас невозможен уход
с карусельных скрипучих реприз —
мы не можем сказать, где назад, где вперёд
и, конечно, где вверх и где вниз.

И, застрявшие в лифте вдвоём в темноте,
вдруг обнявшись, уйдут в облака —
но вернутся к кипящей воде на плите,
понимая, что живы пока.

* * *

Я не умею про войну —
не розумію, почему.
Я стал отшельником, наверно;
но для меня цветёт люцерна,
и терпкий сок медовых сот
пчела безропотно несёт.

Здесь тихо так, что можно все
назвать любые имена;
тут муравей в траве працює
и паутина, как струна.
Пруд гладкий, будто монолитный
осенний луг жовто-блакитний,
где с ним соединилась высь
безоблачная — подивись.

Я не зумію про війну,
Я визнаю свою вину.
Но всё же не даёт покоя
мне камышовый шум тугой;
и почему-то, Боже мой,
про перемогу бредит зброя
суровых елей над водой.

* * *

Я так устал, но это о другом —
 скорей всего, о пустоте кругом —
 о том, что все теперь жестоковыйны
 и трудно мне смириться с таковыми.
 Заехав на трамвайные пути,
 не понимаю, как мне с них сойти —
 (как не сойти хабаднику с кашрута),
 и я не знаю, где кольцо маршрута.

Кормлю отца вишнёвым пирогом
 (я так устал, но это о другом),
 любовью можно приглушать испуги:
 любовь — искусство, как искусство фуги:
 его освоив, плакать не могли —
 пока в достатке с вишней пироги.
 Я думаю, что всякое искусство —
 любовь, и нам ниспослано изустно.

Я тоже злой, как все вокруг меня,
 но я не буду ничего менять
 и отменять я ничего не буду.
 Отец поел, а я помыл посуду;
 и, кажется, я понял свой маршрут:
 я там, где нужен, т.е. там, где ждут,
 где побеждён любой жестоковыйный
 любовью бесконечно беспартийной.
 И, где я нужен, там и будет дом.
 Я так устал, но это о другом.

* * *

Мне бы твоё понимание мира,
утренних первых неровных лучей;
серого звёздного неба-клавира;
ёлок — дождя ароматных свечей.
Ноты тяжёлые капельным маршем
что-то опять барабанят-трубят;
ангелы наши и демоны наши:
люди ли? нелюди? что за отряд?

Южным ли говором, суржилом шустрим
будемо ми розмовляти тепер:
именно так говорил Заратустра:
можешь мне верить. А хочешь, не верь.
Ангелы наши? и демоны наши? —
я разобраться уже не смогу:
страха не бойся, а бойся бесстрашных,
кровью приросших к любому врагу.

Утренний луч на бессонной кровати,
что же случилось? Что будет потом?
Ангелы к нам прилетят розмовляти —
южным, весёлым своим говорком.

* * *

Однажды вышел на вокзал —
и в незнакомом
пространстве города назвал
я город домом.
Тогда почти неслышно, вне —
во тьме лоскутной —
услышал голос в тишине
сиюминутной.

С чего всё это началось,
ну вот, с чего же? —
с плаща, промокшего насквозь,
с зонтов в прихожей? —
с посуды в кухонном шкафу,
с ножей и вилок;
с пробравшихся в мою строфу
пустых бутылок?

Как будто в песне про букварь
с его картинкой,
с будённовкой, где кровь и хмарь,
гопак с лезгинкой.
Где палец тычет в белизну
послушных клавиш:
всё это, даже улизнув,
ты не оставишь.

Мы вышли утром за порог —
(ключи, поклажа)
и было дел невоворот
и больше даже.
И было небо, как всегда —
но отчего-то
тоскливо плыли города
в конце полёта.

Мы жили в разных поясах,
часы считали —
как будто время на часах —
судьба в кристалле;
как будто можно поменять
вращенье мира.
Но вот, дожди идут опять —
промозгло, сыро.

Что остаётся нам с тобой,
что будет позже? —
ночной полёт, вокзал пустой
зонты в прихожей? —
ключи, что открывают в дом
все двери —
или
воспоминание о том
что жили, жили?

Борис СУСЛОВИЧ

«До кромки ледяной»: о книге Давида Поташникова «Мойры»

Книга стихов Давида Поташникова «Мойры» вышла в Киеве в самом конце 2023 года в Золотой серии «Писатель в интернет-пространстве». Этот сборник, по словам автора, *«о человеке и его месте на Земле, о божественной красоте всего сущего и о том, как венец творения пытается эту красоту уничтожить... о любви и ненависти, доброте и злоте... о неизбывной сегодняшней боли, о чудовищных войнах, которые словом не остановить...»*

Книга издана в рамках помощи Украине. Киевлянин, оставивший родной город ещё в юности, долгие годы живший в Минске и без малого три десятилетия живущий в Америке, возвращается в Украину стихами, и совсем свежими, и давними.

Написать о книге захотелось сразу, ещё во время чтения. Вспомнились слова Давида о своём друге и учителе, Вениамине Айзенштадте (Блаженном): *«Поэт приходит в мир, чтобы спасти его, уравновешивая материю энергией духа. Можно даже предположить, что поэт бывает бессознательно востребован человеческим сообществом для этой цели...»* Сегодня никому не приходит в голову, что стихи могут спасти мир. Но дать подробную, ошеломляющую картину гибнущего мира — могут.

Молча идут сапёры от хаты к хате.
В детских качелях, под яблоней, на кровати —
всюду подарки для взрослых и для детей.
Щедрая братская армия не скупится.
Медлят сапёры, им лучше не торопиться
и разыскать сувенирный набор смертей.

Молча дерюгу накинута на чьё-то тело.
Тело вчера ещё было живым и пело.
Тело по-братски разорвано на куски.
Сердце мертвеет от боли у тех, кто живы.
Белым и розовым вишни цветут и сливы,
чтобы рассудком не тронуться от тоски.

Слабенький стук раздаётся из ближней хаты.
Двери распахнуты. Молча глядят солдаты.
Стенка избы испохаблена буквой Зет.
Бог наблюдает с упавших на пол иконок,
как из подвала выходит седой ребёнок,
словно на вымысел щурясь на божий свет.
(«Сапёры»).

Восемнадцать строк... Что это: репортаж с фронта? Цветущие деревья, стены и двери избы, вышедший из подвала «седой ребёнок», покрытое дерюгой тело, «по-братски» разорванное «на куски» — весь «божий свет» испохаблен «буквой Зет».

Вся картина, каждый мазок — сплошной оксюморон, «сувенирный набор смертей», «подарков» для живых и мёртвых.

Первоочередная задача для каждого сегодня — и для поэта в первую голову — сохранить себя, свой голос, свою «душу живу» (М. Цветаева). На кого опереться, чтобы выжить? На родных, всегда готовых услышать и понять, омыть своими слезами сыновье горе, открывая дорогу словам, застревающим во рту.

Наплывает печаль, словно облако на перевале,
Я куда-то бреду, как во сне, несмышлёным мальцом,
Кровоточит душа, точно гвозди в неё забивали,
И навстречу идут молчаливые мама с отцом.

И подходят ко мне, и без слов обнимают и плачут,
И зачем эти слёзы, никак я понять не могу.
Мама мокрый платок в обветшалую сумочку прячет,
Папа морщит лицо, как бывало от снега в пургу.

Наплывает печаль и меня накрывает виною...
Только я наконец одолею свою немоту —
Всё, что в сердце копил, всё, что не было сказано мною,
Я скажу им сейчас... Но слова застревают во рту.

И обнявши друг друга, опять молчаливы и строги,
Равнодушны к страстям суеты и печали земной,
Мама с папой уходят по звёздной высокой дороге,
Вновь меня оставляя с моей неизбывной виной.
(«Встреча»).

«Кровоточащая душа» побеждает «свою немоту», претворяя
«неизбывную вину» в строки, уходящие ввысь. Туда, где можно
увидеть самого главного собеседника поэта. Попытаться его —
и себя — понять.

Как больно, Господи, как сладко
С тобой беседовать в тиши...
Жизнь — только смутная догадка
О назначении души...

Зачем она в разладе с телом?
И чьею волей ледяной
Тоскует в нём, осточертелом,
И в клетке заперта грудной?

Зачем её снедает пламя
И днём и ночью напролёт,
Когда ей хрупкими крылами
Не растопить предвечный лёд?

Что этот мир согреть смогло бы,
Спасти от смертного серпа,
Когда под оползнями злобы
Хрустят тела и черепа?

Но по инерции рожденья
Привычке жить я так же рад,
И бытие, как сновиденье,
Мне завлакивает взгляд.
(«Боль»).

От сновиденья хочется — и должно — пробудиться. И взглянуть на «серый студень бытия» сверху, откуда нисходит «струя» «небесной нежности».

Порой душа поёт и стонет,
Но равнодушно дремлет плоть.
Так тело гасит и хоронит
Огонь, что в нас вдохнул Господь.

Так упирается в земное
Небесной нежности струя
И бьётся радужной волною
О серый студень бытия.
(«Порой душа...»).

Книга Давида Поташникова названа в честь богинь судьбы, которые и определяют, и обрывают наше земное существование. Миф, за тысячелетия ставший неотделимым от поэтической реальности. Реальности, дающей силы. Дающей веру в то, что этих сил хватит. Что мы, люди, сумеем одолеть нелюдей. наших врагов.

<...>
Вперёд, душа, вперёд —
Гори и пой, пока
Тебя не изберёт
Незримая рука...
Пока ещё тобой
Не пройден путь земной.
До бездны голубой.
До кромки ледяной.
(«Мойры»).

Статья впервые опубликована в журнале «Чайка»
(Seagull Magazine; www.chayka.org),
18 января 2024

Ариэла Марина МЕЛАМЕД

— ОТ ПЕРЕМЕНЫ ДО ПЕРЕМЕНЫ —

* * *

От перемены до перемены
Шлифует время все эти сцены, —
Застыли рельсы, разбились камни,
Скажи, Всевышний, сейчас куда мне?
Коррида справа, коррида слева,
Земная слава, небес напевы...
Уснула полночь в одной рубашке,
Слоны танцуют на черепахе...

От этой пляски светлеют ночи,
Мы наблюдаем теперь воочью,
Пока в надежде синеют дали,
А дверца вроде вон в том подвале...
Как будто ключик не потерялся,
Считай ступеньки да в ритме вальса,
Там где-то лампочка у подъезда
И свет в туннеле до Эвереста...

И непреклонны сомнений груды,
И непременно идут верблюды,
Пора, наверно, по бутерброду...
И дальше — в реку, не зная броду...
У мокрых улиц набухли вены,
Пока в подвале слышны сирены,
Грохочет слева фотореклама,
Вокзал — направо. Мы едем прямо.

* * *

такой знакомый луг такой прозрачный лес
кого же там тогда зачем попутал бес
покрасить свод небесный чёрною рукой
да что там чёрной просто пустотой

чтоб развалить и смять прекрасный белый свет
чтобы вразнос пошла земля в тумане бед
кому такой расклад дороже всех наград
кому порукой падающий град

и каждый день уходят ангелы наверх
чтоб чёрный вихрь когда-нибудь уже затих
чтобы и как бы слов таких в помине нет
пускай родился снова белый свет

чтобы на небо улетали корабли
с уставшей и остановившейся земли
как разворачивать и строить новый мир
кому звезда сияет альтаир

* * *

Все в настоящем сегодня волнуются —
Как там у вечности держится дно?..
Вечность пока молча курит на улице, —
Так продолжается это кино...

В солнечном дворике тени глубокие,
Там на скамейке сидели с тобой.
Там по учебнику формулы строгие,
Там и надежды гуляли гурьбой...

Горькие новости, страшные веянья,
Время проваливается под лёд...
Камни собрать из эпохи рассеянья,
Сдать бы уже этот драный зачёт...

Вечность, гуляя под старыми липами,
Новый насвистывает мотив,
Улица машет зелёными шляпами,
Жёлтой листвою за всё заплатив...

* * *

Ну, а пока твой номер в очереди тот же,
И ты сидишь и ждёшь его, сидишь и ждёшь...
Не на Каир тебе, не в Тулу, не в Камбоджу,
Хотя хотелось бы в Париж, — а так, ну, что ж...

Когда опять уйти, покуда вновь родиться, —
Настанут день и час, не раньше, а потом
К кому-то птица вдруг в окошко постучится,
И ночь кругом, и пустота, и тьма кругом...

Откроешь дверь, войдёшь — и даль туманная
Тебя накроет, ну а дальше — снова даль.
Там скатерть белая, гляди, и каша манная...
А шаль вишнёвую забытую не жаль.

Твой номер прежний, жди, плыви... Ну, а когда же
Сквозь немоту и жить, и плыть невмоготу, —
Ты по гиперболе давай, взлети однажды...
Вперёд-назад скользя по белому холсту.

* * *

Видишь — облака спускаются с небес,
Слышишь — распевается весенний лес...
Баюшки-баю, баюшки-баю,
Молча посидим у жизни на краю...

Тихо о своём шепчется листва,
Начинай опять говорить слова:
Баюшки-баю, баюшки-баю,
Я тебе спою: мы почти в раю...

Что бы пожелать — что бы угадать?
Чтобы жив был брат. И отец, и мать...
Ну, а нет — так нет. Дай ещё налью.
Баюшки-баю, баюшки-баю...

Молча посидим у жизни на краю,
Я тебе спою: мы почти в раю...
Ну, а нет — так нет. Дай ещё налью.
Баюшки-баю, баюшки-баю...

ПАЛАД

* * *

дол оскудел энергиею ци
уныл пейзаж
безвкусной чем галета
остывших дней последние пловцы —
плывут скворцы
на призрак минарета

я неотмирен
зыбок наяву
жив на авось
порой от тени — тень — я
столь недвижим что боле не плыву
но исхожу на плавные свеченья

ты не зовя
не плача
не маня
вперёд себя смотря невозмутимо
в который раз проходишь сквозь меня
да пусть и так — всё хуже если мимо

* * *

Пусть на поверку — осень золотая,
которой — недовыпитая треть,
последнюю собаку доедая,
нас троллит Ра искусностью нагреть.
В лелейностях тепла подчас хмелея,
глазища от солярностей прикрыв,
дивлюсь неразуменью — кто я, где я,
впадаю в экстатический надрыв.

Искрит эфир, всеущ и всеохватен,
бессрочен, как учение Чучхе.
И небо — сплав иридиев да платин —
в алмазах и сваровской мишпухе.

* * *

добрый билли
нежный билли
билли сладкий как халва
не таким вы прежде были
как привиделись сперва

а и я не вышла в стервы
замахнувшись с кондачка
прободившиеся нервы
тампонировать ловка́

испрошая — кто я где я —
знак у млечного пути
в толк взяла что — гигиен
что со скуки — во плоти

что и вы с олимпа схожи
что скитальцы — вы да я
две шагреневые кожи —
наши сроки бытия

от того в канун женитьбы
под сукровицею дня
вас так следует убить бы
как пожалуй и меня

чтоб в расклочие рубаха
та что вам к лицу теперь
чтоб катился шар из праха
в галактическую херь

* * *

Скоро конец, Света, скорый грядёт конец
счастья, здоровья,
волнений, надежд, лета.
Осенью Пастырь сочтёт всех твоих овец.
Схлопнет гроссбух, подытожит:
— Конец, Света.
Вымолкнешь напрочь.
Сдёрнешь фату стыда,
безлабутенно
с землёй посестрясь — босою.
Как же ресницам твоим хлопотать тогда —
длинным, тяжёлым,
увешанным слёз росою.

* * *

вот верба за вербой
и простор
избежав суеты
кутерьмы
одинок во степи осокор
да под ним — неразлучники-мы

рыжий ветер ушатал ковыли
небосводом просыпали мел
ты сказала зевнув:
— повели!
я бычок затушил —
повелел

исполнялось —
доколе я лорд
то каприз мой священен любой
сладко млел я
надменен и горд
под прилежной рабыней — тобой

воты вечер
как было вчерась

завелись между вербных камей
и луны распремудрый карась
и прохлады налипчивый змей

плыли мерно минут иваси
в одночасье строга и нежна
ты кивком приказала:
— неси!
и понёс —
ты ведь тоже княжна

* * *

вторить сверчковой стряпне неохота
хваток морфеус да сон не берёт
вот и анонсы ночного прилёта
(тщетно ли трудится братский народ) —
искренни
страстны
с лихвой вдохновенны
(в чём состязались бы тут соловьи) —
в полиголосье сплетают сирены
неумолимые зонги свои

* * *

пойти ль на двор расслабленным да голым
как сызновца — бесхитростен и млад
над головой парит почтовый голлум
льнут ко стопам семь аспидных прохлад

жжёт солнце с постоянством скифской бабы
прян сеновал
есть вишня при окне
и всё бы — зашибись — кабы не КАБы
кабы не каин в братья придан мне

Ирина РЫПКА

Лебеди белые

как это так и как теперь быть
не разбиваясь о плоть и о быть
ни от себя не сбежав ни от ветра
поле моё васильковое
метр
на метр
стенка на стенку
огонь на воде
мы с тобой плыли как лебеди белые
мне же медведь наступил и не пела я
пел только ты я дышала в ответ

люстра в горошек и платье в горошек
снег не жевать не стоять без галошек
в выгоревшем пальтеце
с тенью на светлом лице
вызрели слов почерневшие литеры
я погружаюсь в осеннюю хмарь
это ещё не февраль
в теплом свитере

это ещё не февраль

* * *

вот постель в которой увязли двое
барабан натянут как тетива
за окном задумчиво город воет
и на балалайке бренчит иван
выходи на площадь народ согбенный
обряжайся в помещиков и крестьян
на запястьях улиц чернеют вены
обнажая ржавчину и изъян
вот постель покрытая снежной пудрой
где лежат останки счастливых нас
мы с тобою скифы славяне курды
а под нами суглинок цемент матрас

* * *

Я по горло сыта золотой мечтой
и мускатными гроздьями винограда.
Это солнце останется здесь с тобой
до скончания города-сада.

Голубые веки дрожат во сне,
выдают твой страх с потрохами.
Пусть тебе приснится Двадцатый Съезд
и высокие лебеди-сани.

И метель, а точнее, пурга, буран,
одинокая степь за оградой.
Золотые прииски и уран,
опаливший Верховную Раду.

Это просто февральские холода
и сквозняк в квартире, проникший в спальню.
Вот выходит устрица изо рта.
Это стих? Это молот и наковальня.

Антоновка

Время какое-то нервное —
март, поезда и капель.
Господи, Боже, я верую
в латте и в свежий капкейк.

В счастье, простое и лёгкое,
крылья расправь и лети!
Но сердце предательски ёкает,
сжимается после шести.

Что это — тайная вечеря?
Брейгель и с краешку Босх?
Кесарю знак будет кесарев,
Господу — Пасха и Пост.

Или обратное с доньшка —
Пост, Воскресение, свет?
Вот и созрела антоновка,
клонит тяжёлую ветвь.

Экзистенциальное зимнее

я не пишу стихов десятый год
или десятый день десятый век
а за оградой местный вальтер скотт
лопатою загребает свежий снег

соседский пинчер смотрит точно лорд
на проходящих мимо лошадей
прикажет звонко девочка апорт
он полетит за палкой как лакей

уткнётся мордой в бархатный сугроб
отроет палку принесёт к ногам
под нами спит арктический сурок
над нами вальтер в руки взял наган

по вечерам селяне жгут дрова
дым прорастает в небо бородой
наш город заметён на Покрова
и даже одинокий конь гнедой

покрыт попоной лёгкого снежка
глаза прикрыл наверное он спит
зима — что утонувшая княжна
воскресшая без боли и обид

тоска её — кристалл снежинка дрожь
дыхание — серебряный Байкал
зачем меня так за руки берёшь
как будто никогда не отпускал

* * *

Господи, я не знаю что сказать.
Этот мир застрял по щиколотки,
наткнувшись на рукоять
кортика, торчащего из подлодки.

Господи, я ничего не вижу.
Мутнеет, настоящая на можжевельнике,
в бутылках болотная жижа.
Мы — серые, Господи, а Ты — беленький,

спрятался в ельнике с посохом и мешком,
и потираешь горячие рукавицы.
Свят, Свят, Свят еси в сердце моём!
Когда я была Твоей отроковицей —

Ты носил меня в берестяном тереме,
от родителей к бабушке и обратно.
И я, тогда, как никогда, верила
в то, что у Тебя борода не из ваты,

а из небесного ледяного льна,
и глаза — глубокие и холодные.
Мне думалось, я у Тебя такая одна,
но отходят вселенские воды

и рождаются день ото дня,
сморщенные красноликие дети,
предначертанные, предназначенные для
победы жизни над смертью.

* * *

сойди со мной с ума вдоль берега заката
где плещется плотва и сказочный налим.
я буду говорить как я невинувата
в том что ты всю дорогу не мой не мной любим
что всё это халва раскрошенная птицам
слова — святая брешь на титульном листе
любовь не так светла для тех кому за тридцать
но хочется успеть и падаешь в постель

о линия судьбы — арба на серпантине
бесстыдных лилий завязь отравленная связь
желание побыть короткий миг богиней
и называть тебя за завтраком — мой князь

Раиса РЕЗНИК

* * *

Мир не менялся. Поседев,
они по-прежнему все живы,
и те, покинувшие дев,
Юнон, сидящих в позе Шивы,

и те, бежавшие Бог весть
в какие страны и пределы
искать поруганную честь,
травиться ягодой омелы.

Пока они ещё в пути,
пока не пройдена дорога,
не дайте грань им перейти,
их Рубиконы, ради Бога!

Где учат искупать грехи?
Я ничего как маг не стою,
мои вопросники-стихи
сгодятся в помощь домострою.

Возможно, есть ответ на «где
хранятся бланки индульгенций?»
У побратимов по беде,
соратников, единоверцев...
29–30 мая 2024

* * *

Пара минут в запасе —
весь временной ресурс.
Дай кораблю на трассе
счастья — лечь на курс!

Есть и планшет, и карта.
Теперь уточним маршрут.
У нас осталось до старта
всего ничего минут.

Посодействуй этому племени,
не дай угодить в котёл!
Отсчёт времени
уже пошёл.
12 апреля 2024

* * *

Ночь бессонная, света плесни мне!
Где исток твоей яркой харизмы?
Или сполох души твой сродни не
возвышенью над суетной жизнью?

Чур меня, в темноте даже Флавий
не логичен (о, бедный Иосиф...),
освещение — род испытаний,
не эмпирика, с массой вопросов.

Размышляй, а в безлунии туманном
и лампада — залог откровенья,
поражайся письмом первозданным,
не забытое, верь, незабвенно.

В час безликий так важно общенье,
вера в чудо и шанс на прозренье,
что, пожалуй, о том не повем я,
как томительно тёмное время.

26–28 января 2024

* * *

Почему не находим
мы покоя в житейской реке?
Хоть жилища заводим,
но по-прежнему мы налегке.

Сотню толстых тетрадей
исписала и вкривь я и вкось.
До чего не отраден
этот вечный заклятый вопрос!

Разве ветер весенний
телеграфно ответы даёт?
Сотрясатель растений,
унеси мой навязчивый гнёт.

Колдовал у оливы,
и — на все на четыре, окрест
все ветра торопливы,
север, юг... норд и зюйд... ост и вест...
22 апреля 2024

* * *

— Мечты сбываются?
— Верь, что сбываются.
Пусть они сбудутся!

— Боль забывается?
— Терпи, забывается.
Пусть позабудется!

— Кто-то прощается
с милым.

— Прощается?
— Пусть возвращается!

— Чья-то беда никого не касается.
— Чужая беда не касается?
Пусть опасается!

Где-то аукнется,
Кто-то откликнется.
Земля вращается.

Вишни распустятся
в области Винницы.

Жизнь продолжается.

* * *

Тихая моя улица.
За окном птаха
кричит, волнуется,
нагнала́ страха.

Опасаюсь лиха я.
Здесь, брат, не поля.
Улица моя тихая.
Птичка певчая,
пой, молись за каждого
по пять раз на дню.
Не пугай, пташечка,
улицу мою.

5 августа 2024

Памяти Павла Кушнера

- Откуда ваше знакомство с музыкой разных стран?
- Ради Бога, всего один музыкальный цикл. No pasaran!
- Так вы пытались наших людей в заблуждение вводить?
- Нет, я только умел из голода выходить.
- Вы нарушаете наши нормы и нравы.
- Да, пожалуй, вы правы.
- Вы ужасны. В вас масса изъянов.
- Всё верно. Пойду сыграю на фортепиано мазурку Шопена. Пусть и виртуально.
- Вы упрямы и принципиальны.
- Да, я всегда их играю по средам.
Праздник Музыки вам не ведом.
С ней и сиделец свободой дышит.
Не всяк услышит.
- Вот как был, так и остался психом.
- Не поминайте лихом!

8 августа 2024

Ханох ДАШЕВСКИЙ

— СТИХИ ИЗ РОМАНА «РОГ МЕССИИ» —

* * *

Твои глаза передо мной опять.
Я вижу голубой разлив озёр.
Как повернуть слепое время вспять,
Как отменить зловещий приговор?

В колючих дебрях беспощадных дней,
Где мы наощупь медленно бредём,
И в наготе уходим в мир теней,
Остались только пепел и разлом.

Как нам теперь существовать, когда,
В крови застыв, Вселенная мертва,
И лишь одна полночная звезда
Ещё мерцает в сумерках едва.

Мы ловим жадно бледно-жёлтый свет,
Он падает на наши пустыри
Там, где руин поверженных скелет
Ждёт появления утренней зари.

Но не восходит солнце в этой мгле,
Не вылетает птица из гнезда,
И одиноки мы на всей земле,
Как в небе одинокая звезда.

* * *

Почему, дорогая, потемнели камеи
На твоём ожерелье?
Потому ли, что льют ядовитые змеи
В душу едкое зелье?

На холстах твои кисти миры созидают,
Как поэты строкою.
Ты творишь красоту, и цветы расцветают
Под твоею рукою.

Но скрывая изъян в своём сердце, надела
Ты притворную маску.
Ты, войдя в мою жизнь, отдала своё тело,
Как проклятье и сказку.

Словно дочь Ханаана в прозрачном наряде,
Словно жрица Ваала,
Разметав по плечам чёрным веером пряди,
Ты в свой храм увлекала.

Но, воздвигнут тобой как дворец наслаждений,
Рухнул храм этот ложный.
Почему же теперь я встаю на колени
Среди пыли дорожной?

На обломках кумира молюсь, озирая
Камня мёртвого груды,
И грущу о тебе, и тебя вспоминая,
Никогда не забуду.

* * *

В тот день, когда померк твой взгляд,
Над потускневшим морем встал
Тревожный, скомканный закат
И солнце сплющил, как овал.

И я за сумрачной стеной
Не видел полосу зари.
И ночь стелилась надо мной,
Не зажигая фонари.

И о тебе ни слова мне
Латунный месяц не принёс,
А сам в межзвёздной глубине
Он только ширился и рос.

Я думал — ты ушла туда,
Где запах поля, запах трав.
Не знал я, что стряслась беда,
Сосуды жизни разорвав.

Как будто сотни колесниц
Остановились на бегу.
И капли слёз из-под ресниц
Расплылись кровью на снегу.

И ты в преддверии могил
Ловила взглядом окоём,
Но отблеск смерти заклеил
Его железом и огнём.

Не оживут букеты роз,
Не обратится время вспять,
И окровавленных волос
Не загорится снова прядь.

И этих стройных белых ног,
Которых легче в мире нет,
На суете земных дорог
Не отпечатается след.

И только свет прошедших дней
Мерцать, как дальняя звезда,
Останется в душе моей
И не погаснет никогда.

* * *

Тот счастлив, кто научится прощать,
Когда огонь обиды сердце гложет,
И, пожирая плоть за пядью пядь,
Питает месть и догореть не может.

И даже если невиновен я,
Мне это пламя не очистит душу,
Но будет жечь и жалить, как змея,
И жгучим ядом выльется наружу.

И ненависть гнездо себе совьёт
В груди у нас, и не утихнет злоба,
Пока, сгорая, каждый не поймёт,
Что в том пожаре мы сгораем оба.

И если я понять тебя не мог,
И если ранил больно и напрасно,
Не осуждай меня! Ведь только Бог,
Владея правдой, судит беспристрастно.

И всё же есть ещё один судья:
Твои глаза, где свет затмили тени.
И беспощаден этот суд — и я
Встаю перед тобою на колени!

Ирина ХЕНКИНА

* * *

В саду моей души... А есть ли этот сад?
Иль только тень его на донышке осталась.
Там листья шелестят, там зелен виноград,
Черникой по траве рассыпалась усталость.

Когда-то радость в нём черёмухой цвела,
Доверчивых надежд синели незабудки,
Благоухал жасмин от летнего тепла,
И эхо запускал кукушки голос чуткий.

В саду моей души под старую сосной
Застенчиво цвела и спела земляника.
Там чистая роса и утренний покой,
И заросли густой малины дикой.

И есть в глухом саду укромный уголок
У тихого пруда, заросшего осокой,
Там место для моих печалей и тревог,
И я туда иду, когда мне одиноко.

Так значит, жив мой сад, и не совсем зарос,
И яблоки ещё меж ветками краснеют.
Там все, кого люблю, там всё переплелось...
А время там значенья не имеет.

* * *

Всё откладываю жизнь на когда
Сгинет морок и отступит беда,
Всё надеюсь — можно будет вздохнуть
И продолжить свой непройденный путь.

А война всё длится, длится война,
Ни конца её не видно, ни дна.
Только взрывы всё гремят и гремят —
Забирают самых лучших ребят.

Всё откладываю жизнь на потом,
Все слова за плотно сомкнутым ртом,
И в течении пустой суеты
Затерялись и дела, и мечты.

Всё откладываю жизнь, а она —
Отцвела и промелькнула весна,
Лето потчует парным молоком...
Но тревоги на душе мёрзлый ком.

Ты услышь мою молитву без слов,
Помоги в неравной битве со злом,
Чтобы мир вернуть и им дорожить,
Чтобы жить, а не откладывать жизнь.

Война и Мир

То ли дождик, то ли взвесь,
То ли где-то, то ли здесь,
То ли это гром грохочет,
То ль войны глухая весть.

Истомилася страна —
Не кончается война.
Зло и глупость правят миром,
Вот такие времена.

На ушах у мира ложь,
Даже кровью не проймёшь.
На глазах у мира шоры —
Что посеешь, то пожнёшь...

Стало всё наоборот —
Правде затыкают рот,
А доверчивые люди
Верят тем, кто громко врёт.

И стоит моя страна,
Без вины осуждена,
А садисты и убийцы
Получают ордена.

Израилю и Украине

Настанет день, звеня победной нотой,
Разбавит в душах горечь пополам.
Окончится военная работа
И, выйдя из огня, за ротой рота
Устало разойдётся по домам.

Настанет день — надемся и верим —
Переведёт дыхание страна,
Заложникам открыв родные двери,
Оплакав непомерные потери,
Запомнив всех героев имена.

Ну а пока за каждым поворотом
Попрятались в туннелях палачи,
Сражаются танкисты и пехота,
Сломить врага — одна у нас забота
И пепел Беэри нам в сердца стучит.

**Размышления в ожидании атаки Ирана,
Хизбаллы и др.**

Приготовила, воду, печенье, галет —
На три дня, на три дня, на три дня.
Есть в запасе привычная горстка таблеток.
Вот был бы ещё под рукой пистолет...
Но оружия нет у меня.

Есть сосна, что когда-то посажена мной
Рядом с домом на общем дворе,
И дорога, что к морю ведёт за собой,
Есть весёлый прибой, неба свод голубой,
Что померк в роковом октябре.

Есть семья и друзья, даже смысл бытия,
И поэзии призрачный свет,
Красота и печаль, только всё-таки жаль,
Очень жаль, что оружия нет.

И пока нам грозятся большою войной,
В нас нацелены сотни ракет,
И пускай я по жизни совсем не герой,
Я сегодня со всею своею страной,
Хоть у штатских оружия нет.

Василий КОЛЬЧЕНКО

1.

Радость. Сомнения.
Хватит ли сил?
День наступления
наступил.

Час искупления.
Жизнь — дорога.
Освобождения
от врага.

Горе — измерили.
Бездну — и высь.
Ждали. Верили.
Дождались.

2.

Послушай нас, послушай.
Нам горе — не беда.
Хотели мы как лучше,
а вышло — как всегда.

Свинцовые метели
заносят давний след.
Хорошего хотели.
Терпели — столько лет.

А вышло — как обычно.
Вращается Земля.
Распаханы привычно
кровавые поля.

Оправданы злодейства.
Забыты облака.
Отравлена из детства
бегущая река.

И в переулках тёмных,
в объятиях у тьмы,
нам не понять, не вспомнить,
чего хотели мы.

3.

А у Давида есть свои Давиды.
Скопили в сердце жгучие обиды.

Но отчего кипит в душе досада?
Давид — давил. Где надо — и не надо.

Давил. Долбил. Дойдёт, как до жирафа.
Давид, не превращайся в Голиафа.

4.

Что осталось от империй,
их воинственных поверий?

Мифы, камни, кости. Мумия
коллективного безумия.

Коронованная мафия.
Не эпитаф — эпитафия.

5.

Жизнь твою качнёт нечаянно
от надежды до отчаянья.

А с утра вернёт, как прежде,
от отчаянья к надежде.

Не удержишь их качели.
Не устали. Не успели.

6.

Устаём от войны —
хоть она далека.

Устаём от вины —
хоть она велика.

Устаём от людей.
Раньше — друг, нынче — враг.

Лишь от жизни своей
не устанем никак.

7.

Стремятся незнамо куда переулки,
собаки выводят людей на прогулки,
родителей тащат упрямые дети,
и веришь: войны не бывает на свете.

Деревья цветут. Приближается лето.
А где-то — не здесь, но подумайте: где-то...

Какие курорты, какие концерты,
когда под обстрелами — школы и церкви,
театры, больницы. А что же стихи?
Успеть помолиться за наши грехи.

8.

ГОСУДАРСТВО, краткий курс.
Человеческий ресурс.
От Ивана до Петра —
государство топора.

От Петра до Николая —
убивали, не считая.
От Володи и до Вовы —
убивать всегда готовы.

Не держава — душегубка.
Смирно. Вольно. Шагом марш.
Не страна, а мясорубка.
Было мясо. Будет — фарш.

Патриоты — тут как тут.
Про Отечество поют.
Пригодится им отвага
для острога и ГУЛАГа.

Коммунисты прут. Имперцы.
Из одной выходят дверцы.
Упражняются во мраке
упыри и вурдалаки.

Всё живое, с давних пор,
дышит — им наперекор.
Занимается заря —
вопреки и несмотря.

Что ж так долго длится ночь?
Ночь — и некому помочь.
Покаянья — нет как нет.
Оттого и меркнет свет.

Нет сомнений у орды.
Преступленьями — горды.
Отрезвит — не гром, не град —
поражение и распад.

9.

Философы, историки,
и циники, и стоики,
и римляне, и греки
в моей библиотеке.

Ах, где же ваши финики,
насмешливые циники?
И Греция, и Рим
горят. И мы сгорим.

Блестящие идеи.
Герои и злодеи.
Страна. Стена. Война.
Атака. Тишина.

10.

Знакомые страсти,
привычный букварь —
угрелась у власти
бесстыжая тварь.

Злодею —
что кровь, что водица.
Холопу —
злодеем гордиться.

«Защитник! Спаситель!
Распни нас. Убей.»
И богом становится
пошлый злодей.

11.

Язык не виноват.
Ни Лермонтов, ни Пушкин.
А виноваты — кто же? Мы с тобой.
Что верили мы, брат,
в имперские игрушки
и шли мобилизованной гурьбой
сперва в убийцы, после — на убой.

12.

Два года войны.
Убитые сны.
Не ждали беды.
Пылают сады.

Потоки свинца.
Не видно конца.
Но близится свет
грядущих побед.

Улыбка. Слеза.
Иначе — нельзя.

Сергей ЯРОВОЙ

Лене

Ты не пылинка
Сквозняка миров,
Вселенная моя ты!

* * *

Мы остаёмся жить
Во всём, что будет после.
Мы остаёмся жить,
Мы остаёмся жить.
Вдали мы друг от друга, или возле,
Мы все прядём невидимую нить,
Что воедино этот мир связала,
Которой нет конца, и нет начала,
Которая есть Путь и Пустота,
Которую мы ищем, не заметив,
Что мы — её родители и дети,
Вибрации которой — частота,
Которая транслирует всех нас,
Чтобы Вселенский Разум не угас.

Таиланд

С головою то ли льва, то ль капибары
Проплывают тихо облака,
Переполнены туристами все бары,
И пивная плещется река...
Течение Времени застыло на Ко Тао,
Чтобы дошло до нас: все наши тропки — Дао.

Китай

Вот и посетил Китай.
Жизнь так прекрасна!
Вспоминаю прежние.

* * *

Плыву по реке,
Прошло уж сто тысяч лет,
Всё те же горы...

* * *

Прощай, Жань Дзя Дже!
Опять я в самолёте,
Но не до стихов.

Максим КОРОВНИЧЕНКО

Чернобыль

Пить по-чёрному. Не пьянея.
По Чернобылю. Как решение.
Водка, врач сказал, — наша фея:
Помогает от облучения.

Затянулось лицо багрянцами.
Цвет заката. Тускнеет солнышко.
Кто на станции? Что со станцией?
Небо заревом. Жизнь на доньшке.

Бить дракона? Всегда с охотою.
Попрощаться забыли с ближними.
Затушить. Хоть водой, хоть блевотою.
Закидать. Хоть песком, хоть жизнями.

Эй, браток, блядь, держи периметр.
Роят землю шахтёры голые.
Саранчою трещит дозиметр:
И не паника, но тяжёлое.

Расползается смерть по глобусу.
Дядя Миша, вы с нами выпьете?
Муравьями ползут автобусы —
По-английски идём из Припяти.

Храмы полные, дверь открытая.
Бога нет, но душе ведь надобно.
Время замерло. Миг открыткою.
Так неожиданно, когда нежданно.

Вечность в цинке землёй укутана:
Ярко пробыли. Мало пробыли.
И не чокаясь нормой суточной
За Чернобыль. И по Чернобылю.
июнь 2019

Продается мечта

«Продается мечта. Тридцатипятилетней давности.
Сокровенная. Потаённая. Не сбылась.
Упаковка. Гарантии нет. Но в исправности.
Занедорого. По ненужности. Я сдалась».

«Продаётся свобода. Очень много ненужного времени.
Чем занять, не пойму. Помогает пока алкоголь.
Коли стены милы, то просторы становятся бременем.
Роль статиста не главная. Но тоже, по-своему, роль».

«Продается любовь. Рудимент, так воспетый поэтами.
Да сегодня и так слишком много забав и затей.
Что такое любовь? Узаконили секс этикетками.
Коль не купит никто, то подарком отправлю в музей».

«Продаётся мечта. Что сбылась. Не принеся радости.
Что мечталось всю жизнь, надоело за пять вечеров.
Видно, только могила исправит людей от горбатости,
А мечта пусть лежит себе тихо за гранью миров».

«Продаётся душа. Да не дьяволу! Вдруг кому нужно.
Истрепали, замызгали вдрызг! Надоело лечить.
Разум, он под контролем. Душа же, она непослушна!
Самовывоз. По почте. Неважно. Начну скоро выть».

Продадим. Арендуем. Прикупим. Забудем. Пристроим.
Разберёмся потом. А пока просто вяжемся в бой.
А познавший покой сам становится этим покоем,
И познавший себя навсегда остаётся собой.

сентябрь 2021

* * *

Спали меня, дворник. Я знаю, ты этого хочешь —
Узреть, как сгорает в огне моя жёлтая плоть.
Я помню граблей твоих старых размашистый почерк —
Вот так на скрижаль свою заповедь пишет Господь.

Давай, Человек. Я же вижу в руках твоих спички.
По фосфору серой лишь чиркни — и ты Прометей!
Без действий мечтать — это очень плохая привычка.
Заполни теплом пустоту своих старых костей.

Сжигать листья плохо, но мы-то с тобой понимаем:
Порой это плохо нам делает так хорошо.
Ты скульптор! Ты создал шедевр, Хозяин!
Укутай теперь его в мягкий и огненный шёлк.

Я буду чернеть здесь огромной золовою тенью —
Безмолвный свидетель твоей непрощённой вины.
А завтрашний снег заметёт все следы преступления.
Спали меня, дворник. Иди зимовать в свои сны.

ноябрь 2020

Берегите в себе

*

Берегите в себе ребёнка,
Что средь лета летит на прогулку.
Словно мир — это банка сгущёнки,
А мама купила булку.

И отец всех сильнее на свете,
А ваш двор — это остров сокровищ,
И конфеты лежат в буфете,
А в подвале полно чудовищ.

*

Берегите в себе подростка,
Что впервые целует сладко.
Замирает в руках вертихвостка,
Растворяешься в ней без остатка.

Если драться — до первой крови,
Если май — прогулять уроки.
Нараспашку, наготове!
Погружаясь во все пороки.

*

Берегите в себе родителя,
Что мечту на руках колышет.
Ты привёл на планету Жителя!
Он всё чувствует, видит, слышит!

Словно сказочных звёзд дивизия
Сыплет в душу твою водопадом.
И теперь у тебя есть миссия:
Вам подольше набиться рядом.

*

Берегите в себе героя,
С кем хотелось быть в детстве схожим.
И ты первым шагал из строя,
И вытаскивал меч из ножен.

И за сердце прекрасной дамы,
Что сидит за соседней партой,
Получали портфелем хамы,
И не только в восьмое марта.

*

Всё оплатим потом по чекам —
С благодарностью, не грубя.
Берегите в себе человека.
Берегите в себе себя.

июнь 2021

Борис ТОЧИЛЬНИКОВ

Жизнь творит подобно храму

Жизнь творит подобно храму,
Шпиль его — загадки снов...
В них, как будто бы программу,
Кто-то пишет без оков...

Храм — секретная антенна,
Принимающая код,
И в нём жизнь, что драгоценна,
В Вечность тайный переход...

Зло несёт «цветы» соблазна,
Страсть желаний всех мотив,
Но позыв её невластный,
Душу гнилью обхватив...

Грех Добру так ненавистен!
Не заслужит он стихов!
Не прогнётся сила Истин,
Словно меч седых веков!

4 мая 2024

Плескалось в нём под жёлтым оком море...

Хочу в тот мир, где нет смертей, войны,
Где каждый день, как музыка, прекрасен...
Там власть царит целебной тишины,
А взор небес так солнечен и ясен...

Там взгляд любимых праздничен и свеж,
Надежда в счастье дышит полной грудью,
И Время — словно свадебный кортеж,
Где места нет кровавому безлюдью...

А детский смех венчает каждый миг,
И это дар Богов за испытанья...
Проснётся там с улыбкою старик,
Увидев уваженье и вниманье...

О чём вдруг я?! Посмел увидеть рай...
Плескалось в нём под жёлтым оком море...
А жизнь вне снов — скорёженный трамвай,
В котором нескончаемое горе...

2 сентября 2024

Не спит утомлённое солнце

Не спит утомлённое солнце
Над грешной в раздумьях Землёй...
Под небом никак не поётся
С кровавой, жестокой бедой!

Летают, как тени, лелеки
Без мира надежды и гнёзд.
Спокойствия нету в нощлеге,
Страна словно общий погост!

Глотает мясные смерть штурмы,
Гремучая всюду змея,
Беспомощны дни и угрюмы...
Терзает огнём колея!

А внучки как будто старушки,
В страданиях долгих войны...
Покинули деток игрушки,
И в детстве полно седины...

5 июня 2024

Всё только здесь... И жизнь сейчас!

Всё только здесь... И жизнь сейчас!
Проста седая фраза...
Пока луч света не погас
Без Высшего указа...

Пусть в каждом дне капкан и плеть,
Незримо душат тесты,
Но важно многое успеть
Под вечным взглядом чести!

Оставлю память о себе,
И в этом — эстафета...
А место скромное в Судьбе
Теплом любви согрето...

6 июля 2023

Остановились тут, как будто бы, часы

Не описать словами праздничность красот!
Природа летняя творит в разгаре...
В глазах рябит порой от сочности пестрот,
Как словно на восточном я базаре...

Трава у дома после утренней росы
Хрустальною сверкает чистотою!
Остановились тут, как будто бы, часы...
Зелёной наслаждаюсь тишиною...

А шевелюры разлажмаченных кустов
В обнимку шевелятся с томным бризом.
Барашки-облачки из лёгких парусов
Плывут непознанным никем эскизом...

Хоть и седой давно, но я заморожён,
Бурлит ещё желанье удивляться!
На крыльях Божьих в даль несущихся времён
Идеи в чувствах лучшие рождаются...

18 августа 2024

Открытый нерв загадочной души

Открытый нерв загадочной души
Слезам внимает городов и весей...
Не помечтать, чтоб выспаться в тиши,
В разрывах бомб безжалостных агрессий!

И прёт орда незваной саранчой!
С ней тупорылые мясные штурмы,
А каждый день, по сути, роковой...
Зверея, дни кровавы и утрюмы...

Уходят в мир загробный мужики,
Ребята молодые и девчонки,
И заповедям Божьим вопреки
Плодятся в злобе взрывы и воронки!

Скажи мне, Бог, зачем такой удел
Для мирных планов? Вместо них — могилы,
Да груды искорёженные тел?!
Когда уйдут незванные громилы?!

Но выбор малый: бешеных волков
Уничтожать без жалости, до мира!
В кровавом небе стон колоколов...
В нём приговор для русского мундира!

7 мая 2024

Ольга ШЕНФЕЛЬД

* * *

*И равнодушная природа
красою вечною сиять*

На минуту во сне перестала дышать
Или вдруг зазвенело в ушах —
Мне приснилось, что есть у природы душа,
Что в природе очнулась душа,

Из зелёной, текучей, душистой тюрьмы
Вдруг на миг приоткрылось окно
В то, что видим и слышим привычные мы,
Понимая, что плакать смешно.

Если можешь, паши, если можешь, пляши,
Убегай от толпы и молвы.
Есть спасенье — усталость у смертной души,
Но природа бессмертна, увы.

Потемнеет, свернётся, покроется льдом,
Ни цветенья, ни птиц — не смотри!
Будем жить, окружённые Страшным Судом,
Страшный суд сохраняя внутри.

Всё, что строил и выстрадал доблестный муж,
Всё разрушит его ученик,
Но не будет забвенья для раненых душ
Ни на день, ни на час, ни на миг —

Ни случайной сирени в лицо на бегу,
Ни зеркальных чешуек в реке,
Только кровь на когда-то зелёном лугу,
Посеревшем в бессильной тоске.

Не узнаю, уже досчитав до полста,
И ещё через тысячи дней
Ничего милосерднее, чем красота,
Равнодушная к боли моей.

* * *

Вновь июнь. И нежится в зное бархатный дол,
В пыльной шубке кошачьей змеится солнечный свет.
И опять я кладу стихи на пушкинский стол,
Удирая прежде, чем он войдет в кабинет.

Снова к кофе поля, колонны, белый балкон,
Пунш ли, жжёнка ли, сбитень неведомый и чудной.
И опять, болтая, кошусь — а слышит ли он?
И уверена: слышит. Даже когда спиной.

Но по странам родным гарцует злая война
(Слишком много Родин, кому-то всё нипочём),
И сжимает днём, и ночью душит вина
За стихи на столе, за тень над правым плечом.

Замирает бархатный дол в предверьи грозы,
Нежной шубкой кошачьей пыльный выгнут мирок.
Для чего мне подарен в детстве русский язык?
Мудрым жалом его не сменить, как велел «Пророк».

Летнее

— Как хочется, чтоб ничего не случилось
Ни нынче, ни завтра, ни даже вовек.
Ах, Ваше Сиятельство, Светлость и Милость,
Ведь Вы человек.

Я к Вам с шутовским и дурацким советом —
Пусть ссохнет плаха, пусть вянет палач,
А мы понесёмся в погоню за летом,
Хоть вплавь или вскачь.

Пусть волосы пахнут черникой и ветром,
И вишнями губы, и солнцем трава.
Что ваше величие? Плюньте на это.
Пустые слова.

А облако снова на что-то похоже,
Тропинка в траве ли, в реке горяча.
— Но время вернётся, я чувствую кожей,
Позвать палача.

Мне вещее сердце бормочет тревожно,
Что будет засада, что грянет гроза.
— Ах, Ваше Безумие, вы невозможны,
Закройте глаза.

Почувствуйте всей воспалённою кожей
Блистающий, синий, зелёный покой
Петлю затяните на шее без дрожи
Своею рукой.

Исторический роман

Бархат — зелёный, рыжий,
Кимвалы и бубны зари.
Празднует свадьбу в Париже
Весёлый король Анри.
Бархаты, сукна — в клочья —
Плоёные воротники.
Варфоломеевской ночью
Его не найдут враги.
Со смертным ужасом вровень,
За фижмами нежных дам...

Сколько ни пролито крови,
Анри войдёт в Нотр-Дам.
Мы точно знаем, кто выжил,
Кто не был и был казнён
В благословенном Париже,
В Париже старых времён.

От каждой новости больно,
Полуденный воздух ал.
Как сладко читать про войны,
Если знаешь финал —
В крови и трупах чертоги,
Но он спасётся, живой,
Ложится бархат под ноги
Августовской травой,
Цикады и колокольни
Роняют звон в вышине...

Как глупо бежать от бойни
В слова о былой войне.

Viber с киевской подругой

— Ты знаешь, мне не хочется жить. Всё пыль и мрак, и тоска. Туда нельзя, конечно, спешить, но нечего здесь искать. Проснусь, сквозь зубы: «должна, должна, я дочь и мать, и жена.» Я помню всех, кому я нужна, но я себе не нужна. Тебе одной, ты точно поймёшь — у каждого есть предел. Клубок морщин, усталость и ложь. Ты слышишь?

— Плохо. Обстрел.

— Сирена, да? Спасайся, беги, договорим потом.

— Бежать? Куда? Не видно ни зги. По улице босиком? Мне полчаса до метро петлять, чуть ближе до гаражей. Уж лучше лечь на кровать, как тысячу раз уже. А дома стены как нашатырь, и пиво и тёплый кот... Нарезать ломтиками имбирь, в горячее молоко — ну просто сказочный эликсир, родителям расскажи. ... Как ярко вспыхнуло. «Детский мир»? Гостиница? Гаражи? Достали, да? Обед нехорош, все камни в твой огород? Как выжить хочется. Не поймёшь, ты в мире наоборот. Нет-нет, друг дружке всё до конца, зачем иначе дружить. Попробуй новый крем для лица... Мне очень хочется жить. Пыталась властвовать над судьбой, свои узоры плести — какая чушь... Ты слышишь? Отбой!

— Прости. Я дура. Прости.

Валентин ЕМЕЛИН

Одиссея. Finale

Итак, подведём итоги.
Тернии вместо Трои.
Люто враждуют боги.
В Лету сошли герои.

Старостью на пороге
Закончились все атаки.
Оборвались дороги
На берегах Итаки.

Что же в сухом остатке?
Дом, где живут в достатке.
Сын — царь Итаки жалкой.
И Пенелопа с прялкой.

Что ей, бедной, досталось?
Киндер, кухня, и кирха? —
Мертвенная усталость,
Да соперница Кирка.

Ах, волшебница Кирка,
Та, что ведает снами —
Знаки звёздного цирка
Скажут, что будет с нами?

Будущее закатся
Предсказывать дочь Гекаты.
В чашах вина качаются
Сиреневые закаты.

Сиреновые напевы —
Селеновые отравы...
Сцилла делится слева,
Харибда скалится справа,

В бездну открыты двери.
(Только бы замолчали!)
Шаг — и конец потере,
Шаг — и конец печали.

...

Волны оплечь,
Расступитесь, доверчивые.
Муза, оплачь
Одиссея Лаэртиевича.

Дедушки пели

Дедушки пели в верховном хоре
Про однополярно устроенный мир,
Про происки НАТО, народное горе,
О том, что клистир заменяет кефир,

О родине, партии, Сталине мудром,
О том, как бездарно распался Союз,
О том, что мочиться мучительно утром,
О груди обид и о грузе обуз.

Дедушки пели в торжественном хоре
Про славу России, про восемь лет,
О синем Азовском внутреннем море,
О боге на небе, о плоской земле,

О склепах, о скрепах, тотальных запретах,
Немеркнувшей славе минувших побед,
О геях, идеях, безумных затеях,
О том, что сегодня дадут на обед.

Дедушки пели взволнованным хором
О том, что фашисты кругом и враги,
Про то, что мы всех одолеем измором,
И в море помоем свои сапоги,

О геополитике, танках и бомбе,
Патриотизме, имперском орле,
Про англосаксов, манкуртов и зомби,
Про русский мир — парадиз на земле.

Дедушки пели вполне суверенно,
В Киеве чая победный банкет,
Дедушки пели и выла сирена,
Дедушки пели под грохот ракет...

...Младенец Христос озирает из пелёнок
Пейзаж разрушений на братской войне,
А в Мариуполе плакал ребёнок,
И на руины стелился снег.

Культура

Культура? Извольте — лицом к стене.
Из широких штанин появляется парабеллум:
Сопутствующая потеря на гибридной войне
Между Хаксли и Оруэллом.

Бесы

Вьются бесы бьются бесы
Ищут по(д)лые тела
И творят по ходу пьесы
Заклинанья чёрной мессы
Чтоб вершить из-под завесы
Непотребные дела

То величием помянут
То империю сулят
То кого-то устаканят
То кого-то обнулят
То подбросят то уронят
Заморочат мать твою
И бесславно похоронят
Без креста в чужом краю

Репутация убийца
Подлый Каина венец
И не спрятаться не скрыться
Не отбиться не отмыться
Как верёвочке ни виться
Есть у сказочки конец

Ждёт законная награда
Вурдалаков упырей
Есть для них свиное стадо
Что гостям бесовским радо
И теперь с обрыва надо
Прыгать в море поскорей

Первая помощь

Западный фронт души
Снова без перемен,
Только достали вши
Повседневных измен.

Только достали сны
И ползучая ржа
Внутривенной войны
В собственных блиндажах.

Скатываясь в окоп,
Хрипло крича «ура»,
Душу свою штыком
Тычешь пошто, дурак?

Если она болит —
В рану не сыплют соль,
Значит — не инвалид,
Не фантомная боль.

Значит, ещё жива...
Рано, не умирай!
Рану зашьют слова
Рифмою через край.

Анна СТРЕМИНСКАЯ

* * *

Иди, моя Украина, наощупь, своим путём.
С одной стороны — Мордор, с другой стороны — Содом.
С одной стороны — ужас, с другой стороны — сплин.
И с кем-то сливаться в экстазе, пожалуй, уж нет причин.
Оскалена пасть Востока, объятья Запада — сон!
Куда идёшь, Украина, в пути издавая стон?!
А лучше бы было слышать иные тебе голоса:
«С одной стороны море, с другой стороны — леса.
Везде поля золотые, и небо без тьмы ракет!
Сама себе путь и песня, сама себе жизнь и свет!»

* * *

Забинтуй мне душу, сестра, неспешно,
исцели мне душу вишнёвым снегом.
Жизнь моя упала на землю решкой,
а могла орлом бы взлететь на небо!

Хмурый доктор вчера мне отрезал ноги.
Добрый доктор, прошу лишь: отрежь мне память!
Чтобы я не помнил войны дороги,
чтобы ад в аду я бы смог оставить!

Окулист, прошу, исцели мне зренье:
чтобы лишь красота посылала вести.
Чтоб я видел вишен и слив цветенье,
а не кровь и грязь, и не грузы «двести».

Подойди ко мне, я прошу, сестрица,
не корми меня ни борщом, ни хлебом...
Ты открой окно — дай весны напиться,
исцели мне душу вишнёвым снегом.

* * *

*Одиссей возвратился,
пространством и временем полный...*
О. Мандельштам

Сколько талантов зарыто в земле — она не спешит делиться —
сколько секретов, страстей и прочих других сокровищ...
Только растениям она открыла и птицам —
сколько впиталось в её чернозём неповинной крови.
Сколько оружия, амфор, роскошной посуды,
сколько монет, украшений искусной работы.
Сколько сокрытых любовей — чьих? и откуда?
в землю ушло и полито могильщиков пóтом.
Сколько безвестных легло в этот грунт, что убиты
дерзким мечом или просто чрезмерно устали.
Их имена или клички лишь травам открыты —
травы корнями касаются бронзы и стали...
Всё принимает земля — чернозём и суглинок
так же податливы, как и во дни сотворенья.
Дом твой стоит на костях скифов иль сарацинов?
Чьи различимы слова в шелестеньи и пеньи?
Всё принимает земля, а трава покрывает —
ходят по степи зелёные, пряные волны...
Кто там в земле? Одиссей ли зарыт под сараем?
Кто упокоен — и жизнью, и бременем полный?

* * *

На утлом челноке переплываем ночь.
Ночь — море Чёрное с безудержною пеной...
Ночь — это зеркало, что гонит прочь
всю ясность дня безумьем сновидений.
Но мы плывём сквозь руки и глаза
живых или ушедших, сквозь объятья,
намёки, недомолвки, голоса,
и музыку, и свадебные платья...
Мы видим кровь, разруху городов —
будь это Троя, Вавилон иль Харьков.
И видим мы низверженных богов,
и воют Парки.
Иль то поют Сирены за окном,
наш сон надсадным воем разрывая?
Но как же хорошо объатым сном
услышать голос первого трамвая!
Театр — ночь, он символами полон:
вода и кровь, сирена, бусы, лето...
Но выплывает наш убогий чёлн
и приближается к рассвету.

Предновогоднее

Только ляжешь, закроешь глаза —
что-то движется и молчит.
Это рыба светлый сазан
на тебя наплывает в ночи.
Ни к чему нам общество дур,
нам дурак ни к чему визави.
Только б рыба белый амур
нам молчала всю ночь о любви.

Сновиденья миг неповторим:
 бья хвостом в полуночный час,
 рыба ловкая белый налим
 наплывает неспешно на нас.
 Или яблоко белый налив
 с ветки в руку тебе упадёт...
 Или схваченный льдом залив,
 дом, где встретишь свой Новый Год.
 Только птица серый шахед
 зорким оком следит за тобой.
 Будь ты молод иль будь ты сед —
 кинет резко вызов на бой.
 Только птица чёрный шахед,
 прикрываясь шёлком ночным,
 принесёт тебе сотню бед:
 был твой дом — останется дым.
 Разрывая пространство сна,
 жизни ткань сжирая огнём,
 юн иль сед — унесёт она,
 зажимая в клюве своём.
 Отражаясь в ярких шарах,
 стонет мир большой и больной.
 и кружится, упрятав страх,
 этот ёлочный шар земной.

Людмила ЛУРЬЕ

* * *

Я — отраженье в зеркале, портрет,
Струящийся, волшебный, многоликий,
В пространстве оставляющий улики,
Как дым от догоревших сигарет.

Друзья в том отраженье и враги,
Война и мир, сплав нежности и страсти,
Уверенность и беспредельность власти
И тайное возмездие слуги.

В нём отраженье Млечного Пути,
Иных галактик, скрытых в чёрных дырах,
И всех, кто тихо спит в своих квартирах,
И даже тех, кто пожелал уйти.

В нём отраженье речки и коня,
Тумана, что растает на рассвете...
И я за всё, что в зеркале, в ответе,
А зеркало в ответе за меня.

Откровение

Скучно стало — ни холода, ни жары,
Пустота вокруг, как броня.
И задумал я сотворить миры,
Чтоб любили они меня.

Отпустил я всё, что внутри, вовне,
Первый свой разыграв гамбит,
Чтобы было не так одиноко мне,
Чтобы было кого любить.

Мириады душ сотворил любя,
Чтобы, нежность в себе храня,
Возлюбили ближнего, как себя,
А себя, словно часть меня.

* * *

Ты не думай что жизнь твоя коротка —
Ты бессмертен! Ты можешь прожить века
В этом теле, много веков подряд,
До того, как кончится твой заряд.

А сменил ты множество бранных тел,
Потому что сам того захотел.
Ты уже сыграл миллион ролей,
От бездомных нищих до королей.

И сценарий к ним ты придумал сам,
Жизнь твоя расписана по часам,
Я ж слежу, чтобы ты не попал в беду,
И чтоб жил со мной и с собой в ладу.

* * *

Мечтай, твори, судьбу свою верши,
Не обращай вниманья на помехи,
Позволь себе уверенность в успехе,
И следуй за велением души!
Ты сам себе защитник и судья.
Грядущих дней и лет твоих течение —
Лишь только отражение свеченья
Твоей души в палитре бытия!

* * *

Хочешь, верь в свободу и храм души,
Хочешь, в добродетель и путь Христа,
Ну, а пожелаешь достичь вершин —
Поднимайся в небо, сойдя с креста.

Становись хоть деревом над холмом,
Можешь кислой ягодой иль хурмой.
Всё равно душе твоей быть живой,
И изведать Бога в себе самой!

* * *

Ты не один, поскольку ты един
Со всем, что существует в этом мире,
Где не важны ни времена, ни мили,
Где ты идей и мыслей господин.
Ты дирижёр эмоций и страстей,
Творишь свои блаженства и мытарства,
Ты часть всего Божественного царства
И целое из тысячи частей.
Ты не один, и ты не одинок.
С тобою, за закрытыми глазами,
Тот поцелуй прощальный на вокзале,
Где память, словно преданный щенок,
Диктует неизбежность новой встречи,
А с ней любви, чей зритель — лунный лик,
И океан, спокоен и велик,
Не устаёт шептать, что дух твой вечен.

Притча

Один мудрец, не молодой, не старый,
Но знающий бессмертия секрет,
Однажды, встретив путников усталых,
Позвал их на нехитрый свой обед.

И, накормив под кроной ивы гибкой,
Спать уложил на мягком тюфяке,
А поутру нажарил свежей рыбки,
Той, что на завтрак выловил в реке.

И, дав воды и пищи на дорогу,
Он задал им всего один вопрос:
«Скажите, кто из нас приближен к Богу,
А кто ещё до Бога не дорос?»

Они стояли молча у калитки,
Не зная, что ответить мудрецу.
Тянулось время медленней улитки,
И пот уже струился по лицу.

Уже минут прошло две пары сотен,
И стала укорачиваться тень.
Мудрец сказал «Когда ответ найдёте,
Я жду вас снова в гости в тот же день.»

Они ушли, пропав в пыли дорожной.
И тот вопрос в своей душе храня.
А Бог шептал: «Ну это же безбожно!
Не уходите! Вы же часть меня.»

* * *

Молилась Вера, божия раба,
 Седую прядку отведя со лба,
 Лишь вздохом нарушая тишину,
 Молилась за себя и за страну,
 Коленьями на каменном полу,
 В церковном Божьей Матери углу.
 Крестилась неумелою рукой
 За душ, давно ушедших, упокой,
 За, в метре от родимого крыльца,
 Расстрелянного красными отца,
 За двух сестёр, отправленных в детдом,
 Хоть лица их и помнила с трудом,
 За мамку, что растила всех одна,
 За жениха, что унесла война,
 За дочку, что от голода зимой
 (Уж лучше б умереть тогда самой),
 За сыночку, что падал вниз лицом,
 Убитый в спину пьяным подлецом,
 За внука Гришу (а ведь был бы жив —
 Сам застрелился, год не дослужив)
 И за соседку Полю, что жива,
 Но жизнь в бедняжке теплится едва.
 И думала, подняв себя с колен,
 «Да будет прах ваш, милые, нетлен»
 И от усилий покраснев слегка,
 Раскрыла жалкий ротик кошелька,
 Чтоб мужу Соломону Ильичу
 Поставить поминальную свечу.
 Полвека как назвал её женой
 (Да уж недолго доживать теперь одной).
 И прошептала, стоя у дверей,
 «Ты не сердись, Бог тоже был еврей...»

Давид ПОТАШНИКОВ

Одинокий Скиталец О Вениамине Блаженном (Айзенштадте) (1921–1999)

Дуализм человеческого бытия определяется не столько общими абстрактными категориями «добро — зло», сколько более трансцендентной парой «дух — материя». В неё вмещаются все категории бытия, в том числе и добро, и зло, а самой постановкой проблемы уже обозначено специфически человеческое. Поэты в истории человечества всегда представляли собой совершенно особое, нематериальное явление. Они воплощали в себе ту энергию духа, которая, в сущности, была делегирована им человеческой массой, не знающей, «что нам делать с розовой зарёй и холодеющими небесами». Поэты, при всей их малочисленности, поддерживают динамическое равновесие материи и духа — выступая, разумеется, со стороны духа. Можно возразить, что подобная задача стоит и перед церковью. Но церковь-то эту задачу как раз материализует и приземляет, оснащая её материальными атрибутами. Она лишь поддерживает однажды обрётённый канал духовного бытия, обновляя его косметически. И только поэзия — мощный инструмент духовного познания мира — представляет реальную альтернативу и противовес познанию материальному. Разумеется, когда религия уважаема и сильна, поэзия — лишь один из источников утоления духовной жажды. Не следует недооценивать опасность крена в любую сторону, который в истории человечества не раз приводил к трагедиям и катастрофам. Иногда поэзия являлась парадоксальным противовесом напору схоластической «духовности», когда она

довлела над миром, стремясь подавить материю и разрушить её. Так было с поэзией вагантов в средневековье, но подобное случалось нечасто — если поэзия и выступала союзницей материи, то на короткое время, чтобы затем снова ей же противостоять.

Современный нам исторический период обнаружил такое жесточайшее противостояние материи и духа, какое, может быть, случилось впервые в истории человечества. Кровавый двадцатый век едва не стал апофеозом торжества материального и победы материи над духом. Нарушение равновесия всегда было чревато гибелью цивилизации. Так распалась Римская империя. Поэт приходит в мир, чтобы спасти его, уравнивая материю энергией духа. Можно даже предположить, что поэт бывает бессознательно востребован человеческим сообществом для этой цели, хотя само сообщество не подозревает об этом.

Именно в такой, выхолостившей само упоминание о духе исторической реальности, как одинокий феномен, возникла поэзия Вениамина Блаженного (Айзенштадта). На страшном нравственном переломе эпохи появился поэт, почти в одиночку несущий миссию всей русской поэзии, почти в одиночку всей своей жизнью и творчеством противостоящий угрюмому господству идеологии материализма. Это противостояние было для него естественным и органичным, поскольку в основе его была подлинная вера и спокойное, чуждое любой агрессии, неприятие мира, в котором умерщвлён дух. Поэзия Блаженного утверждала неотторжимое достоинство личности, свободной в своём выборе и настолько отважной, что она обращала свой гнев даже к Богу...

К Вениамину Михайловичу меня впервые в 1978 году привёл Гена Шарый, мой тогдашний коллега по работе в Минске. И я ему за это бесконечно благодарен. Он сказал мне: «Хочешь, я познакомлю тебя с Поэтом?» Я так и услышал от него это слово, Поэт — именно с большой буквы...

С нашей первой встречи я был заворожён стихами, прочитанными мне Вениамином Михайловичем. Их глубокий трагизм,

их внутренняя энергия и плотность были ощутимы физически. Никогда раньше не слышал я ничего похожего...

Небольшая квартира в старом доме, выдавшая виды мебель. Всюду книги — не только в комнатах, но и в прихожей, не только в книжных шкафах, но и на них тоже, завёрнутые в газеты, чтобы не пылились. Встречает меня жена поэта, Клавдия Тимофеевна, донская казачка. При нашей первой встрече она поражает меня внимательным и цепким взглядом в сочетании с искренней приветливостью и радушием. У неё протез вместо одной ноги и незаживающая трофическая язва на другой. Прошла Вторую мировую, была медсестрой на фронте. Однажды совершила там немыслимое — сожгла зашивевшее обмундирование целой роты, пока та мылась в бане, чтобы солдатам выдали новое (до этого неоднократно слала безответные запросы командованию). Обмундирование привезли. Клавдию Тимофеевну в наказание разжаловали в санитарки. Слава Богу, что не отдали под трибунал и не расстреляли — ситуация на фронте была тяжёлой. Статус медсестры ей никогда не вернули...

Сам поэт обыкновенно сидел в кресле с рукописью или книгой. Он чем-то напоминал мне, при всей внешней несхожести, Сократа — так мощно веяло от его лица спокойной уверенностью и достоинством, так внимателен и в то же время взыскателен был его взгляд... Однако стеснение моё улетучилось очень быстро — Вениамин Михайлович мгновенно располагал к себе, даже тени высокомерия в нём не было и в помине. Читал он слегка глуховатым голосом, почти монотонно — но, как это бывает у больших поэтов, чтение его немедленно завораживало особой внутренней магией, идущей из самой глубины всего его существа, живущего и дышащего одной поэзией, которая заполняла всю комнату и захлёстывала меня с головой...

Я был поражён тем, с каким жадным вниманием Вениамин Михайлович читал практически все книги стихов, которые публиковались тогда в советской печати. Даже самые, казалось бы, заурядные. И прочтя целиком чью-то книгу, он мог отложить

её в сторону, как не заслуживающую внимания, но! — порой выуживал из неё одно единственное, по его мнению, хорошее стихотворение и читал его мне с искренней радостью. Вместе с тем он был придирчив даже к своим самым любимым поэтам, и я помню, как иногда он с негодованием разносил в пух и прах какую-то неудачную строчку Маяковского, чтобы через несколько минут с неподдельным восторгом читать любимые стихи того же Маяковского, которых помнил он великое множество. Память его была феноменальной, и точно так же мог он часами читать наизусть обожаемых им Цветаеву, Ахматову, Пастернака, не говоря уже о Лермонтове и Пушкине.

Ниже — записанные мной (давно сожалею, что мало записывал) фрагменты из бесед с В. М. Айзенштадтом, его слова — курсивом:

Пушкин выше всех в гармонии стиха, даже Лермонтов кажется грубым по сравнению с ним... Только Мандельштам в этом стоит рядом с Пушкиным.

Тем не менее в другой раз о Лермонтове:

Лермонтов бесконечно выше всех пишущих и писавших, выше Блока с его раздвоенностью, выше Есенина с его ущербностью, выше Пушкина с его уступчивостью... Пушкин иногда пишет как держит кукиш в кармане; у Лермонтова нет этого, он — былинный богатырь, скальд. Поэтому и Петровского привлекал Лермонтов, о Пушкине он писать не смог бы, Пушкин был светский человек, в нём было и лукавство, и другие приметы светскости... Лермонтов — вне времени, вне среды, словно пришелец из космоса, это голос библейского звучания.

О Дмитрие Петровском я упоминаю ниже.

О Цветаевой: Марина — это забвение себя, абсолютное отрицание себя. Ахматова не могла писать так, как Цветаева — не позволя-

ла женская гордость. Но она сама мучилась этой гордостью...Путь любви — всегда самопожертвование. Иного пути нет. Цветаева умела рубить, сжигая себя, выходила обожжённой — или озарённой. Она всегда — мотив жертвенности. Ахматова видит себя, только себя. Мужчина должен её любить, боготворить... Две тайны любви. Цветаева — фонтан, брызжащий во все стороны. Ахматова — струя ледяной родниковой воды. И холод обжигает.

Вместе с тем Вениамин Михайлович боготворил и Цветаеву, и Ахматову.

В 1946 и затем в 1948 годах Вениамин Михайлович встречался с Борисом Пастернаком. Всякий раз по его приезду в Москву эти встречи не ограничивались одним визитом. Их первая встреча длилась больше четырёх часов, и Зинаида Николаевна, жена Пастернака, поражённая длительностью беседы, провожая Вениамина Михайловича, сказала ему, что на её памяти так долго у них никто не засиживался...

После каждой беседы Пастернак давал на прощание деньги молодому поэту. Айзенштадт упорно отказывался, но Пастернак не уступал. Однако Вениамин Михайлович всякий раз ухитрялся при уходе оставить деньги в доме. Всякий раз, кроме их последней встречи. Но боготворя своего кумира, ВМ так никогда и не истратил эти Деньги Пастернака — он всю жизнь хранил их как реликвию. Я эту реликвию видел...

Из воспоминаний Вениамина Михайловича:

К Пастернаку однажды пришёл Мартынов и читал свои стихи. «Все мы сейчас плохо пишем» — заметил Пастернак, когда Мартынов кончил читать.

Пастернак говорил о Библии: «Настольная книга человечества, раскрытая на все случаи жизни».

Арсений Тарковский, в ответ о Вознесенском и Евтушенко, с иронией: «А разве такие поэты существуют?» К Вознесенскому он относился прохладно, к Евтушенко — презрительно.

Пастернак, в ответ на мой вопрос о Сельвинском: «Добывает славу в приёмных ЦК»... О нём же, в другой раз: «Холодный поэт». Убийственное для мягкого Пастернака определение!

Виктор Шкловский, во время моей встречи с ним зимой 1983 года, тоже о Сельвинском: «Пытался быть поэтом». То же говорил он и об Асееве. Уничтожающая характеристика. Поэт не может быть холодным, это ему противопоказано. По свидетельству Корина, Асеев в Чистополе ответил Марине Цветаевой, дошедшей до последней степени отчаяния и пришедшей к нему за помощью: «Пошла вон!» А Марина тогда ловила консервной банкой мёртвую рыбу в Каме...

Пастернак однажды заметил в разговоре: «В Москве есть ещё один такой же сумасшедший, как Вы...» У меня всё упало внутри, словно в детской игре «вверх-вниз» — была такая игра. Я спросил: «Кто же этот сумасшедший?» Пастернак ответил: «Дмитрий Петровский» — и я возликовал, хотя ничего ему не сказал, конечно. Петровского я уже знал и любил тогда...

Вениамин Михайлович с наслаждением читал мне Дмитрия Петровского. Он переписал для меня несколько его стихотворений из книги «В гостях у Лермонтова». Вот одна из его строф, удивительная, она звучит во мне много лет:

В каюте в полночь заиграли Листа.
Под ветром мачты гнулись и скрипели.
В октаву ниже виолончелиста
О двух бортах морские волны пели.

Когда у меня тяжело на душе, эти четыре строчки возвращают мне вкус к жизни.

Вениамин Михайлович о своей встрече с Асеевым:

Он меня буквально вытолкал за дверь, выгнал из дома... Тем не менее это мне не мешает любить стихи Асеева.

Ещё несколько цитат из наших бесед:

Стихи — это волевое усилие.

Для большой поэзии это усилие должно быть каждодневным.

Без вдохновения стиха нет, но одного вдохновения недостаточно... Сологуб, сын портного и прачки — чем он создал себя, если не волей? Среды у него не было...

Если Блок — «трагический тенор эпохи», то Есенин — отрок Варфоломей. Его прозорливость первым заметил и обратил на неё внимание Леонид Мартынов. Ахматова говорила, что Есенин взял одну ноту из оркестра Блока и играет на ней. Ничего неправдоподобнее нельзя было сказать о Есенине. У него всё своё, заимствованного нет ничего — ни от Блока, ни от Клюева. Обнажённостью стиха Есенин в русской литературе сравним только с Лермонтовым...

Маяковский в своём стремлении во что бы то ни стало быть оригинальным часто оступался.

Вениамин Михайлович о своём визите к Семёну Кирсанову и неожиданной встрече с Юрием Олешей:

...Он меня не понял, не мог понять. Всё же что-то признал во мне. Был он маленького роста, коротконог и выглядел комично, когда грел у камина свои маленькие ножки... Иное дело Олеша. В его облике было

что-то величественное. Он был ладно сбит и крепко скроен, как каменная глыба. Я сидел в углу комнаты сбоку от двери, когда вошёл Олеша, и он меня не заметил сразу, обратившись к Кирсанову: «Сёма, у тебя ничего не осталось после вчерашнего?» Кирсанов взглядом указал на меня. Олеша повернулся ко мне и представился просто: «Олеша». Для меня это было потрясением — увидеть живого Олешу! Он, по-видимому, заметил моё мгновенное оцепенение, потому что спросил: «Вы меня читали?» Я прочёл ему залпом, наверное, около страницы «Зависти», с начала — «Он любил петь по утрам в клозете». Юрий Карлович поправил только одно слово. Ему было приятно слышать, что его ещё помнят, и он был искренне рад: «Олешу не забыли! Олешу читают!» И между нами сразу установились какие-то особенные, простые отношения. Он первым назвал мои стихи прекрасными — без всякого энтузиазма, впрочем, но я и не обратил тогда на его отзыв особого внимания. Одет он был крайне бедно, нищенски, но нёс на себе это ветхое рубище с огромным достоинством.

Вениамин Михайлович много рассказывал о своём детстве.

Один из страшных эпизодов врезался мне в память — это был рассказ о презираемом всей деревней лоботрясе по имени Мотька Блох, который исчез во время гражданской войны и вернулся назад комиссаром в кожанке. То, что потом случилось, как я понял, случилось не сразу, коль скоро сам поэт помнил это явно не с чужих слов. Видимо, он был мальчонкой. По словам Айзенштадта, Мотька Блох собственноручно расстрелял местного попа, попадью и пятерых детей — на глазах у жителей деревни. Для поэта то, что Мотька Блох был евреем, наполняло его стыдом, горечью и гневом. Он говорил с такой болью, что она передавалась и мне...

В детстве и юности, уже навсегда заболевший стихами, он отовсюду переписывал их — в том числе из гигантской тысячестраничной антологии русской поэзии, включавшей в себя всех поэтов Серебряного века и чудом уцелевшей в районной библиотеке, когда он учительствовал в юности (ВМ переписал

её всю!). Он рассказывал мне об этой антологии с неиссякающей любовью.

В юности Вениамин Михайлович учительствовал и бродяжил. Однажды, влюбившись в цыганку, около года кочевал с цыганским табором, и тогда им был написан чудесный цыганский цикл.

В не слишком правдивом предисловии к его последней книжке «Скитальцы духа», изданной уже после его ухода, в двухтысячном году, я прочёл, что он два десятка лет не выходил из квартиры. Это неправда. Несмотря на то, что Вениамин Михайлович страдал множеством болезней и редко покидал свой дом, мы всё же время от времени делали с ним вылазки во внешний мир — например, добирались на электричке на чёрный книжный рынок. Он располагался за городом, на лесной поляне, откуда хорошо просматривалось окружение. Это было критически важно — время от времени советская власть устраивала на рынок налёты. Тогда все продавцы до автоматизма отработанными движениями — хлоп! хлоп! хлоп! — мгновенно стребали все книги в свои рюкзаки и баулы и давали дёру во все стороны. Это было феерическое зрелище, похожее на взлёт стаи испуганных голубей... Там, на рынке, Вениамин Михайлович любовно, как драгоценность, брал в руки каждую книгу и, даже если не собирался её покупать, долго не выпускал из рук. Было видно, как ему больно расставаться с нею...

А ещё я возил его на изредка появлявшиеся в наших кинотеатрах фильмы из зарубежья. Это были, например, «Амаркорд» Феллини, по-моему, «Мefисто» Клауса Марии Брандауэра, и другие шедевры. Вениамину Михайловичу было непросто отсидеть полтора-два часа в кинозале, но он в полной мере наслаждался великой кинематографией и преображался, когда фильм его волновал...

Его личность слилась для меня с его стихами. Он нежно боготворил всё живое и — он сам говорил мне об этом — не мог убить даже мошки. Он и писал о мошках и букашках с непод-

дельной любовью, отождествляя себя с ними, чувствовал их боль, как свою, они были излюбленными персонажами его стихов, наряду с кошками и собаками:

*Боже, роди не букашкой — роди меня мошкой!
Как бы мне мошкою вольной в просторе леталось!*

Широко известно его «Моление о кошках и собаках», положенное на музыку и озвученное Еленой Камбуровой.

Его не призвали в 1941. Призывная комиссия нашла его сумасшедшим. Знакомый врач сказал ему перед тем, как Вениамин Михайлович пришёл на комиссию, что ему достаточно быть самим собой, и комиссия сочтёт его непригодным для призыва. Так и вышло. Но она отправила его в сумасшедший дом...

Впоследствии, после войны, поэта упекли в психушку ещё раз. И тогда он мог бы погибнуть — его здоровье там навсегда подорвали убийными инъекциями психотропных препаратов — если бы его немислимыми усилиями не вытащила оттуда, включив все свои связи, Клавдия Тимофеевна...

Как я уже сказал, великий поэт был начисто лишён самомнения и не считал себя выше даже самого последнего бродяги. Он называл своей сестрой Марину Цветаеву, в которой видел ту же испепеляющую жертвенность в непрестанных поисках духа.

*В моём болоте черти водятся
И нечисть всякая без счёта,
Но забредает Богородица
В моё проклятое болото...*

Вениамина Михайловича, по его собственным словам, сформировала боль:

И боль для меня — не просто боль, а мера воспитания, я создан болью — физической, нравственной, духовной.

Жизнь Вениамина Михайловича держалась на Клавдии Тимофеевне, и он ушёл вслед за ней меньше чем через месяц. В этот его последний месяц за ним преданно и самоотверженно ухаживала только одна живая душа, Ирина Захарова, с которой мы были дружны до моей эмиграции. Её я когда-то привёл к поэту, как привёл меня к нему Гена Шарый. Ирина, ангельская душа, была с ним одна в его последние минуты, хотя, пока они оба, Клавдия Тимофеевна и Вениамин Михайлович, были живы, к нему приходили многие. Я не смог прилететь из-за океана на его похороны и запомнил его только живым... Он называл себя Скитальцем Духа. Он и был им:

Не судите меня по законам железного века.

Весь я — искра огня, что искала во тьме человека.

Григорий Корин, московский поэт, вместе с Тарковским способствовал первым публикациям Вениамина Айзенштадта. Он же придумал ему псевдоним, сперва Блаженных, а впоследствии Блаженный. Как-то раз я привёз в Москву, ему и Арсению Тарковскому, рукописи Вениамина Михайловича. Григорий Корин приезжал к нему в Минск, а впоследствии поэта навещала дочь Корина и Инны Лиснянской, Елена Макарова. Она тоже тогда способствовала публикациям стихов поэта, например, в «Новом мире». Сейчас она живёт в Израиле, известна как прозаик, эссеист, историк, скульптор, педагог-искусствотерапевт и куратор художественных выставок. Она автор более сорока книг и много лет собирает свидетельства о Холокосте, и, в частности, о художественном творчестве узников концлагерей.

Арсений Тарковский и Семён Липкин при встрече с Айзенштадтом зимой 1983 года оба так определили его место в современной поэзии: Вы — лучший из живущих. И когда я несколько лет спустя встретился с Тарковским в Переделкино, передавая ему рукописи Вениамина Михайловича, он повторил мне это своё высокое мнение об Айзенштадте слово в слово...

Впервые три стихотворения Вениамина Михайловича были опубликованы в 1982 году в альманахе «День поэзии» благодаря Евгению Евтушенко. Вот одно из них, пронзительно простодушное в своей гениальности:

*Я мёртвых за разлуку не корю
И на кладбище не дрожу от страха, —
Но матери я тихо говорю,
Что снова в дырах нижняя рубаша.*

*И мать встаёт из гроба на часок,
Берёт с собой иголку и моток,
И забывает горестные даты,
И отрывает савана кусок
На старые домашние заплаты.*

Мы тогда втроем, с Клавдией Тимофеевной и самим поэтом, тихо отпраздновали эту первую публикацию. Это был долгожданный прорыв шестидесятилетнего поэта к читателю, хотя благодаря его интенсивной переписке с поэтами, которых он высоко ценил, им уже были знакомы его стихи. Сами за себя говорят приводимые ниже отрывки из адресованных поэту писем — от Арсения Тарковского, Николая Панченко, Александра Межирова, Александра Кушнера и Инны Лиснянской. Они были опубликованы в предисловии к его первой большой и составленной им самим книге «Сораспяты», вышедшей в Минске в 1995 г. благодаря Юрию Шевчуку, который дважды специально приезжал в Минск для встреч с поэтом. Белорусские писатели своего земляка тогда высокомерно игнорировали.

Дорогой Вениамин Михайлович!

Ваши стихи опять потрясли меня, как и при чтении первой посылки. Очень важная для людей книга получилась бы из Ваших стихотворений, несомненно, всеобщее признание стало бы Вашим уделом...

Стихи Ваши читаю и перечитываю. Давно уже я не радовался ничьим стихам так, как Вашим.

Искренне уважающий и любящий Ваше прекрасное, ни на кого не похожее дарование.

Арсений Тарковский

Дорогой Вениамин Михайлович!

Стихи Ваши — чудо. Как и должны быть истинные стихи. Это подарок великим, хотя и не всякому по плечу. Да и не может быть всякому. Пока это так, а Вы не в «пока» живёте, Вы высовываетесь из него во все стороны. Мир Ваш больше (в несколько раз) общепринятого, того, в котором наивный рассудок пытается спастись от бездны. И радостно за Вас, и страшно.

Спасибо Вам за Вашу жизнь, за труд этой жизни.

Николай Панченко

Глубокоуважаемый Вениамин Михайлович! Много лет я не слышал, не читал стихов такой силы и красоты, как Ваши...

Вы истинный поэт и дар Ваш прекрасен.

Спасибо Вам.

Почтительно и восхищённо.

Александр Межиров

Уважаемый Вениамин Михайлович!

Мне долгое время не удавалось сесть за Ваши стихи, прочесть их как следует: то уезжал, то всплывали какие-то неотложные дела, то приходилось читать гладкие и пустые стихи, вызывающие во мне чувство тоски и отвращения к поэзии.

К Вашим стихам это не относится, они прекрасны. Вы пишете о самом главном: о жизни, о смерти, одиночестве, детстве. Как замечательно Ваше постоянство, какой духовной силой надо обладать, чтобы не бояться возвращаться всё к тому же и писать почти теми же словами, но по-другому...

Мне особенно понравились «Воскресшие из мёртвых не брезгливы», «Божь, как хочется жить! Даже малым мышишкой», «И понял я, что

ПОЭЗИЯ

есть страна умерших», но больше всех — «Моление о кошках и собаках». Это поразительные стихи.

Александр Кушнер

Дорогой Вениамин Михайлович!

Ваша душа, т.е. Ваша поэзия, обволокла меня таким земным и вместе с тем таким запредельным воздухом, где жизнь и смерть — одно, и значит, ничего не страшно, хоть всё трагично. Ваши стихи с бродяжничеством, с их странным отношением с Господом нашим, с их Матерью и Отцом (которые становятся не только Вашими, а всемирными и надмирными) теперь меня никогда не покинут.

Инна Лиснянская

Ирина САПИР

Коричный кофе

Тучи ещё не вытеснили жемчужные облака,
лазурь безмятежна.
Лето упрямо цепляется за горные бока,
но дожди неизбежны.

Осень уже неслышно течет вдоль вен
тускнеющих листьев,
холодом пробирается в глубины бетонных стен,
и в мои мысли.

Свитера ещё сложены на дальней полке в шкафу.
Хочется плакать.
Ветра, подбираясь к окраинам, в город несут
сырость и слякоть.

Самое время разобраться в себе и решить,
что́ для меня осень:
слепащие молнии, скрученные в золотую нить,
темнота в восемь,

туман, застрявший на голых ветках, как лоскуток,
листопадная стружка,
или — уютная шаль и прозрачный дымок
над синей кружкой,

шелест страниц, открытый в ночи ноутбук,
мечты (тут я — профи!).
Мой вариант — второй. Так захотелось вдруг
коричного кофе.

Шаг

Как трудно мне даётся этот шаг
из августа в сентябрь.
Качается на тонкой ножке мак
у края лета. Я бы

взяла его с собой в сезон дождей,
хоть он увянет вскоре.
Дороги нет обратно — я уже
на стыке территорий.

Тонка, едва заметна нить межи, —
переступаю быстро.
За этой гранью крутит виражи
гонимый ветром листик,

оплакивает жухлая трава
истраченную свежесть.
Чем дальше вглубь, тем проблески тепла
и радости всё реже,

всё больше туч над копьями антенн,
заметней сеть морщинок.
Я буду пить рубиновый глинтвейн,
вдыхая жар камина,

и слушать, как размеренно скрипит
калиткой ушлый ветер.
Я свыкнусь с этой осенью, почти
забыв о давнем лете.

Но как-то, открывая старый том,
над кружкой чая с мятой,
найду случайно маковый бутон,
засушенный когда-то.

Начало сезона дождей

Приближаюсь к рубежу этого момента:
первые капли срываются с небесной грани
и, не впитываясь в фасад цементный,
скатываются по ещё сухим зданиям;

ветер вспарывает толщу эфира
и взъерошивает линию горизонта;
крыши ёжатся, антенны растопырив;
тучи висают медной ротондой;

земля пульсирует и открывает поры,
предвкушая возможность напиться вдоволь.
Я вглядываюсь в небо, распахнув шторы,
и выискиваю подходящее для строфы слово.

Я высматриваю рифмы в глубине серой.
Провода над улицей натягиваются всё туже,
словно город в ожидании напрягает нервы,
призывая ливень: «Ну скорей! Ну же!»

Я выцеживаю строки из набегающей влаги
на лист граната, озябший и блёклый.
Сознание стынет между карандашом и бумагой,
в ожидании, что дождь вот-вот застучит по стёклам.

Ноябрь

Опять вливается тревогой
ноябрь в кровь мою. Ветра
фонарные прожектора
качают хрипло над дорогой.

Струится пасмурность по стёклам
и холодком свербит в груди.
А впереди дожди, дожди...
Лавина туч, покровом блёклым

нависла низко над домами,
почти касаясь мокрых крыш.
Тягучесть сонная и тишь
законно правят вечерами.

И зажигают окна рано
уже остывшие дома.
А впереди зима, зима,
страницы длинного романа,

под пледом, при неярком свете,
дымящийся в стакане чай,
и грусть, и слезы невзначай,
и мысли о далёком лете,

и мокрые скамейки в сквере,
и мглой сокрытая луна...
Но впереди весна, весна,
и лучик солнца на портъере,

и зелень трав. Всё обратимо.
По кругу нас ведут пути.
Суметь бы только нам пройти
сквозь эту осень, эту зиму.

Гари ЛАЙТ

* * *

Глаза Габриэля Гарсия Маркеса —
«Макондо», всего лишь кофейня на выезде.
Бывает обильно-питательной трапеза,
когда интерьер стилизовано вылизан.
Уже больше века не пишут... Разжалован
полковник в баристу онлайн-профилей,
таких одиночеств змеиными жалами
приемлет на откуп семья мефистофелей.
Прожарят отменно, заварят неистово,
и первый глоток будет просто божественным.
На фоне пейзажа туманно гористого
глаза Габриэля Гарсиа тождественны
перемещениям пространств и обитателей,
ландшафтов и прочих рефренов реальности,
порой незавиден удел небожителя,
когда он исполнен в нелепой тональности.
Ни Евы снаружи, ни осень за выслугой...
Кофейня в Майами с неброскою вывеской,
а вдруг она всё же конверт ему выслала,
где адрес обратный был истинно киевским

* * *

Зимой високосного года претит
 взывать к снисхождению кариатид
 и слыть понимающим, светлым
 в порывах слепящего ветра.
 Из всех категорий простудных затей
 всё меньше желание видеть людей.
 Уютней в компании кошек,
 им легче сойти за хороших.
 Казалось бы — самое время чудес
 в космических далях, реальный прогресс.
 Но снова — орда в Украине
 вершит злодеянья «во имя»...
 Древнейший народ отомстил за погром
 тем нелюдям, кто осквернил светлый дом,
 но «всё население планеты»
 вопит — «сионистов к ответу»...
 Реалии эти — похожи на сон,
 в котором напившийся крови дракон,
 вкусив человечины свежей,
 слывёт добродушным невежей.
 Четвёртый по счёту коварен всегда,
 недобрые вести зовёт в города,
 и даже в селеньях поменьше
 вершатся постыдные вещи...
 А осенью люди пойдут выбирать,
 и тут междометию впору звучать,
 но в рамках тех самых приличий
 цветут карнавалы двуличий...

Ну да — високосен и полон примет,
но разве не глупо вывинчивать свет,
как прежде в советских подъездах,
быть стадом, стремящемся в бездну...
К чему риторический этот вопрос,
в висок — понимание метаморфоз,
а дальше как шторм после штиля,
когда станет не до идиллий...
Ничуть не поможет наличие обид
на нелюдей как вымирающий вид
и тех, кто от имени многих
морочит реальность двуногих...
Здесь каждый обязан решить для себя,
бежать грызуном от основ корабля,
ну, или презреть високосный,
что будет — предельно не просто.
А значит — есть повод остаться собой,
и как бы ни ошарашивал бой
часов и ракетных ударов...
За нами — оставлено право

* * *

Поезд уходит в днепровские дали,
 в киевском детстве хватило печали
 светлой, несмелой, почти инородной,
 ставшей истоком грусти свободной.
 И без претензий на главенство истин,
 во избежанье соблазна корысти,
 в предошущенье иных аномалий
 поезд уходит в днепровские дали.
 На пересадке, что в Перемышле,
 дети и женщины встали и вышли.
 Поезд вернётся к родным в Украину,
 туда — где разрывы, сирены и мины...
 Таких возвращений становится больше
 на всех поездах из Молдовы и Польши,
 пока ещё робко, совсем понемногу —
 триває надія на Перемогу...
 И потому без упрёка едва ли —
 поезд уходит в днепровские дали

* * *

У кота Иннокентия множество дел:
Он — философ, футбольный фанат, винодел,
политический обозреватель
и полуденных снов толкователь...
Он — эстет по призванию, в чём-то поэт,
был когда-то повесой, теперь уже нет...
Это, знаете — личное дело кота.
Ведь всегда есть одна — та, которая — та.
Иннокентий родился в чудесной стране,
той, которая гибнет сейчас на войне.
Но она победит непременно,
ведь рассвет не бывает мгновенным.
Его имя когда-то считалось другим,
кот запомнил то имя, когда находил
себе что-то поесть и согреться,
кот держал это имя под сердцем.
И когда его ранили, верил и знал,
что не всё в этом мире звериный оскал...
Руки светлых, решительных женщин
разомкнули зловещие клещи...
Не сирены с разрывами правят судьбой,
и кота увезли в тишину и покой,
изначально в волшебную Польшу,
где и воздух, и музыка тоньше...
А потом кот отправился за океан,
и такое порой выпадает котам,
когда рушатся стереотипы
и листвой покрываются липы.
Иннокентий обрёл себе имя и дом,
стал ухоженным, даже вальяжным котом,
но порой в изменившемся мире
он вздыхает, и внутренней лире
кот как будто бы даже диктует слова,
органично свои подтверждая права
толкователя снов полуденных,
обладателя разных вселенных

* * *

Кортасар вслух, аскеза сентября,
наличие означенности темы...
Ничто из двух — ни море, ни земля,
и вечный суд с пристрастием богемы.
Из недостатков измельчание пространств
не самая печальная из истин,
но если в моде слово диссонанс,
то дальше только вычурные мысли.
Сны Патагонии проносятся в Париж,
в них Киев чередуется с Чикаго,
поклон деревьев и невежливый камыш,
мажорный штамп, вершащийся во благо.
А фабула размашистым штрихом
не ладит с опостылевшею рифмой,
и то, что в горле в это время ком,
не объяснить одним гитарным грифом

* * *

Четвёртый по счёту, в начале — январен,
пронзительно дерзок, морозен и колок,
спасенье в прибрежном миру кофеварен,
в среде поэтесс, утончённых от боли наколок...
Весне календарной претят пунктуальность
и строки изысканной рифмы в размере,
дуэль — канонада на точность и дальность
не здешних и вовсе забытых уже артиллерий.
Ей выпал удел — быть предвидящей беды гречанкой,
особенно в эти нелепые дни, когда зябко и сыро,
срезают ли где-то пехоту эфирной молчанкой,
и незавершённым теряется след у предместий Каира.
Всегда неожиданно, вдруг, возникает то самое слово,
искрится напитком, таким неуместным в начале апреля,
во всех начинаньях сквозит её прихоть дрожащей основой,
когда на задворках ещё умирают январские ели...
Желание верить случается в дни мичиганских туманов,
да так не напрасно, что даже не нужно иных вариантов,
она предсказала всю тщетность строения длительных планов
за стынувшим кофе, с усталой улыбкой листая Вагантов

Андрей ГУЩИН

— КИТАЕВА ПУСТЫНЬ —

* * *

Рассветный артобстрел. Ба-бах.
А ночь пугала сумасшествием.
Крутились оголи в гробах,
Ища в изделиях отверстия.

* * *

В край малиновый, калиновый,
Непроезжий, непролазный
Я, как Авель неповинный
Или Каин буржуазный,

Заглянул: трава по пояс
Жёсткая, не то, что в песне.
Речка чистая, как совесть.
И глаза на мокром месте.

Октябрь

Я Октября последний выродок,
Чей Оруэлл вдвойне язвителен,
Но поводок безбожно короток.
Меня, конечно, извините.

Я не успел ступить на палубу
«Авроры» экстренным матросом,
Как повсеместно дали занавес
И закурили папиросы.

Китаева Пустынь

Когда в Китаево поеду
Святыни посетить живые,
Заскачут галки-непоседы,
На корки зарясь дармовые.

Зардеют дальние пещеры
И облаков нетленных мощи.
И листопад, как символ веры,
Смиренно восприимет роща.

* * *

Ничто не делится на ноль,
Но умножается.
Ты заказную бандероль
Прими, пожалуйста.

Я заведу подаркам счёт
На будущее.
Ах, осень, не лети вперёд,
Побудь ещё!

Зима

С черновиками вмиг покончено.
Всё набело. Нельзя налево.
И, если юность присмирела,
То старость до весны отсрочена.

Кто любит слякоть, пост и бдение,
А кто весёлую ангину,
И учащённое биение
Сердец, и всплеск адреналина.

* * *

Туманы над равнинами бугрятся,
И перегаром, как сапожник, дышит осень.
С земли подранок силится подняться,
И актуальна вновь винтовка Мосина.

* * *

Ударил в бубны первый снег,
А ты лежишь себе в дремоте,
И невесомый сон во сне
Едва дрожит на верхней ноте.

И вся мирская благодать,
И гуд, и звон велосипедов —
Идут со сна тебя встречать,
Гремят тарелками обедов.

* * *

Я — Миклуха угодий
И Маклай пустырей.
Мне пустырник не в помощь,
И хоть зенки залей —

Я люблю эту волю
Без свобод и надежд
С голой задницей, что ли,
С голым сердцем по-преж...

* * *

На день полчашки молока
И мёду ложка. Быть удаче!
И туча в поднебесье плачет,
Сорока на помин легка.

А ты выходишь из больниц
На божий свет, небритый жутко,
И улыбается Анятка,
И глазки опускает ниц.

Светлана ЖУКОВА

* * *

Нельзя писать болючие стихи,
потом ведь жить весь этот жуткий хит,
и не минует эта злая роль,
сочится кровь...

Как когда-то, мелькают даты,
облаков поредела вата,
вот и стала я старовата,
только где-то внутри тепло...

Но смотрю — на дворе весна-то,
и синицы поют кантаты,
и веснеет души остаток —
загорится и станет светло.

* * *

И ты собираешь слова и пытаешься петь
без слуха и голоса — всё это было... было...
А Бог помогает видеть, дышать и сметь,
расправить мнимые стрекозиные крылья.

А ты, как мозаику, складываешь слова,
подклеиваешь растрёпанной книжицы листья
и они плывут в туман, словно рыба-плотва,
блеснув чешуёю неясного смысла...

* * *

Погода то согреет, то проветрит,
Дождём польёт траву, цветы и ветви...
Всем птицам одинаково на свете
приходится к погоде привыкать.

А если хочешь в это всё поверить,
то в гнёздах окна быть должны и двери,
но птицы не умеют это делать,
а только верят в Божью благодать.

Свой выводок прикрыть замёрзшим тельцем,
не пить, не есть: хранить комочки жизней.
И снова в этот холод возвращаться,
чтобы казалось: как их жизнь легка.

И с голоском рассветного умельца,
без всякого нытья и укоризны,
они на крыльях прямо к Богу мчатся,
чтоб упросить раздвинуть облака.

На самой соловьиной ноте утро
раскачивает дня войну-тарзанку —
тревоги и молитвы. Серость жизни
давно позеленела и цветёт.

Кому-то оборваться, а кому-то
играть в войну — ломать, не строить замки.
А Бог с небес водой святою брызнет,
начнёт для новой жизни свой отсчёт.

* * *

...Вяз сорит монетками, а ветер
их подальше отправляет в путь.
Всё обычно: в городе, на свете,
лишь тревога зычно сеет жуть.

Карта переменчива, и учишь
городов родные имена,
новости о нас и не о нас,
мир вокруг испуганно-живучий.

Господи, мы пишем между строк
горести и доблести конспекты.
Вновь полощет дождь и сушат ветры,
И уроки прошлого не впрок...

* * *

Погода хмурится и прячет солнца свет,
а ветер тормозит весенние соцветья,
весна тревожна, но не лихолетье,
и не подвластна людям и войне.

* * *

А в небе стрижи и чайки,
ветви в небесной влаге,
рисуют птахи отчаянно,
на дождливой бумаге...
Но нет следов на полотнах
от крыльев почти невесомых.
За этим пологом плотным
лишь синева и солнце.

* * *

Запах апреля врывается в форточку,
запах каштанов цветущих манит,
запах акации белой... На корточках
у одуванчиков радость сидит.

Хочется петь, вспоминая, не выстрадав,
мирно-душистое наше житьё:
белой акации гроздь душистые,

трели в кустах, от любви соловьиные,
фразы до трогательности старинные,
и под сирены сирень так цветёт!

Семён ПАТЛИС

* * *

Деревья рубят, оставляя пни и плахи,
И тянут нити в тишине слепые пряжи.
Гремит оркестр, летит по кругу карусель,
Звенят бубенчики игриво на погонах
Молодцеватых предприимчивых чертей,
Что нас уводят незаметно вниз по склону.
По ходу действия меняется пейзаж:
Всё реже лес,
 всё больше пней;
 всё чаще — плахи...
Танцует лезвие, блестя при каждом взмахе.

* * *

Мадонна в траурной мантилье,
Она оплакивает тело...
Отрезал кто-то ночью крылья
Той бабочке, что не взлетела.
А, не взлетев, — и не упала,
А просто вяло шевелилась;
И кто-то крылья из металла
Ей притачал, — какая милость!

Теперь она, звеня крылами,
Порхает над июльским садом,
Над медоносными цветами
И, соблазняясь ароматом,
Слетает на цветок, чьё лоно,
Волнуя, манит сладким даром,
Цветок, ещё не опылённый,
С ещё не тронутым нектаром...
Слетает, крыльями сверкая,
И металлические грани,
На каждом взмахе, отсекают
Живые лепестки герани.
Итог трагический, — о, Боже! —
Без лепестков герань завяла...
Но кто-то лепестки ей может
Приделать, — тоже из металла.
И будет жить цветок вольготно
В саду, меж прочими цветами,
И будет бабочкам залётным
Он крылья резать лепестками.

* * *

Я хочу жить на вершине голубого небоскрёба,
Чтобы в окнах, пролетая, застревали облака,
Чтобы словно на картине — дотянись рукой потрогать —
Мир игрушечный в долине — люди, город, лес, река...

Хочешь жить со мною вместе на вершине небоскрёба?
Чтобы было нас немного на вершине — Ты да Я,
Чтобы в двери упиралась наши Млечная Дорога
И луна в окно светила вместо лампы фонаря.

И если я с той войны вернусь, —
В заплатах грудь, и душа из стали, —
Он скажет так, не скрывая грусть:
— «Зачем ты здесь?
Мы тебя не ждали.»

* * *

Катится жизнь кутерьмой суматошной,
Тратит мгновенья, как девка беспечная;
Их подбирает костлявое прошлое:
Цап! — и в архив на хранение вечное...
Там они чахнут бесплотными тенями,
Блёкнут, линяют, впадают в забвение;
И только запах былого мгновения
Ноздри щекочет нам время от времени...
Будто бы ветра порыв неожиданный
Память встряхнёт и проявит в сознании
Что-то из книги когда-то прочитанной,
Что-то из давнего воспоминания...
Тенью неясной чего-то забытого, —
Времени тайна, мгновенное чудо,
Предошущенье ещё не прожитого,
Из ничего, непонятно откуда, —
Молнией вдруг проколов настоящее,
Мысль прерывает внезапно и резко, —
Вот оно рядом, — живое, блестящее,
Будто бы рыбина бьётся на леске!

Поэтическая муха

Мои стихи мне кто-то говорит.
Слова вливаются во внутреннее ухо,
Как будто муха в голове жужжит, —
Неугомонная, назойливая муха!

Добро бы враз произносился целый стих, —
Чтоб записать в один присест и не мусолить.
Так нет же! Тянется резиной каждый штрих,
И на бумаге образуются мозоли!

То эта муха, словно муза, воспарит!
Рождая в сферах благозвучное жужжанье;
То вдруг присядет и надолго замолчит...
О, как безмолвно это долгое молчанье!

Когда забуду я и перестану ждать,
Уйдя в покой, как в костяную оболочку,
Внезапно муха пробуждается опять,
Неся на крыльях воззмутительную строчку!

Так повезло мне, что я с мухою рождён, —
Метафорической словесной повитухой...
Когда звенит она, брожу заворожён;
И люди сразу понимают, что под мухой!

Михаил ТРОЕПОЛЬСКИЙ

Над расписанием

Как шумно в круге одиночеств...
как полон поезд, что увёз
миры чужих имен и отчеств,
и звёзд рассыпанный овёс,

и жаркий вечер грубой вязки,
и жизнь, прочитанную вслух,
и мотыльков ночные пляски
над расписанием разлук...

18 апреля 2015

Мы все

Мы все идём ко дну, буквально утопая —
жратвы на пару лет, но тяжело дышать.
А умница моя, Фортуна, дрянь тупая,
ушла в небытие, чтоб типа не мешать.

Херачит по броне задраенного люка
заезжий диверсант ненашего полку,
но пальцы начеку у Виртуозов Плюка,
и где-то там, внутри гремит тройное ку!

Нам коду подавай, уставшим от прелюдий.
Но палочкой стучит и просит потерпеть
наш новый дирижёр, а мы — живые люди...
боимся проиграть. Боимся не успеть

прицельно залепить коричневым пахучим,
ответив на вопрос: «Так бить или не бить?..»,
расслабиться в сети, где мы друг друга учим —
как жить, как умирать, как родину любить.

Мы все идём ко дну в несвежем компромате,
стараясь приравнять бегущую строку
— не к компасу, увы, а всё-таки к гранате...
— не к посоху, увы, а всё-таки к штыку...

Цейлонский пленник

Щедро светило и вдруг умирает светило...
так уже было, не страшно, когда есть заправка.
Эко тебя, мой пахучий, по жизни скрутило!
— горное солнце — арест — стограммовая пачка.

Пусть на ладони сперва неживым притворишься,
белым ключом заведу родниковую воду —
ты развернёшься на дне, расцветёшь, растворишься
и, паче чаянья, снова заслужишь свободу...

катюша

Где расцветали яблоньки и грушки,
там хворый чёрт достал свои игрушки:
вдруг неба потолок на всех упал...
вдруг превратилась в пыль весны короста,
в кошмар нечеловеческого роста,
а не «в сандалик камушек попал».

На нашу боль слюну пускает проза.
Как распустилась майская угроза,
как поплыли туманы над рекой!
Сто тысяч лет «замри-умри-воскресни»,
ты ничего не выкинешь из песни
и не добавишь строчки никакой.

Горят мосты и прошлого страницы!
Раздвинуты границы психбольницы,
где, чуя смерть, танцуют на ноже!
Всё прочное ломается и рвётся,
и Кате третий год как не поётся,
и первый год не плачется уже.

Рыбачка Смерть, наследница былого,
едва жива под тяжестью улова,
почти до хаты с краю добрела.
Всё сделано уже бесповоротно,
и утро наступает неохотно
на тень степного сизого орла...

18 мая 2024

Вдох

Среды кривое колесо
 закатится в овраг.
И налетит прибой часов,
 ночей заклятый друг,
на рифы рифм, на мирный сон,
 на эти мысли вслух —
и вдруг уставится в лицо
 сладчайшая из плах!

На шею шёлковый аркан,
 словес колючий куст.
И настаёт, мой верный враг,
 черёд твоим клыкам.
Когда упавшая строка
 ударит по рукам,
когда весь мир, как тот стакан —
 наполовину пуст,

не спрашивай — зачем вперёд
 и кто б тебе помог.
Слова сшивай, дыши в блокнот,
 хоть рядом ни души.
Хоть полон рот других забот —
 пожалуйста, дыши!!!
В последнем выдохе берёт
 начало первый вдох...

* * *

Ещё вчера без задней мысли расставались,
всё было тихо на границах областей.
Ещё сегодня у причала швартовались
шаланды, полные хороших новостей.

Но человек, этот царь зверьков и птичек,
и блудный сын орангутангов и горилл,
безумный раб своих амбиций и привычек,
уйти красиво сам себя уговорил.

Звиняйте, бабочки! Прошу прощенья, рыбы.
Летайте, плавайте, коль жизнь не дорога:
кипит вода, дрожит земля и катит глыбы
на степь чумацкую дремучая тайга...

Лес одевается в защитную расцветку,
весна-зараза пахнет третьей мировой.
Летите, голуби, а я держусь за ветку,
покуда цел скворечник мой прифронтовой.
2 марта 2022

Екатерина ЧАЙКОВСКАЯ

* * *

Пальцы сжимают цветы,
Подаренные не тобой.
С кем сейчас рядом ты?
Кто сейчас рядом со мной?

Тусклый холодный вокзал,
Скомканный старый билет.
В чьих-то чужих глазах
Моей улыбки отсвет.

...Засохшая синяя веточка,
Песенка из февраля.
— Ты что-то хотела, девочка?
— Не знаю... Не помню... Не я.

* * *

Каждый день я пишу тебе письма.
То — рябиною в талом снегу,
То — веселой волной серебристой
На морском берегу.

Журавлиною стаей — по небу,
И дыханьем — в замёрзшем окне,
А июльским степным звездопадом —
В ночной тишине.

По асфальту — шальною дождейкой,
А с утра в паутинке — росой.
И в смолистых хвоинках, прилипших к ботинкам,
Узнаёшь ли ты почерк мой?

Лист бумаги — то небо, то море,
Старый лес и заброшенный сад.
И уже очень долгое время
У меня один адресат.

А чернилами — слёзы и ветер,
Дождь, улыбка и солнечный свет...
Отчего ж ты мне грустно при встрече:
«Писем нет...»

* * *

Отчего-то сон тревожный
Мне упрямо начал сниться —
Как утерянное лето
В даль с собой уносят птицы.

Где то озеро осталось,
Что играло звёздным светом
И луной мне улыбалось?
Это было. — Было лето.

И колечко из полыни,
Что на палец мне надето
Было странным человеком?
Это было. — Было лето.

А ещё кусочек моря,
Что безумно-синим цветом
По мне ночью рассыпался?
Это было. — Было лето.

И стою в тоске сентябрьской
Я с автобусным билетом.
Небо пусто. Нету солнца,
Нету звёзд. И лета — нету.

* * *

Снег на губах не тает.
А говорите — юг...
Я — и венок расставаний,
Как заколдованный круг.

Цвет облетающей вишни —
Метелью в моё тепло.
Шагов, голосов не слышно:
Всё замело.

Мокрый октябрь. У причала
Я и старуха луна.
Нет ни конца, ни начала —
Одна.

* * *

А. Б.

Белая-белая птица
С той стороны небес.
Худшее — не случится:
Ты летаешь не здесь.

Разные, разные лица
Ветер рисует в пыли —
Кто-то успел проститься,
Кого-то простить смогли.

Тихо желтеют страницы,
И на краю земли
Стынут моря твои, птица,
Сохнут твои корабли.

Кажется, это приснилось
И тает, как солнце в реке.
Всё, что могло, — случилось.
...Пёрышко в кулаке.

* * *

Тёмный замёрзший шиповник — на мертвенно-белом снегу.
Тепло — то, что есть и что было, — всё на другом берегу.
Ни цвета, ни шороха — пусто. И небо сегодня не в масть.
Бесцветное стылое время ни быть не даёт, ни пропасть.

Как брызги ушедшего лета, осколками вмерзшие в лёд,
Холодные ягоды эти снегами зима заметёт.
...Словно во сне чёрно-белом их подношу к губам...
Теплую память июля я холодам — не отдам.

* * *

Времени шаги легки
Прочь из пустоты.
Если есть твои стихи,
Значит, есть и ты.

У дрожащего ручья
Посади цветы.
Если есть твои друзья,
Значит, есть и ты.

Знай слова, что вновь и вновь
Светлы и просты.
Если есть твоя любовь,
Значит, есть и ты.

Александр ЧАЙКОВСКИЙ

Помири

Посмотри, лес расхожен —
Не кровят снегири.
Помири в стужу, Боже,
Помири.

Мы вразнос не похожи —
С век слезинки сотри.
Помири в ветер, Боже,
Помири.

И рюкзак на пол сброшен,
И скулёж у двери.
Помири в клетке, Боже,
Помири.

Ты шагнула. Я — тоже.
А вдвоём — хоть умри.
Помири чуждых, Боже,
Помири.

Море рябью по коже —
Не жалей, забери.
Помири в бурю, Боже,
Помири.

Свет от крошечных ножек —
Мне в глаза посмотри.
Помири грешных, Боже,
Помири.

Мы уйдём чуть попозже —
Скроет путь пелена.
Помири камни, Боже.
...Тишина.

Волонтёрам

Бог плохого хранит,
А хорошего — нет.
Кто-то рушит гранит.
Кто-то смотрит балет.

У кого-то — кабак.
Кто-то — бус в Яготин.
И без шансов. Никак —
Из тугих паутин.

С Драгобрата — привет.
В Индонезии — зной.
А кому-то — в кювет
На дороге шальной.

Вновь отстроенный храм
По канонам живёт.
Слава богу, не к нам
Заплевал миномёт.

Тот — над падалью грач.
Тот — играет в Пост.
Быстро камеру прячь.
Не нервируй блокпост.

Вспышкой маковый цвет
На коротком веку.
Кто-то пулей в хребет
Золотому щенку.

Безмятежно река
Отраженьем рябит.
И летит с передка
смс-ка «Убит».

Как ты?

— А как ты понимаешь дождь?

— А я его не понимаю.

Ладонью капли обнимаю,
Пока меня ты где-то ждёшь.

— А как ты ощущаешь плач?

— А я его не ощущаю.

Я нелюбим и не прощаем.
Я жертва. И чуть-чуть палач.

— А как ты отторгаешь ложь?

— А я её не отторгаю.

Я ухожу. Не убегаю.
Да ты, наверно, не поймёшь.

— А как ты слышишь тихий смех?

— А я его никак не слышу.

Он где-то там. Он где-то выше

Всех кораблей. И сосен всех.

— А как ты усмиряешь страх?

— А я его не усмиряю.

Как в детстве, под волну ныряю

В забытых сказочных мирах.

— А как ты ожидаешь смерть?

— А я её не ожидаю.

Парящих чаек наблюдаю

И брызг зелёных круговерть.

— А как ты выгружаешь сон?

— А я его не выгружаю.

Родных в плацкартном провожаю.

И остаюсь под колесом.

Позднеевечернее

Снег, как коврик, из узоров соткан.

Сшит из мириад тончайших стрел.

Мне из телевизора красotka

Шелестит про градовый обстрел.

Ты не по-домашнему сурова.

Ты о чём? В окошко бьются сны.

Там зима и сыплет сверху снова.

И чего-то хочется такого

Светлого. И чтобы без войны.

Круг

Когда пронзительная синь
Шарахнет звездопадом в глотки,
Во что мы превратимся, сын?
В траву, в сентябрь, в лоскутик лодки,

Который с кем-то, но без нас,
Волна болтает у причала...
В осенний шелест. В зимний наст.
В четвёртых нас. И всё сначала?

И вздох, и крик, и апельсин.
Любовь, стена и чьи-то дети...
Порог, пронзительная синь,
Слепой глоток. И что за этим?

Михаил ЭПШТЕЙН

Закон поэтического тяготения, или Одинокий сильный голос. О Евгении Дубнове

Начну с отрицаний. Евгений (Юджин) Дубнов (1949, Таллинн — 2019, Иерусалим) никогда не принадлежал ни к одному поэтическому сообществу, движению, группе и не называл себя никаким «измом» — просто писал стихи. Он почти не жил в России, кроме нескольких лет обучения в МГУ, и не пользовался известностью и поддержкой в русских литературных кругах. Его детство и юность прошли в Таллинне и Риге; несколько лет он учился в Лондонском университете, где окончил факультеты психологии и английской литературы; наконец, обосновался в Израиле, где преподавал английский. Стихи и прозу он писал и публиковал в многочисленных журналах на русском и английском; издал несколько поэтических сборников, в том числе два двуязычных; но остался не столько даже забытым, сколько почти неизвестным. Следуя своей жизненной траектории, он оказался на периферии обоих языковых ареалов своего творчества. А между тем у него временами прорезался сильный поэтический голос.

Чем определяется сила голоса? Это крайне трудно верифицировать — а вместе с тем это слышно по одной-двум строкам, по нескольким словам, поставленным рядом. Сила голоса не определяется громкостью слов — обычно, чем громче отдельные слова, тем больше они заглушают друг друга и саму речь. Сила голоса определяется тем, насколько далеки друг от друга по значению слова, стоящие рядом в стихах, и насколько запол-

нено звуком и смыслом пространство между ними. Чем больше пространство и чем оно наполненнее, тем сильнее голос — ему нужен такой простор, чтобы прозвучать. Отчасти сходную мысль высказал А. Блок: «Всякое стихотворение — это покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся, как звёзды, из-за них и существует стихотворение». Это верно для символистской поэзии, где выделяются отдельные сверхзначимые слова, лейтмотивы: «лиловый», «сумрак», «алый», «круг» и т.д. Но вообще в поэзии стихотворение существует не ради отдельных слов, а ради того, чтобы наполнить светом и воздухом тёмное пространство между ними, т.е. придать звук — молчанию, плотность — пустоте, или попросту — сотворить ещё один мир, подобный тому, какой был сотворён в начале времён.

Одно из стихотворений Дубнова, первое в цикле «Здесь бытие», именно об этом:

Здесь бытие шагами
Измерено в садах,
И днями и ночами
В растерянных трудах —
И вновь одна попытка
Не жизнь, не смерть, не пытка,
И замер за плечами
Творенья вечный страх.

Над бездной дух витает,
Дыхание от уст
Горит и не сгорает
Невзрачный, мёртвый куст,
И подойти отсюда
Туда, где длится чудо,
До слёз в глазах мешает
Льда кисло-сладкий хруст.

Бытие измерено в садах и трудах, за плечами — страх творения, над бездной — нестораемый куст: как далеко стоят друг от друга эти слова — и как туго набито межсловное пространство, как веет в нём библейский дух миротворения и личный опыт-страх творчества!

Теперь можно сформулировать закон поэтической гравитации. Он отчасти похож на закон всемирного тяготения, открытый Ньютоном: сила тяготения прямо пропорциональна произведению масс тел и обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними. Упростим: чем больше масса тел и чем ближе расстояние между ними, тем сильнее тяготение. Так устроена физическая вселенная. А поэтическая — наоборот: чем меньше по массе (значению) отдельные слова и чем дальше они расположены, тем сильнее тяготение между ними в поэтической вселенной. Поэзия как бы стягивает воедино то, что разбегается в расширяющемся физическом космосе.

... Всё выговорено, и нет
Для разговора слов.
Люблю литоты (скажем, «не
Совсем ещё здоров

Уже хронический больной»),
Дразнилки и стишки —
И окна...

Открывать окно
Люблю, лепить снежки.
(из цикла «У окон»)

Когда у больного не остаётся громких, однозначных слов, остаются литоты, «преуменьшения». Когда уже нельзя выйти из палаты, остаётся открывать окно, сгребать снег с карниза, лепить снежки. Всё это разрозненные мелкие детали, но в них

ощущается сильная образная тяга: недуг выражен через слова-литоты, дразнилки, снежки, стишки... Такова воздушная тяга поэзии: костёр лучше разжигать не в куче плотно сложенных сучьев — огню нужен воздушный простор.

Голос Евгения Дубнова звучит неровно, то громче, то тише, причем даже в одних и тех же стихотворениях. То сильнее начало, то конец, то середина. И вообще Дубнова лучше воспринимать не как автора произведений, подлежащих самостоятельной оценке, а именно как голос, переходящий из стихотворения в стихотворение, блуждающий, то удаляющийся до почти невнятного бормотания, то сбивающийся на ходульные фразы, то приближающийся и ясно выговаривающий в самое ухо:

Когда увидишь и оценишь взглядом
Своё лицо в окне зеркальном, дождь
Начнёт идти как будто где-то рядом,
Как шарканье изношенных подошв.
(«Когда увидишь и оценишь взглядом...»).

Здесь глубоко осмысленный перенос между тремя разными предметными рядами: я — окно — дождь. Смотришь на своё отражение в стекле — и как будто между тобой и отражением начинает идти дождь, оно туманится, струится, пропуская поток времени, отдаляющий меня от себя, внутреннего от внешнего. И я старею у себя на глазах, потому что сам взгляд на себя всегда старит, так что шум дождя начинает отзываться шарканьем изношенных подошв...

Так наполняется пространство между, казалось бы, разорванными, разрозненными словами — и мы начинаем лучше слышать то «вечное безмолвие бесконечных пространств», которое так ужасало Б. Паскаля. В этом и состоит предназначение поэзии: заполнять расширяющуюся и всё более пустеющую вселенную теми голосами, которые могут озвучить её от края до края и отзываться друг в друге.

Юрий ДИДЕНКО

Слои ада. За страх

1.

И варево смолы,
И вервие на рее, —
Родимые углы,
Укройте нас скорее!
И скрепы на запястьях
Нам милы.

О плаха на плацу! —
По крови мы близки:
Нам щекою к тебе прижиматься.
Кто не с нами,
Того нам узнать по лицу, —
И судьба его будет ужасна.

Наших сдвинутых скул
Поршни всех желваков —
Пылью слов в коррозионном железе.
Слышишь внутренний гул? —
Это сказочный мир
До скончанья веков
Катит к бездне.

2.

Таверн несмазанные двери,
Где пропивают ни за грош.
Что там, в коленной чашке Петри? —
Все пьют. Не нравится — не трожь.

...Войдя, поставят в угол трости,
Протянут руки к очагу.
Расположившись, бросят кости, —
Они расскажут, что к чему.

Зелёные, как абажуры, —
Не лица, просто миражи.
Судьбою согнуты фигуры.
Вот место есть — садись, дрожи.

Прошли и путь, и день кошмарен,
И сто углов перемогли.
В тумане дождевых испарин
Снуют окурные угли.

Придёт хозяин, крикнет дважды,
Пока похлёбку принесут,
И слугам двигаться прикажет,
Зубами рвать земли лоскут.

За страх, где совести не сыщешь.
Наматывая петли жил.
Ад станет вечен и привычен,
Не вспомнится, зачем и жил.

Заклятье

Отскакали своё, отъездили сто коней.
Обратились они, болезные, в сто камней.
Их в полях обживает белые черепа
Ядом змеевым смерть, неведома и слепа.
Из земли проникает бедами сквозь сапог.
Мёртвых мыслей сочится медленный смертный сок.
Не ходить бы тебе по камушкам в камышах,
Не лежать бы тебе в овражике не дыша.
Не чертей бы сзывать на шанежки, а гостей.
Не считать бы тебе пошагово сто смертей.

Обитатель флигеля

А недавно, а давеча заходил, делился
С нами лично
Снами Ильич.
Он себе коммунизм пригрел
В каждом срезе.
Подробно, детально,
Окончательно и фатально.

Так и есть, это я накаркал! —
Пролетая, как древний Дедал,
С бородою лохматой Карл, —
Я ещё и не то видал! —
И размахивал бородой
Где-то там, за воздушной средой.

А Ильич: вам, видать, невдомёк —
Там у всякого будет паёк!
Хлеба корочка и вода —
По итогам большого труда.

Ах как славно-то быть богату! —
Мы ему насвистели сонату,
Попадая не в каждый такт,
Потому что нетрезвы — факт...

Тут подпрыгнул весело вождь,
Предсказал нам на завтра дождь,
И вприпрыжку, как в цирк Солей,
Двинул радостно в мавзолей.
Там охрана у входа бдит:
Кто там скачет, а вдруг бандит.
Нам шутить, поди, не с руки! —
И примкнули к винтовкам штыки.

Вождь в кармане пропуск нашарил:
Всё в порядке, товарищ Шадрин?
Расписался, поставил точку. —
Раздобудьте-ка кипяточку!

Царь рабов и долгий шарфик

В каннибалическом разгуле
Ждёт царь рабов и червь богов
Из академии в кастрюле
Рагу из спёкшихся мозгов.

Свои удельные участки
Он объезжает на козе.
Та отбивает по брусчатке
Копытом азбуку мерзе.

За поворотом возле ёлки
Товарищ Шадрин, сном помят.
В его оржавленной двустволке
Свивает кокон шелкопряд.

Давно отпетые фигуры,
Куря сигары и махру,
Как ночь невидимы и хмуры,
Хотят зарю зажечь к утру.

Они в запальчивом азарте,
Оберегая свой уют,
Плетут протяжно долгий шарфик,
И в долгий ящичек суют.

Михаил БРИФ

* * *

Ты меня своей любовью излечи,
мне твои прикосновения полезны,
не способны даже лучшие врачи
объяснить мою историю болезни.
Ты меня своей любовью излечи,
подскажи, кто виноват и что же делать.
Надо мной висят дамокловы мечи —
не один, не два, а где-то восемь-девять.
Ты меня своей любовью излечи,
не хочу, поверь мне, быть тобой покинут,
высшим силам ты меня препоручи,
пусть дамокловы мечи навеки сгинут.

* * *

Недремлющий демон поёт неумолчно,
он ангел-хранитель твой.
С волками живу я и вою по-волчьи,
мне глотку саднит мой вой.
Зачем понапрасну загублены жизни?
Зачем же сердца болят?
Не сможешь сыскать в беспробудной отчизне
приветливый встречный взгляд.
Так пусть отразит безобразные тени
безумный оскал зеркал.
И снова смятенье, я снова не с теми,
кого целый век искал.

* * *

Ни любовь, ни молодость не вернуть назад,
над родными крышами ангелы летят.
Ангелы вы ангелы, дружная семья,
с вами, быстrokрылыми, полетал бы я.
Голубая кофточка, шарфик голубой,
прощевай, последняя терпкая любовь.
За собой в заоблачность ангелы зовут.
Праведные граждане долго не живут.

* * *

Снег оседает и тает,
темнота наступает вдруг.
Жизнь часто напоминает
тараканьи бега, мой друг.
Здесь, рядышком с преисподней,
промозгло и сильно сквозит.
Я думаю, мне сегодня
любовь уже не грозит.

* * *

Вот вечер. В это время суток
и сам не знаю почему,
доступны сердце и рассудок
вsepониманью моему.
Неясных, дивных свойств коренья
мне, видно, заварили в чай,
и оттого моё прозрение —
полувосторг, полупечаль.
И ни на что не претендуя,
с душою собственной в ладу,
в свирель я осторожно дую —
пусть пляшут яблони в саду.

* * *

Небо забрызгано тучами нагусто —
первый звонок торопливой осени.
Время настало прощаться с августом.
Скоро ль дождёмся блаженной просини?
Пойду без зонта на свиданье с ливнем я.
В рощу войду. Поброжу в ней. Выйду я.
Деревья вокруг до того счастливые,
что поневоле я им завидую.

* * *

Взвалил ещё одну заботу,
освоил труд бесполезный:
провёл недавнюю субботу
с душой моей, сестрой болезной.
Шли долго лесом, вышли к полю,
душа покою поражалась.
Я выпустил её на волю,
чтоб насладилась, надышалась.
Душа порхала, трепетала,
ввысь воспаряла то и дело.
Она летала и летала
и возвращаться не хотела.

Разочарованный странник

Ветер буйствует у пристани,
злобный ливень гонит к дому.
Кто я? Тот, кто внемлет пристально
звёздам, радугам и грому.
Разночтенье — наказуемо,
зря держался строгих правил.

Певчий дар непредсказуемый
нынче вновь меня оставил.
Лес гниёт вокруг, порубленный,
кладбище зато отменным
будет здесь, где жизнь погублена.
Что ж не рады переменам?
Жалок край мой увядающий,
столько лет сносил невзгоды...
Кто я? Странник, наблюдающий
отчуждение природы.

* * *

Тают блики ночные
над затихшей рекой.
Мчатся звёзды шальные,
ледяные. Покой
нам не снится. Он всюду,
незатейлив и прост.
Каботажное судно
заплутало средь звёзд.

* * *

Душное лето, снежная мгла,
ночь без просвета, день без числа,
год без надежды, жизнь без любви,
льются как прежде слёзы твои,
будешь мытарить век до конца,
ангел подарит детям отца,
душное лето, снежная мгла,
ночь без просвета, день без числа.

Возвращение

*И ничего не надобно отныне
Новопреставленной боярыне Марине...*

М. Цветаева

Окна
заперты ставнями.
Проблески солнца
слабые.
Будешь
новопреставленной
в безучастной
Елабуге.
Любовь была —
безответная.
Зря столько земель
пройдено.
Знать не знала,
не ведала,
что встретит удавкой
Родина...
Кончились
все страдания?
В церкви ль тебя
оплакали?
Близкие где же?..
Дальние
накроют землёй
в Елабуге.

Денис ГОЛУБИЦКИЙ

* * *

...И вдруг однажды все мы выбираем лишь один день в году.
Кто-то первым говорит: «День поэзии!»,
И все начинают переспрашивать друг у друга:
«Тень поэзии? Вы видели тень поэзии?».
Никто в этот день не видел её тень,
значит, не было ни солнца, ни ламп, ни фонарей
(или она бесплотна и не оставляет тени?)
значит, никто ничего не слышал, не подслушивал у дверей,
потому что если бы хоть кто-нибудь вслушался,
то понял бы, что сработало правило звонких и глухих,
а что до поэтов, то не бывает поэтов плохих,
поскольку если плохой — значит, не поэт.
Да, человеком он может быть хорошим, но если таланта нет,
то остаётся выбрать всего лишь один день в году
и праздновать его, замерев или на ходу.

Вы видели тень поэзии в день поэзии?
Ведь по тени можно восстановить саму поэзию,
И для этого вовсе необязательно что-то праздновать.
Хотя настоящие поэты, сто́ящие, твёрдо на ногах сто́ящие,
праздновать горазды вместе с теми,
кто лишь думает, что они поэты (настоящие).
Лучше всего не думать, а просто жить в состоянии поэзии,
растить её в себе и себя в ней,
чтобы ночь поэзии сменяла день поэзии,
закат поэзии сменялся её рассветом.
И говорил человек с человеком как поэт с поэтом:
А Вы знаете, сегодня день поэзии!
Но никто не знал бы точной даты.
И шли бы рядом генералы и простые солдаты,
И никакого бы не было в руках оружия, кроме пера.
Вот о чём я думаю незадолго до того,
как сегодня превратится во вчера.

* * *

Весною в пустыни Китаевской
Надеждой вытканы тропинки.
И я лечу ожог цветаевский
слезами Леси Украинки.

Чтоб примирить непримиримое,
В пустую пустынь путь проложен.
Как будто можно точной рифмою
Клинок не выпустить из ножен.

И, значит, дело в топонимике
и в языках, в кругу монашьем.
Весною, названной по имени,
На грани меж чужим и нашим.

* * *

Глас — это волны. Глаз — это сканер.
Нас наблюдают с помощью камер.
Что-то уходит ежесекундно из-под руки...
Если для детства Бог выбирает иудейские городки,
Так отчего же всюду — в Мекке и в Риме —
Плеть выжигает всякую плоть?
Так отчего же... только не ври мне! —
Есть ли надежда хоть?

Бог — это время. Время и право
Выбрать не только то, что по нраву
и осознать, что ты ошибиться мог.
Время — и есть та точка, в которой Бог.
Так отчего же всюду — в Хайфе и в Бонне —
Нас наблюдают сквозь микроскоп?
Что остается дочке-мадонне — вера или соскоб?

Время не может быть только точкой.
Станет вердиктом, ритмом, отсрочкой.
Кто-то родился в эту секунду в этой семье.

Если для детства Бог выбирает
один городок на земле,
так отчего же столько деталей, званий, сословий,
так отчего же столько условий,
множество схем и схим,
чтобы однажды стать человеком,
чтобы остаться им?

* * *

Всё лето из июня состоит
(как будто бы июль и август — орки).
Но ситец дождевых его сюит
немыслим без Тарковского и Лорки.

Доверившись Жадану и Франко,
июнь распорядился падежами,
и вылакал парное молоко
поэзии, и выплакал скрижали.

Всё лето состоит из «не могу»,
из всепреодоленья, из поэтов
ушедших, что во всём теперь в долгу
пред нами. Ни прощаний, ни обетов.

* * *

Солнце из бронзы, а время из глины.
Не совладаешь с такими часами.
Это сокровище тёти Альмины —
Как простоту объяснить чудесами.

Это возвышенность и приземлённость
Это талант обнажения сути.
Терпкая сладость, скупая солёность.
Кистью неброской рисуйте, рисуйте.

Время свои обездвижило глыбы
Лишь до поры, до предела известного.
Осень и вкус фаршированной рыбы.
Пафос воскресшего, проза воскресного.

Всё так и делится на половины —
Вот оно прочное, вот оно бренное.
Это сокровище тёти Альмины —
Незаменимое и неразменное.

Нина КОСМАН

* * *

Прошное — хватъ!
за самое сердце;
поворачивай вспять
в далёкое детство,
и пока не дойдёшь,
не поймёшь ни слова,
ни отца, ни мать
не видать, но снова
увидишь свой дом,
в нём и после тебя
жили вдвоём
счастливо ль, грустно ль,
о том мне не знать,
вслух ли, устно ль
мне б лишь повторять:
отец и мать,
отец, мать.

* * *

Мне сказано:
наивность — грех.
Но что поделать:
такою родилась.
Ведь Савл лишь тех
накажет в срок
кого не впрок
венчал успех,
и лавры были
и славословил страх;
по Савлу — грех
десницы взмах.

* * *

Девочка с веткой сирени.
Тёмная кровь из руки
капает так медленно,
что кажется, это не кровь,
а так, что-то древнее;
древнее сказок о змее,
древнее любых наук.
Стоит у входа в музей,
крылья сложил, ждёт,
Горе-Горыныч наш Змей.
— Куда прикажешь?
На Афон, на Олимп?

— Хочу поклониться Бесстрашной,
 той, что сожгли на костре
 за то, что была всех мудрей
 и птичий язык понимала,
 на закате кормила зверей,
 за то её и забрала
 тайная полиция тёмного века,
 ты помнишь, Змей?

— Как же не помнить?
 На костре так ярко горела,
 что искра попала
 в мой единственный глаз.
 Садись мне на спину.
 Кровь девственниц, говорят,
 лечит от любого недуга.
 Закапай мне в невидящий глаз.
 Ночь — светла. Сирень — помело.
 Летим, подруга!

Змей Горыныч расправляет крыло
 летит над городом и над лесом,
 девочке на нём светло,
 в руке у неё факел —
 сирени.

Так летят к горе, где давно
 ждёт сожжённая,
 от которой осталось одно —
 нет, не пепел,
 лишь тень тени.

* * *

— Боженьке ноги лизать —
не моё это дело,
хоть и служанка господня,
а уж как надоело!
Так говорила пифия
хоть на людях и звала себя «госпожой»
(впрочем, на людях бывала так редко,
что обычно говорила сама с собой.)
— О боже, — обратилась пифия
к неслышащему богу,
— вот масла, которыми омываю тебя,
вот зерно,
вот монета.
Хоть и немного,
это всё, что есть у меня,
всё, чем одарили меня те,
что приходят ко мне за пророчеством.
Возьми зерно.
Оставь монету.
Прошу:
сделай меня равнодушной, как ты!
Впервые заметив её,
Аполлон сказал одно слово,
правда, пифия его не расслышала
из-за шума листвы.

Инна РЫВКИНА

Недолговечность

Окошки были так светлы
сквозь занавески,
Впускали счастье без беды
в рассветном всплеске...

А нынче чёрные дома
стоят без стёкол,
Кричит истошно тишина
в провалах окон...

Идёт война и с ней беда,
и нет в них смысла.
И кто-то канул навсегда,
мечта зависла...

Корёжит судьбы тут и там
посланник ада,
И сны какие по ночам
ему услада?

Всё быстротечно, прах и тлен
уходят в вечность,
Верь, страшных дел чумная тень
недолговечна...

27 января 2024

Плач

Сколько друзей моих родом из Винницы,
Где зачинались слова на кириллице...
Город из древности, город из зелени,
Сколько там улиц, что солнцем устелены...
Сколько в нём парков, и мест исторических,
Сколько людей — замечательных личностей...
Боже, зачем, по какому затмению,
И по свихнувшемуся разумению
Прямо по городу, мирному, летнему
Злобно ударить ракетой смертельно...

16 июня 2023

Маятся страхи...

Маятся страхи комком леденящим,
Хрупкая плоть — уязвим человек,
Беды сигналият из сумрачной чащи,
Сколько ещё сможет выдержать век...

Сыплются войны, как веток обломки,
Ветер нещадно ломает стволы...
Господи Боже, нужна остановка,
Нужно вмешаться, во имя Земли...

Посланы ангелы, чёрный и белый,
Людам напомнить: платите долги!
Только от гари все ангелы серы,
В пепле пожарищ не видно ни зги...

Жизнь на ветру паутинкою тонкой
Вьётся, вот-вот — и прервётся навек...
Чья-то готовится впрок похоронка...
Боже! Вмешайся, чтоб жил Человек...

18 октября 2023

А что сказать...

А что сказать друзьям, живущим под войной,
Под вой сирен с постылою угрозой?
Тут все слова мои — никчемны, звук пустой...
И убеждения, что будет всё путём,
И все советы, утешенья ни при чём...
Я молча помолюсь, глотая слёзы...

9 июня 2024

Предрассветный сонет

Наступит день, и канут в Лету войны,
Рассвет прозрачным будет и бездонным,
И точно в срок зарозовеет утро,
И облако овечкой златокудрой
В окошко глянет, хмурясь и смеясь,
И вздрогнет в сердце радость, не таясь...

И день покатится легко и прочно,
Здесь всё учтётся, все дела построчно,
И возвратится жизнь к своим истокам,
Простым мечтам, усвоенным урокам,
И к памяти, где слезы на крови,
Вселенское количество любви...

И будет ночь нежна, тиха, надёжна,
Лишь досмотреть бы сон незавершённый...

22 августа 2024

Галина ИЦКОВИЧ

Конец лактации

На этот год не хватило стихов.
Под языком ни мёда, ни молока.
Я из сообщества пересохших ртов,
Грудь в бинтах и прочего морока.
На недальнем холме, рукой подать,
Возвышается ржавая мать,
Из железа стылая железа́,
А за холмом всё леса, леса
Дефицитного алактина,
Чтоб не выкормить дочь или сына.

Домоводство

I. Сахарный сироп

Остудив спозаранку тягучий сироп,
Привлекаю колибри, жиличку посадки.
Как она добралась до наших широт? —
Но ей лета остатки сладки.
Её сдувает в ближайший лесок
При порыве ветра или случайном треске,
Но если решится вонзить хоботок,
То, оставив страхи, упьётся вусмерть.

Она возвращается и вибрирует над кормушкой,
Предвкушая секундный ужин.
И станет прекрасен весь день, потому что
(Тремоло крыльев, явление феи)
Я по-другому пока не умею
Излечивать несправедливость и ужас.

II. На живую нитку

Чаще всего горюю, не подавая виду,
Но иногда рифмую — горе какое!
Раскрою на глазок, на себе наметаю
Простуду, прокол, обиду.
Пожуй-ка нитку, чтоб не зашили ум ненароком —
И не спрашивай у портняги сроков.

Пожуй-ка нитку, пока по живому шьётся
Балахон для Бедлама или звезда инородца.
Нашивается за стежком стежок.
Оставляет кровавый шлейф мой стишок.

Гадание о смерти

Кому Лубянка,
Кому лубок,
Кому лубяная избушка —
Гадай перед зеркалом. Сон глубок,
Но надо проснуться, любушка.

Спросонья, лохматая поднимись,
На сынков погадай своих, mother Русь.

Кому в болота,
Кому в луга,
Кому Лубянка,
Кому Луганск.

Наталка Over Troubled Waters*

*Sail on silver girl
Sail on by
Your time has come to shine...*

...Listen to the sounds of silence
P. Simon

А когда её ночью пытали,
Не ночь и не две,
Револьвер приставляли
к поседевшей к утру голове,
она всё просила: «Убейте! Убьёте, да?»
Назидательно ей ФСБ-шник:
«Это всё под мостом вода.
Я на мосту над бурной рекой твоей жизни.
Плыви, серебряная моя.»

(Он с детства любил пластинки папины,
Был настоящим фанатом
Из фан-клуба Саймона и Гарфанкела).
Подносили к лицу её факелы,
Соединяли контакты.
Не спасли от рока поп-ангелы.
Ах ты, Господи, вот так-то.

* Основано на реальной истории.

А как стали из города отступать,
Заминировали это своё гестапо.
Вывозили своё и чужое
В три этапа,
Наспех закапывали, не насмехались, а лютовали.
Дверь забили в бывшем школьном подвале.
Сколько она пролежала?
Почему её не искали?

Подрывали последнее, убивали, кого не могли забрать,
А она по инерции пела,
Тоненько, нежненько
Из репертуара толстого ФСБ-шника.
Но однажды, уже за пределом сознания,
Она запела: «Hello darkness, my old friend...»
Спасатели, тише ворочайте камни! —
Из подвала доносится целый концерт
Романтической старой попсы,
Обратите особо внимание,
Сымитирован даже акцент.

* * *

Меломан-ФСБ-шник был прав:
Как обещано, в памяти дыры, срам.
Стены сужаются, болевые пороги начисто смещены.
К зеркалу подходит, а там
Отражаются шрамы и звук тишины.

Дина БЕРЕЗОВСКАЯ

Песенка про течь

трубу прорвало во дворе
неведомо когда,
вся в растворённом серебре
стоячая вода —
бывает ртути тяжелей
невидимый предел
у всех разомкнутых щелей
незавершённых дел

но дней не обмелеет ход,
не порастёт былём,
пока, пульсируя, течёт
в губительный проём,
пока в проём сочится смесь
тоски и тишины,
а в ней и серебро, и медь,
и смерть растворены

* * *

что уж теперь,
если запрет говорить, дышать —
только терпеть,
максимум за руку поддержать

стиснет ладонь —
пальцы прохладны, потом теплы —
чтобы потом
руку разжать посреди толпы

бросит тебя —
каждый прохожий бери, владей! —
словно дитя
на попечение чужих людей

где-то ещё
за руку тянет его тоска,
вход воспрещён,
лампа над входом жужжит, тускла

только мечтам,
тем, что роятся в её тепле,
глупым мечтам
можно вовнутрь, а потом — тебе

* * *

Привычно, как больничное сиротство —
терпеть чудачества и сумасбродства,
слепого века, позабыв о сне.
Двуострая обида, стыд испанский...
Кроваво-кружевной, викторианский
лоскут небесный вывешен в окне.

Кто будет жить и что ещё случится,
когда на стену ртутный свет ложится —
на самый край, на северный торец —
ложится свет, какого нет в природе,
внезапный, как хирург в линиялой робе,
что к нам, не спавшим, выйдет наконец?

Вместо молитвы

Кто-то повадился чиркать в небесном айпаде,
пара штрихов — погодите с вопросами, всё потом! —
вот высыхают последние зимние вади,
переполняясь металлом и пальмовым клёкотом,
вот я сухие отвесные трогаю стены,
справа и слева, дворами-ущельями шастая,
больше не жду перемен, ни к чему перемены —
тут и накроет штриховка косая и частая...
Всё, что моими словами, годами хранимо —
слабым ли сердцем, стеной ли сухой и отвесной —
кто-то старается вымарать невосполнимо —
мой ли защитник, застенчивый цензор небесный?

* * *

Ни на что уже не годный,
этот выдуманный мной
лёгкий мостик пешеходный
над неровностью земной —

то ли высохшее русло,
то ли вымерший овраг,
где неброское искусство
прорастает просто так,

где без видимой причины,
самой веской из причин,
сотней птах неразличимых
молча дерево кричит,

и вопрос «что будет с нами
там, на дальней стороне?»
тонет в безъязыком гаме,
в воробьиной тишине.

* * *

в окне трамвая, в пасмурный денёк
ерусалим не слишком аккуратен:
любой фасад — издёвка и намёк
в переплетеньи плесени и пятен,

в сыром граффити, в утреннем дыму
запретной на платформе сигареты —
забытый шифр, не нужный никому,
в котором все вопросы и ответы,

один ответ, когда на гаражи
и гулкое нутро промзоны местной,
в урочный час ложится и дрожит
тот самый неизменный свет небесный

* * *

то малое, что остаётся —
на самой дальней из орбит,
едва блеснёт на дне колодца,
покуда камешек летит,
молчит, честней музейной глины,
сто лет не знающей воды,
забытых на краю витрины
чешуек бронзы и слюды,

то малое, что мне осталось,
невосполнимое никак,
глоток, песок,
такая малость,
что просто — разожми кулак,
след, захороненный когда-то
под слоем глины и песка,
окаменелый — от лопаты,
от лезвия и черенка...

Андрей ГРИЦМАН

ОТКАЗ ОТ СТИХОВ?

Это можно было бы назвать отказом от стихов. В голове шум от слов и метафор, от блестящих поворотов поэтического языка. Трудно стало что-то читать. Всё звучит как самодовольное нытье. А фейсбук каждый день предлагает новые шедевры (не сарказм) стихотворного творчества авторов, за которыми следил годами. Дело в том, что то, что произошло за последнее время, сдвинуло чувства (*sensibility*) в другое пространство. Другое пространство подразумевает и другой метод, другой язык. Или отказ от него. Временный или постоянный — это уж как карта ляжет. Создается ощущение, что стихи больше не выражают реальности, или нереальности, происходящего. Многие звучат как самодовольное мурлыканье. Даже такие очень разные блистательные мастера, как (умышленно пропущено!) больше не увлекают. Блестяще, но для другого времени. Реальность стала страшнее, чем то, что можно выразить русской просодией или хитроумными отсылками к вершинам русской поэзии. Наплывает (и не очень медленно) апофатический период поэзии.

Таковы наши времена, войн и катастроф, а не строф. Вне зависимости от того, как далеко находится данный автор от эпицентра событий. Живем мы в глобальном мире. Не в «русском мире», не в американском, бразильском или индонезийском, а в глобальном. Поэт находится в радиационном поле событий. Так что, это время не разбрасывать камни, а собирать камни. Поэты, в зависимости от величины таланта, и особенности эпохи, реагируют на беды по-разному.

Уолт Уитмен создал свой новый поэтический американский язык, отличный от регулярного британского стихосложения:

разговорный, размашистый верлибр. С началом страшной Гражданской войны его стих естественно вошёл в ткань времени, прямо рассказал о трагедии. Ничего изобретать не пришлось. В начале войны Уитмен говорил, что войну невозможно выразить изящными рифмами сентиментальной лирической поэзии (которая преобладала в те времена). Так появилась военная серия *Drum Taps*, которая естественно вошла в сквозную книгу *Leaves of Grass*:

«Так в молчании, в отражении мечтаний,
возвращаясь, вновь начиная, я бреду по госпиталям;
больных, раненых я успокаиваю моей щадящей рукой,»

Такой прямой, искренний рассказ был понятен и адекватен временам.

Другой подход — пауза, недоговорённость, апофатическая поэзия, которая нашла выражение в поэзии Эмили Дикинсон, никогда не говорившей прямо о событиях. Но её поэзия подспудно, подземно отразила и предвосхитила темное облако её времени и намного вперед.

«Слова, счастливым сказанные —
ничтожная мелодия
Но, выраженные в молчании,
Прекрасны —»

Величайший поэт немецкого языка Пауль Целан подошел к выражению ужасов Второй мировой войны и Холокоста по-иному. Он создал свой, другой немецкий язык, отличный от тоталитарного языка нацизма. Со временем он отошёл от своего раннего шедевра «Фуга смерти» и реконструировал язык, сделав его более сжатым, словообразующим, «апофатическим». Таким образом, он преодолел знаменитый постулат Теодора Адорно, что создавать поэзию после Освенцима — варварство.

СТОЯТЬ В ТЕНИ

Стоять в тени
воздушного шрама.

Ни для-кого-стоять-ни для-чего.
Неузнанным,
для тебя
одного.

И всё же, есть место для этого,
даже без языка.

СОЛНЦЕНИТИ

Солнценити
над серо-чёрной пустыней.
Высокодревная мысль
превращается в светотон: есть ещё
песни неспетые по ту сторону
человечества.

(перевод мой — А.Г.)

Уникален опыт Мандельштама, творчество которого пришлось, в основном, на период между двух мировых войн (а на самом деле, одной страшной войны с паузой, с перерывом). Пауза, наполненная страшным сталинским террором, убившим поэта.

Только гений был способен с такой кристальной ясностью и чистотой передать катастрофы двадцатого века, а на самом деле, предвосхитить будущие.

Опять войны разноголосица
На древних плоскогорьях мира,
И лопастью пропеллер лоснится,
Как кость точёная тапира.

«Стихи о неизвестном солдате», «Старый Крым».

Непредставимая вершина — «Воронежские тетради», предсмертная гениальная ясность выражения.

Сегодняшний поток стихотворного творчества, много сильных, резких, наотмашь! стихов, не отражает степени ужаса происходящего. В особенности, разразившуюся на нашем веку (пока что!) основную геополитическую катастрофу 21-го века — войну в Украине, в центре Европы. После всех бесполезных уроков истории 20-го века. Не закат, а распад европейской цивилизации. А мы всё об одном! Я говорю о поэтическом языке, о просодии, о степени крика. Хотя криков достаточно. О зет-«поэзии» я не говорю. Эта абберрация за пределом добра и зла. Хотя и есть там способные существа, но не об этом речь.

Каков выход — мне совсем непонятно, наверное, пока помолчать, или говорить как Эмили Дикинсон — от противного.

Что касается нашей, казалось бы, безопасной, большой и широкой Америки, она тоже на краю огромных перемен, которые уже и происходят, тектонические сдвиги в культуре и в социальном сознании — от политической борьбы до культуры «вок». Как и в последние, скажем, лет 150, Америке не удастся изолироваться и отстраниться (путем поставок оружия, денег и пустых советов) от глобальных событий украинской войны, Ближнего Востока, Центральной и Южной Америки и т.п. Современная американская поэзия, замкнутая в свою культуру элитных журналов, политически корректных университетских изданий, с её эгоцентричностью, самопсихоанализом, языковой поэзией, саморефлексией, всё больше теряет перспективу реально происходящего у нее под носом. Я не говорю о так называемой «политической поэзии», которая и ранее была поверхностной митинговой манифестацией политической лихорадки. Она далека от прямой, живой силы высказывания Уолта Уитмена или тёмного апофатического пророчества Эмили Дикинсон.

В конце пару слов о «смерти языка». Речь идёт о недавнем эссе поэта Виктора Фета о быстром уходе в небытие современ-

ного русского языка, теряющем позиции лингва франка в мире, в «русском мире». Это так, но единичный феномен рождения талантливого поэта не зависит от языка. Тому множество примеров, великих поэтов, создающих произведения на «малых» или редких языках: идиш, словенский, иврит (до развития израильской культуры) и т.п. Снова — Целан, создавший свой язык, отошедший от языка варваров; Кафка, писавший в море другого языка. «Не сравнивай. Живущий не сравним.» Поэт, конечно, является частью культуры, но с ней не тождественен.

Страшные времена. Остаётся слушать глубинный гул подземных рек культуры и истории. Читать Библию.

Елена ЗИМОВЕЦ

* * *

Белым по белому вышит небесный свод.
Только бы не споткнуться об этот сон.
Эхо играет на флейте, не зная нот,
чтобы любой был услышан и повторён.

Ладно бы сюр, но реальный вполне сюжет,
мир за кулисами быта и мелодрам.
Можно не сбыться, но это пока секрет.
Можно случиться, а как — ты придумай сам.

Этой негромкой участи не избежать.
Молча плати по счёту своей мечты.
Время поставит двойку тебе в тетрадь
за остроумную версию пустоты.

Чёрным по чёрному лягут твои слова,
тихим по тихому будет тебе ответ.
Эта вселенная в нас до того жива,
что невозможно свести её к точке «нет».

Шансы на вечность равны, а итог знаком,
розданы роли от пешки и до ферзя.
Можешь назвать это жизнью, а можешь сном.
В этой игре ни во что проиграть нельзя.

Фотосессия вечности

Ночь. Балкон. Тишина.
Две фигуры укутаны в пледы.
Полчаса до рассвета. Полбутылки до дна.
Колокольчики ветра под утлюю крышей соседа
в наше прошлое робко вплетают свои письма.

Две судьбы, две дороги, два мира таких непохожих,
мы сверяем под звёздами списки потерь и разлук.
Нам друг с другом легко быть собою — не лучше, не строже,
и не думать о том, как сжимается времени круг.

Сорок градусов в венах, и это совсем не смертельно,
сорок зим за плечами, а это уже не смешно.
Нам, по давности дружбы, полагался бы «Оскар» отдельный,
в номинации: «Самое длинное в мире кино».

Память — фотоальбом встреч, пейзажей, сюжетов.
И теперь, когда солнечный луч гасит свет фонарей,
фотосессией вечности кажутся два силуэта
в контражуре на фоне балконных дверей.

Последний кофе

Клочком обожжённой суши
в дожде, что стоял стеною,
любовь покидала душу —
твою и мою — без боя,
без стога и некролога,
оставив нам только память.
Но если всё взвесить строго, —
а что же ещё оставить,
за годы мучений с нами,
могла она напоследок?
Свой траурный профиль в раме?
С надежды посмертный слепок?

Последний кофе и точка.
Сегодня он горше хины...
В него б коньяку чуточек,
а лучше щепоть стрихнина.
Но без детективной мути
мы в город влились огромный,
друг другу — никто, по сути.
На стрелках — полжизни. Ровно.

...Толпа под дождём редела,
машин огибая реки.
Любовь покидала тело —
твоё и моё — навеки.

Воспоминание о смерти

Свет, сквозь гардины из окна,
дождь, по прозрачности стекла,
тень, от незапертых ворот,
дом, где безмолвие живёт,
след, на тропинке у крыльца,
взгляд, не запомнивший лица,
нить, в завершение витка,
вдох, у последнего глотка,
ночь, не познавшая рассвет,
грань, за которой граней нет...

* * *

Читать по звёздам, словно по губам,
любить вслепую, верить в неизбежность,
не доверять запальчивым словам
за их сиюминутную небрежность,
молчать, не нарываясь на ответ,
быть мастером незаданных вопросов,
узнать судьбы неразличимый след
на водной глади, и гадать по росам;
в кругу друзей, где жаркий спор кипит,
блеснуть умением не давать советов,
учиться, понимая суть обид,
умению прощать уже за это,
знать смысл несчастий, цену неудач,
не попрекая Небо, мир и ближних,
когда молчаньем обойдёт Всевышний
моей молитвы безутешный плач.
И быть собой — в себе, в миру — никем,
дано мне — так... неведомо зачем.

* * *

Ну, выпал день! —
подобного расклада
в кошмарном сне представить не могла —
на месте входа выросла скала,
а за спиною — пропасть водопада.
И не благодаря, а вопреки
карабкаюсь на каменную стену,
чтоб не снесло течением реки,
покуда ожидаю перемены.

Ну, выпал путь! —
за шагом шаг ступать,
срываться, начинать опять сначала,
жить без страховки и не размышлять,
что ждёт меня за этим перевалом...

А может, будь всё проще — без затей,
мне б не узнать, в чём суть преодоления,
когда вдвойне становишься сильней,
и жизнь — тропа по острию мгновенья.

Григорий ОКЛЕНДСКИЙ

Беспощадное время

До чёртиков в Чертановском пруду
Водились рыбки.
Таджи-узбеки чуяли беду
В тумане зыбком.

На Патриарших было всё, как встарь —
Пустынно, пусто.
Потухший, одинокий плыл фонарь
В прикиде грустном.

А по Тверской тащили корабли
С бурлацким стоном.
Монеты собирали на мели
И рыбок донных.

В Замоскворечье памятник стоял —
Убитым в спину.
На Спасской башне рос большой фингал.
За Украину.

В бой уходили сотни корешей
Косых сажёней,
Жизнь отдавая родине своей,
Не встав с коленей.

Стояла беспощадная зима
В полях, в траншеях.
По тонкошеим плакала тюрьма —
С петлёй на шее.

* * *

Мир суров, жесток, непрочен,
По-мужски суров — убойно.
Мир по-женски непорочен,
Я на краешке стою...

Небо — порванная скатерть.
День отвесно смотрит в пропасть.
Ночка страхами накатит,
Колыбельную спою.

По земле шагает смута.
Искорёженным металлом
Салютует небу утро.
Я на краешке стою...

В городах — полынный холод
И собаки в камуфляже.
Шар земной войной расколот,
Удержаться б на краю.

* * *

Больно... теряешь друзей
напрочь, навывлет.
Совість надёжней, верней.
Значит, забыли.
Ветер приносит с полей
запах полыни,
стоны убитых детей...
Дети невинны!
В страшных глазах матерей
горе отныне.
В мороке тусклых огней
воздух остынет.
Тени ночных фонарей —
горькая свита.
Список из бывших друзей,
пулей пробитый.
Рушатся связи быстрее
в годы разлома.
И чик-чирик воробей —
сено-солома.

* * *

Когда закончится война,
Я навещу твой дом.
Скажу, как будто ты — жена,
Как будто мы вдвоём.

Прости, что не был я с тобой
Под бомбами в те дни...
И если я не твой герой,
То сразу прогони.

Но каждой ночью, видит Бог,
Я защищал тебя,
Себя швыряя за порог
Земного бытия.

Согреть дыханием не сумел,
Не отбелить вину —
Не смог, не смог, как ни хотел,
Остановить войну.

Неприкаянное

Я давно осознал, что чужой средь берёз,
между лживых речей и надменных угроз,
где фальшивые ноты в фаворе.
Вспоминаю уютный родной уголок.
Там судьбой перечёркнутой правит злой рок,
и другие актёры и роли.

Я ничем в тех краях не бывал обделён,
не хватало свобод, но зато был резон:
все экзамены — только досрочно.
Принимали тебя по анкете... С умом
(хоть семь пядей во лбу!) не ходи напролом —
хоть колосс глинобитный, но прочный.

И однажды, вставая с огромных колен,
тот колосс проломил основание стен,
надломился и рухнул, не охнув.
Как кита, что на берег выносит волна,
оживить попытались от долгого сна...
да куда там — могучий, но дохлый.

Вечереет. Смотрю камнепад новостей,
и тоска разъедает, и сердцу больней
от колючего чувства потери.
Мир на мир не похож. Полыхает пожар,
исчезают с Земли и кибуц, и бульвар,
и горланят двуногие звери.

Баллада о примусе

Бывшие люди и сраму не имеют —
тени лежат набекрень.
Я не спеша разжигаю свой примус,
тени кладу на плетень.
Лягу на травку, а звёзды в зените —
будут ли падать? куда?
Примус угас, застрелился правитель,
в кране пропала вода.
Я философски приму эти беды —
примус особенно жаль.
Примус — в починке, кончается лето,
тени исчезли. Печаль.
Птицы вконец обнаглели — летают,
гадят в амбары, в зерно.
Ты отличишь эскадрилью от стаи?
Птица упала на дно.
Порномасштабное время сатиров —
мутные люди в цене.
Разоблачаются прямо в эфире,
чтобы вещать о войне.
Парнокопытные вмиг разбегутся —
их призовут на убой.
Самым двуногим прикажут прогнуться
под незавидной судьбой.

Я наблюдаю за ходом событий,
я починаю миры.
Стань невидимкой, бесчувственной льдинкой...
Стань человеком! Замри.

Эллайда ТРУБЕЦКАЯ

— ИЗ КНИГИ «ПРЕПАРИРУЮ ПЕЧАЛИ» —

* * *

Чем объяснить смятение горьких снов,
возникшее во мне совсем внезапно,
да так, что вовсе перестала спать?
Как рассказать, что горько повторять:
«Увижу Вас, но вот, боюсь — не завтра...»
Скорей всего, не встретимся опять.

Зачем в стране объявленных свобод
я этой осенью дышала трудно,
и ложь давила, будто тяжкий крест?
Тут выборкою интересных мест
из умных книг я занималась нудно,
и не было живой души окрест.

Когда тупой и гнусный беспредел
всевластие своё являл ночами
и не давал ни охнуть, ни вздохнуть,
враз поднималась на поверхность муть...
Но догоревшими почти свечами
я освещала в неизвестность путь.

Здесь беспокойным почерком своим
я день и ночь писать пыталась книгу...
Да вот не выходило ни черта.
А самая прекрасная черта —
людская доброта — крутила фигу,
и дверь была на волю заперта.

* * *

Препарирую печали
в хлоркой беленом халате.
Не в конце и не в начале,
в белом доме — не в палате.

Порезвилась мать-природа:
за троих меня учила,
не дворняжку без породы —
волкодава приручила.

Это мне: пронзённость слога,
среди затишья — ураганы,
очень дальняя дорога...
Джентельмены, хулиганы.

Срез — копилка зазвенела.
Срез — без крошки хлебной полки.
Срез — разбила, что имела,
и не собрала осколки.

Всё на свете испытала.
Закалила дух и тело.
А досталось мне немало:
и тонула, и горела.

Словом всех вокруг лечила.
Всё равно «Распни!» — кричали...
Что ж в итоге получила?
Препарирую печали.

* * *

Я — маска. Притворяться — мой удел.
Я вся раскрашена блестящей краской.
Я вспоминаю прошлое с опаской,
а в будущем я стану не у дел.

Я — маска. Лицедейство — ремесло.
Игра моя коварна и опасна.
Рискуя, что узнают ежечасно,
я горестно вздыхаю: — Пронесло.

Я — маска. И вершу я маскарад
среди таких же масок непонятных:
коварных, злых и просто неприятных,
что верят в рай, но попадают в ад.

Я — маска. Прикоснись — рассыплюсь в прах,
и грешная, а может быть, святая
душа моя, в иную жизнь вступая,
забьётся вдруг в спасительных руках.

* * *

О, невозможность света среди ночи!
Обидное всевластие обмана.
О, не судьба узнать тебя среди прочих,
сошедших в жизнь с холодного экрана.
О, эта предрешённая злых событий,
распад любви на горечь и утрату.
Несовершенство связей, тонкость нитей
и нежности бессмысленная трата.
Всё это — жизнь. Игра её слепая.
Хоть отвергай, хоть принимай бесстрастно...
Как жаль, что мы, сего не понимая,
пытались обмануть её напрасно.

* * *

Сильнее смерти лишь перо поэта.
В конце концов — всё обратится в прах:
замрут слова на каменных устах,
и заржавеет дуло пистолета.

Но трепет слов когда-то будет понят.
Не сможет он исчезнуть в никуда.
Уйдут в песок сады и города,
того, кто бомбу создал, и не вспомнят.

Пока наш свет зовётся белым светом
и ходит по планете род людской —
признание, награды и покой
не суждены мятущимся поэтам.

Но что им смерть и непризнанья рок
пред волшебством живущих вечно строк?

* * *

Жизнь смотрит на меня с укором:
 «Зачем себя поэтом мнишь?
 И без опаски пред позором
 на сцене гордо ты стоишь?»
 И нервно льётся свет зловещий,
 и так опасен каждый шаг,
 и душу разрывают клещи,
 и каждый в зале — лютый враг.
 Не разобраться с партитурой —
 суров к бездарностям закон...
 Внезапно над клавиатурой
 божественный восходит звон.
 И снова голос исступлённый
 в седых теряется горах.
 Поэт коленопреклонённый
 не чувствует пред смертью страх.
 И пусть гортань совсем осипла,
 и труден даже звук простой,
 но не навек печаль прилипла
 неблагозвучною строкой...
 Занесены уже в скрижали
 произнесённые слова...
 И в будущем давно признали
 на звание — Поэт — права.

Татьяна АИСТ

— ИЗ ЦИКЛА «ЯПОНИЯ ПОД СНЕГОМ» —

* * *

Порыв ветра.
В чашу для сбора дождя
Превратился мой зонтик.

* * *

Полиэтиленовый мешок
Быстрее птицы.
Это северный ветер
Отбирает жизнь у живущих
И делится ею
С безжизненным.

* * *

Не хочу отпускать это лето!
Листик слетел и остался
В моей голове.

* * *

Полчаса ходила за муравьём
Чтобы пройти расстояние
От окна до письменного стола.

* * *

Рыбы —
Птицы в океане.
Птицы —
Рыбы в облаках.

* * *

Быстро растёт бамбук,
Ещё быстрее река.
Яблоня ярко цветет,
Ярче — Луна.

* * *

Даже дождевые тучи
Не могут закрыть
Луны полнолуния.

* * *

Дождь смывает
Не все следы,
А только те,
Что готовы уйти.

* * *

Сегодняшний дождь оставляет
Миллионы колец на поверхности
Озера, увиденного месяц
Тому назад.

* * *

«Ты опять узнал меня?»
Я сказала знакомому
Незнакомому.

* * *

Почему ты не можешь забыть меня?
Потому что я —
Это ты.

* * *

Не печалься о том,
Что со мной не делил
Хлеб и кров.
Мы с тобою делили
Луну.

* * *

Конец года.
Всё родилось, созрело и умерло.
Мандарины ещё не поспели.

* * *

Обрывки жёлтого плаката
Пустили корни.
О, какие красивые одуванчики
Получились из них!

* * *

Весна.
С боку на бок ворочаюсь,
Пытаясь уснуть.
С благодарностью вспоминаю
Зимние вечера.

* * *

Все деревья голые.
Мурашки по коже
От вида свежей
Рассады в парнике.

Игорь МИХАЛЕВИЧ-КАПЛАН

ВЕЧЕР В ФИЛАДЕЛЬФИИ

Мне этот город снится по ночам.
Отметят стрелок силуэты на часах
потерянное циферблатом время.
Фигура Пенна — точильщик звёзд —
забрасывает искры в небо.
Теплеет ветер меж деревьев,
и в пригороде домики замрут
от тяжести и темноты вечерней.

Мой серый «Кольт» дрожит
в ретивых лошадиных силах,
предтечей встреч спешит
в предместье улиц синих.
Пью чёрный кофе на ходу.
В нём тает сахар в белой пене,
как ломкий лёд на Делавере.

Мне обещают развлечения
по девяносто пятому хайвею.
Летят монеты с казино реклам,
как вереница фар автомобилей.
Ковбой из Мальборо арканит
фабричную трубу,
коней пугая на скаку
прозрачным дымом никотина.
Химических заводов этажи,
как этажерки с книгами судьбы,
нацелены астрологически на небо.

В порту полусолёный берег
облизывает щёки кораблей,
качаются бакланы на ветру,
и серебристым телом под луной
изогнут мост дельфином.

И снова улиц тихий разговор,
где домики о двух столетях —
балкончики, решётки, мрамор лестниц,
газоны для собак и тени на скамейках.
Литых коней головки в ряд
оплавлены на столбиках, как свечи,
для кавалеров прошлого вязать уздечки.

Я не спешу. Мои шаги неторопливы.
Вновь близкое свидание живёт в груди.
На каждом перекрёстке — светофором впереди —
я жду зелёный трепет, как глаз горячие зрачки.
Мигает свет на красный и на жёлтый —
два чувства осени беспечной
прольют холодные дожди.
Знаком тот дом, окно, цвет теплоты и хвои.
Но всё ещё не время.
Как медленно оно к свиданию скользит...

На Южной улице толпа
шлифует камни тротуара.
Гулянье, музыка, огни,
неон рекламной пестроты,
горячие сосиски, кофе, пицца.
Народ на улице теснится —
факиры, парочки, мотоциклисты,
художники, артисты, кабаре.
Ночной базар шумит под крышей.

К таинственному подхожу лотку,
где антиквар, мой друг старинный,
бормочет голосом латыни.
Глаза, застряв в сетях морщин,
синеют пересохшей сливой,
седая борода волной
окатывает нос с горбинкой.

Старик магически, наощупь
руками трогает товар.
Торговец сей,
познавший мир вещей,
не снизит цен.
Загадочная бархатность шкатулки,
ревнивый блеск старинного кольца,
браслета цепкое объятье.
Сумел все чувства возродить
и страсти выложить на распродажу.
Бубнил, и причитал, и ворожил
на городском ночном базаре
под взором сгорбившихся фонарей.
Как грустно торговать
прикосновеньем чьих-то губ
к хрустальной синей чаше!
Конечно, помнится ему —
за три квартала от базара
чуть не разбилась эта ваза
осколками чужой судьбы.
Возможно, это было с ним?
Здесь бродят отпечатки пальцев
вдоль тонкой стали у клинка,
привезённого с гор Кастильских.
Боль обжигает тень смычка
на струнах красной скрипки,
выпрашивавшей мелочь кошелька
в окрестностях для нищих.

Знакомый мой, торговец от лотка,
познал секрет безвременного ремесла:
ничто не дорого в давно ушедшем мире!
Мы говорим с ним о погоде, ревматизме,
о ценах на старинные картины,
но иногда он шепчет безумные слова:
о времени, о жизни, о любви...
Поди, теперь проверь...
Или желание продать товар —
на старческой ладони галопом мчится
серебряный конь с откинутой головой.

Уходит в космос ещё один день.
Пульс крови любви на мгновенья разбит,
на кровле небесной посеяны чувства
и в зёрнах теплится генетика жизни.
Как хочется верить в созвездия тайны
и быть в табунах серебристых кентавров,
видеть-не видеть знакомые лица,
слышать-не слышать знакомые песни.
Время уходит, как образ любимых.
Моих друзей невидимых хранитель —
бесстрастный лунный Бог —
улыбается кругло Буддой.

Дыханием оплавлены горячие слова.
Они как улыбка твоя на губах шоколадных
и могут растаять от звуков ласково-мягких.
Или цветом тёмных ресниц
утонут на дне твоих глаз,
заблудятся в пышных каштановых волосах,
пахнущих созревающими маслинами.
Я стараюсь понять их смысл в грациозной походке,
но руки твои, как пугливые птицы,
научились улетать от меня.

Сгустятся сумерки над домом.
Желания перешагнут ограду.
Заглянет месяц в окно голубое,
ожидаая, когда ты появишься в нём,
как капли тумана на стёклах.
На камнях тротуара рисунок осени,
шаги сторожат тишину этой улицы.
Я знаю, ты слышишь их замирание.

Этот дом, как корабль, в осень закинувший сети.
В сетях — серебряный конь с откинутой головой.

Конь серебристый несёт меня от дома.
Перекрываю километры, что гонятся за нами вслед.
Среди сплошного воздуха полёта
я ощущаю нежность колыбельную к земле.
Конь серебристый выполнил мой замысел —
опередить надежды, расстояние и время.
Но в бесконечности пространства всё та же суть —
медлительно приходит и уходит час посадки.
Блаженно ожидание земли.
Мой конь устал:
желание испить воды,
галопом пролететь лугами,
поржать с кобылицей, обнявшись головами.
Конь серебристый близится к земле.
Появится она внезапно,
как будто сказочный чертёжник
стал увеличивать масштаб.
Мой город, улица, знакомый дом...
Мчится на раскрытой ладони
серебряный конь с откинутой головой.

Нити линий.
Ладоней признание — удел хиромантии.
Мне-то легко гадать.
Разве не видно надежды
в моих онемевших раскосых глазах?
Линия жизни — измерение судьбы,
как напутствие женщины.
Антикварные ценности на столе у старьёвщика
шепчут настойчиво, долго, упорно:
«Принеси эту ночь к белой постели,
растранжирь осенний запах деревьев,
собери всё тепло городских фонарей».

Мчится на раскрытой ладони
серебряный конь с откинутой головой.
Ночь подарит мне звёзды,
тысячи пригоршней звёзд.
Всё возьму у судьбы, не торгуясь.
Женщина, вечер и улицы длинный бег...
1998

Григорий ЯБЛОНСКИЙ

«Сильнее страсти, больше, чем любовь»

Вот эта песня, её текст:

«Когда простым и нежным взором
Ласкаешь ты меня, мой друг,
Необычайным цветным узором
Земля и небо вспыхивают вдруг.

Припев

Веселья час и боль разлуки
Готов делить с тобой всегда.
Давай пожмём друг другу руки
И в дальний путь на долгие года.

Мы так близки, что слов не нужно,
Чтоб повторять друг другу вновь,
Что наша нежность и наша дружба
Сильнее страсти, больше, чем любовь.

Припев

Веселья час и боль разлуки
Готов делить с тобой всегда.
Давай пожмём друг другу руки
И в дальний путь на долгие года.

Веселья час придёт к нам снова...
Вернёшься ты, и вот тогда
Тогда дадим друг другу слово,
Что будем вместе, вместе навсегда»

Иногда вторая строчка припева звучит так: «Хочу делить с тобой всегда». «Хочу» вместо «готов».

Это — песня 1930-х годов, фирменная песня Вадима Козина. Пластинка с песней была выпущена в начале 1937-го, зловещего года.

И что же это за песня? Шлягерный мусор? Поздняя отрывочка нэпа? Партийно-советское танго?

Ну да, первое моё впечатление было именно таким. Ресторанная пошлость. Песня из ряда: «Утомлённое солнце» (*«Утомлённое солнце нежно с морем прощалось...»*), «Пусть дни проходят» (*«...Я тебя немножечко ревную к заседаниям, книгам и друзьям...»*) и т.д.

Но я воздержался от окончательного суждения, почувствовав какую-то щемящую таинственность: «Сильнее страсти, больше, чем любовь».

В истории песни, представленной в Интернете, немало белых пятен. Писатель Андрей (Адольф) Шмульян всегда упоминается как автор текста. Вадим Козин в своих воспоминаниях пишет:

«Однажды, это было в 1934 году во Владивостоке, после концерта мы собрались в моём номере вместе с музыкантами, чтобы отметить мой день рождения.

И вот за рояль садится наш пианист Володя Сидоров, а рядом с ним становится с бумажкой в руке конферансье Андрей Шмульян, и они вдвоём исполнили для меня песню. Песня мне понравилась, и мне тут же вручили и текст, и ноты с музыкой этой песни в качестве подарка к моему дню рождения. В тот день мне исполнился 31 год.

Этим подарком стала знаменитая в дальнейшем песня «Дружба», которую с тех пор пою, а уж потом, значительно позже, стали петь и Шульженко, и Утёсов, и многие другие».

У Козина Шмульян — не писатель, а конферансье, написавший текст.

А вот кто автор музыки? Козин упоминает Владимира Сидорова, своего пианиста. Но на этикетке самой первой пластинки, 1937-го года, автором музыка назван Поль Марсель. Кто он?

Согласно Интернету, судьба его драматична.

Поль (Павел) Марсель, он же Русаков, он же Иоселевич, родился во Франции в 1908 году, в семье российских евреев, эмигрировавших из Ростова.

После 1917 года Русаковых выслали обратно в Россию («нежелательные элементы»).

В Советском Союзе Поль Марсель закончил консерваторию по классу фортепиано.

А в 1937 году, после выхода пластинки, он был арестован и приговорён к 10 годам. Интернет называет причину — «Кировское дело», участие в подготовке убийства товарища Кирова. Но Кировское дело раскручивалось раньше, с декабря 1934 года. И как будто бы судьба где-то свела Поля Марселя и Владимира Сидорова, где неясно...

И в результате появилась музыка, сочинённая совместно. А может быть, музыку сочинил Поль Марсель единолично и передал ноты Владимиру Сидорову. Вот этот момент абсолютно неясен, где и когда это было, до текста, после текста, вопрос... Единственно, что ясно: Поль Марсель отсидел во Вятлаге ровно 10 лет, не меньше, и вышел на свободу в 1947 году. Окончательно он был реабилитирован только в 1956 году.

По ходатайству Шостаковича ему разрешили вернуться в Ленинград. Он стал музыкальным руководителем и дирижёром Ленинградского цирка.

В чём секрет этой песни? Как завещал Эдгар По, он — на самом видном месте. Ключевая фраза припева — «И в дальний путь, на долгие года».

Это — эвфемизм «срока», понятный всем советским людям 30-х годов прошлого века*. «Срок» — лагерь или ссылка.

* Подростком я читал пьесу лауреата Сталинской премии Александра Корнейчука «В степях Украины» и смотрел спектакль по этой пьесе. Пьеса была написана до войны. По ходу пьесы арестовывали жулика — снабженца Довгоносика. Тот уходил со сцены, дурашливо крича «И в дальний путь, на долгие года».

И тогда смысл этой песни понятен. Она — о *прощании*. Прощаются двое. Одному/одной дали *срок*, он/она вернётся (возможно, но скорее всего, нет). Второй/вторая будет с надеждой ждать возвращения.

Но всё же, кто остаётся, кто уезжает? Он или Она?

«Когда простым и нежным взором, / Ласкаешь ты меня, мой друг».

«Мой друг»... В русской интеллигентной среде так было принято обращаться к жене, к любимой женщине...

Кажется, это пошло от «Что делать?» Чернышевского. Дмитрий Сергеевич Лопухов, один из мужей Веры Павловны, обращается к жене: «Да, ты теперь стала женщиной, мой друг, и то, что прежде было не нужно тебе, стало нужно теперь».

Далее. Во многих вариантах песни/текста слышим/читаем «Веселья час и боль разлуки/*Готов* делить с тобой всегда».

А дальше «Когда вернёшься ты...». Таким образом, *Она* уезжает, точнее, вынуждена уехать. *Он* остаётся, прощается.

Название песни — «Дружба». «Сильнее страсти, больше, чем любовь»... «Больше», но очевидно, что «любовь» в этой дружбе сияет, освещая её... «Необычайным цветным узором / Земля и небо вспыхивает вдруг».

Простые, золотые слова любви.

И у меня, в моём воображении невольно возникают сцены, и стоят перед глазами.

И подвёрстывается то, что я знаю об этом времени.

То тёмная московская квартира — вся в книгах... То глухой подъезд ленинградского дома, бывшего «доходного дома»...

То плохо освещённый перрон... Полумрак...

Её увозят. Лидию Чуковскую — как анархистку. Елизавету Дмитриеву, героиню самой знаменитой в русской литературе мистификации («Черубина де Габриак!»), — как «теософку». Ариадну Эфрон, дочь Цветаевой, — по ложному обвинению. Ольгу Ивинскую — это уже в 1940-х гг. — из-за близости к Пастернаку.

Рядом с Ней — Он. Связаны ли Он и Она формальными узами? Вряд ли... Но Он — всегда рядом. Он будет писать письма, без которых Ей невозможно выжить. Будет слать посылки. И ждать возвращения.

«Давай пожмём друг другу руки». Не объятия, не поцелуи... Возможно, только рукопожатия им и разрешены.

Прощание на глазах у посторонних... Кто они? Сотрудники НКВД? Конвоиры?

Так вот что такое песня «Дружба»! Отнюдь не ресторанная пошлость. Под оболочкой шлягера — трогательная весть о человеческих чувствах, верности и достоинстве, противостоящих человекоубийственной машине... «Письмо в бутылке» — послание, дошедшее до нас из страшных лет.

Понимали ли этот смысл многочисленные исполнители «Дружбы»? Скорее всего, нет. В Интернете есть разные записи, Козин и Шульженко, Кобзон и Макаревич, есть и дуэты... Песня всегда исполнялась как эстрадно-любовная, об отношениях между женщиной и мужчиной. Иногда её поют разухабисто-весело, как в фильме «Зимний вечер в Гаграх» (легко найти на Интернете).

У современных певцов и певиц часто звучит ностальгия по ресторанному танго 30-х годов прошлого века.

Но одного я не встречал — щемящей трагической ноты.

«Сильнее страсти, больше, чем любовь».

P.S. Я пришёл к такому пониманию песни «Дружба» года три тому назад. Рассказывал разным людям... Хотел написать. Посоветовался с песенным экспертом Владиславом Голубчиком, который долгое время ведёт программу «Хорошая музыка»... Он делает её с большим вкусом на Интернете. Владислав утвердил меня в моём мнении. Спасибо ему.

До писания руки дошли только в мае 2023 г. Но меня в некотором смысле опередили.

В журнал-газете «Мастерская» появилась статья Аси Крамер «И в дальний путь / На долгие года» (17 мая 2023). Она поняла —

по-своему — тайный смысл этой песни. Большой привет Асе Крамер и искренние поздравления!

Но я всё же решаюсь обнародовать свою версию. У меня есть не только согласие, но и расхождение с трактовкой Крамер. Для неё «Дружба» — это песня о случайной встрече/расставании двух друзей — заключённых/ссылных. По моему мнению, это — песня о любви между женщиной и мужчиной в страшное время репрессий. Такая дружба — сильнее страсти, больше, чем любовь, потому что она включает в себя любовь.

2023

Зоя ПОЛЕВАЯ

— ПРОЕКЦИИ ВОЙНЫ —

Сентябрь

Война, от крови пьяная,
Идёт со всех сторон.
И в царство окаянное
Плывёт, плывёт Харон.
Безрадостна, бессмысленна
Такая маета.
Закат бордовый выстроен
Подобием креста.

О Господи, о Боже наш,
Спаси и помоги!
Тьма ширится и множится,
В ней не видать ни зги.
Железо раскалённое
Терзает плоть Земли.
И крылья опалённые
Распластаны в пыли.

Сечёт, горит и мечется
Огонь, огонь, огонь.
Опомнись, человечество, —
Господнего не тронь!
Какой подарок Вечности
Незрелая душа,
Дремавшая в беспечности
Святого малыша?

Где чёрной пропастью войны
Мир сводится в нули,
Там слезы равно солони
У матери-земли.
Подсолнух во поле стоит,
Олива ль на горе,
Там украинский иль иврит, —
Там с Богом каждый говорит
В жестоком сентябре.

сентябрь 2024

* * *

Время не капризно, не каверзно, не зловеще;
Без цвета, запаха, оболочки, ядра.
Оно идёт, и в друзьях оставляет вещи,
Сны о вечном и тех, кто были с тобой вчера.

Душа же катится ртутной каплей.
Готова рассыпаться на мириады мелких шаров.
Вернётся ли снова сюда? Сложится так ли?
Скиталицей станет ли средь нездешних миров?

А там? Что творится над этой твердью,
Багрово-серой от войны и беды?
Сколько ушло туда взывать к милосердью,
Искать в жизни вечной свои следы.

Но нужно ли, стоит ли заглядывать за горизонты,
Касаться неба тёплой рукой?
Если да, — назови мне резон Твой,
Если нет, — хоть на миг успокой.
август 2024

* * *

Проходит всё через сердце.
И нужно ему быть сильным.
У сердца ж свои законы,
И слёзы — посланцы его.

Но сердце должно быть сильным.
Нужна для этого радость,
Она своей каждой каплей,
Я верю, спасает нас.

Держитесь, ищите радость,
Хватает её у Бога

Для тех, чьи горячие слёзы —
Сочувствия, света, любви.
июнь 2024

Ян ПРОБШТЕЙН

— ИЗ НОВЫХ СТИХОВ —

* * *

Бог огромных вещей
Бог безмерных миров
Безмерно далёк
А вблизи — бог траншей
бог окопов и рвов
и детей мёртвых бог.

* * *

Отчего нам всем на горе
история с фантасмагорией:
от каждого по способностям
каждого мордой об стол
и вечный мордобой
и только снится нам
покой в мордоре...

* * *

Ничего делать нельзя
и поделать ничего нельзя
ничего не поделаешь
ничего не попишешь
так что пиши пропало.

* * *

Откуда вы взяли то что взяли
Откуда вы взяли то что плохо лежало
Положим это было не вами положено
И устранили то что отстранили
Положительно предположительно
либо скорее отрицательно
предопределено
предел передела
и беспредел передела
когда нет предела беспредела
когда нет разницы
между заветом и наветом
обедом и обетом

* * *

Странствуют странно
странники не по своей воле
невольники чести
честные невольники
по разным странам
с сурком и без сурка
с царём или без царя
не взыщите но ищите
со щитом или на щите

* * *

топь да топь
кругом
всё заболочено
всё заморочено
и вьются бесы
среди болот

Слушая Айги

Научиться слушать тишину
чтобы расслышать затишье
перед бурей
март-апрель 2024

— ИЗ СТАРЫХ ТЕТРАДЕЙ. 2014–2022 —

* * *

Один ты никто, а вместе мы коллективное
бессознательное, нацеленное на выполнение
смутных желаний, самореализацию
самопожертвования и самоопределения,
чтобы в горниле горних стремлений
держаться в узде дольные дали,
грады и веси вескими доводами,
кои доведут нас до окончательной
ручки, когда указующий перст нацелен
одновременно на Восток и на Запад
и колонны строем идут верной дорогой
к светлому будущему с песней военной
за веру, царя и отечество и стайки
снегирей легкокрылых взлетают
в светлую даль, где салюты,
водомёты и пулемёты,
шутихи, шуты и блаженные
равно блазнятся благом всеобщим,
благом, гулагом и флагом
над рейхстагом, продмагом и универмагом.
2014

* * *

Нелёгкая эта работа — не бить лежачего:
совершенствуйте волю, боритесь с соблазном,
а не то остановиться трудно — мы ведь на всё горазды:
размахнись рука, раззудись нога. А вот стоячего
убивать можно по-разному.

Непростая также работа — бить лежачего,
Зато хорошо оплачиваемая.
2014

* * *

Всё — сюр и сор
в ареале наших реалий
всё в костер
пора бросать камни
которые мы не собрали
которые собрали не мы
ибо мы немые
не знаем кто мы где мы
где ад и где небо
нам бы зрелищ и хлеба
всё на потребу
и даже —
всё на продажу
2014

Миссия мессии

1.

Приветили приветиком
душным радушием
укоренённым в укоризне
то ли очей очарованье
то ли сглаз — словом с глаз
долой — воспоминанье
потом слаще на тризне
сладкоречивым потоком патоки
пялились пялились и распяли
после вынесли и вознесли
пока не вернётся мессией

Миссия мессии —
ремиссия мессии
Какова миссия —
такова и ремиссия

2.

Ждём погоды
у пагоды
пока ведро
подготовим ведро

летом готовим сани
зимой закупаем урожай
в развивающихся странах
хотя и сами с усами
а инда и с бородой
иже с ними
а Бог с нами
ну и Бог с ними

3.

Приструним на струнах
и на кимвалах налетим
десятью стервятниками
на стаю лебёдушек-молoduшек
распустим распустившихся
учредим очередь
в учредительное собрание
и восставим в назидание
скрижали о взимании дани

Марина ГЕНЧИКМАХЕР

Мальчик с дудочкой тростниковой

*Мальчик с дудочкой тростниковой,
Постарайся меня спасти!*

А. Галич

Мальчик с дудочкой тростниковой
Выглядит грустным клоуном:
Обесценено слово,
И ожившая Герника — это не Герника, — будни.
А по чёрному небу проносятся с карканьем вороны —
Им на чёрном уютней.

Мальчик с дудочкой тростниковой в Гернике не на месте.
Он поёт о ветвях акаций,
Он поёт о любви и звёздах
И о чести,
Хоть честь не в чести.
Но, малыш, не грусти:
Эта Герника станет раем,

И без дудки твоей мир, как прежде, начнёт задыхаться.
Мы с тобою опять заиграем,
Мы споём о любви и звёздах.
Ибо музыка — это воздух.

* * *

Струилась вдаль днепровская вода.
Я сотни раз входила в эту реку,
Которою варяги или греки
Вели свои суда: туда-сюда.

Я, как всегда, — что вижу, то пою,
Вплетая в строки имена великих...
Река несла фантазию мою,
Как светотень, как солнечные блики.

Всё это растворилось без следа,
Но зря ли память славится игрою?
Сегодня вновь, едва глаза закрою,
Струится вдаль днепровская вода.

* * *

Возьми на память из моих ладоней...

О. Мандельштам

Они гудят, как рой мохнатый пчёл,
Друг другом восхищаясь, споря, ссорясь,
Им кажется, что кто-то не учёл,
Как хороша рифмованная повесть,
И как блистателен блаженный дар
Лепить из света сахарные соты
Преображая солнечный нектар
В запасы мёда.
А нам достался этот сладкий мёд.

Не поцелуй — отзвук поцелуев:
Как ни мечтаешь жить напропалую,
А вязнешь в лабиринте сладких сот,
Где боль и сласть, и рифма, и размер
Подогнаны навечно. На отлично.
И ярок мир, а наш — уныло сер.
И мы — вторичны.

Пьеро

*Льются «песенки Пьеро» — от кокетливых до строгих.
Плач о смерти юнкеров — оставаться прежним мог ли
шут, поэт, артист, кумир? Шум виниловой пластинки
воскрешает прежний мир — песни старые, Вертинский.
Галья Рубина-Бадьян*

Беспощадное солнце сменяет распутица
То что было далёким, сегодня так близко...
Мой виниловый диск под иголочкой крутится,
И бессмертен Вертинский.

Светлых пятен не видно, лишь чёрные полосы;
Сердце злобные кошки карябают сталью.
Да забытый Пьеро с нежно-тающим голосом
Дарит томной печалью.

Даже пресса, привыкшая к вечным скандальчикам
Нынче всё о другом, что страшнее и горше...
Как случилось, что боль по расстрелянным мальчикам
Снова стала не прошлым?

И тоска — за иглой по дорожке виниловой
Сквозь безумие войн и огни революций...
И такие живые, такие красивые
Никогда не вернутся...

* * *

Растекись напрасною зарёю, красное напрасное пятно!
М. Цветаева

Не хочу ни подвигов, ни славы:
Призрак их за ветром мчится прочь...
Небеса безжалостно кровавы,
Словно утро предвещает ночь.

День пройдёт без новостей, и ладно.
Не спасут молитвы. Верь, не верь...
Жизнь уходит. Время — беспощадно.
Это осень постучалась в дверь.

Осень — слишком грозная соседка,
Радостные проблески редки.
Я, как будто высохшая ветка,
Берегу от ветра черенки.

Берегу... Они мне всё дороже,
Ближе сердцу... Не об этом речь:
Как ознобный холодок по коже:
Не спасу... Не хватит сил сберечь.

Ветер листья кружит у порога,
И уносит, будто в страшном сне.
Будущее больше — не дорога.
Чур меня! Оно не обо мне!

На рассвете лишь глаза открою,
Хочется опять закрыть глаза.
Злое солнце, для чего зарёю
Поутру ты мажешь небеса?

* * *

*Дни человека — как трава; как цвет полевой, так он цветёт.
Пройдёт над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его.*

Пс. 102: 15–16

Доверь себя Богу. Судьбой управляешь не ты.
Поверь и прими, что судьба предначертана свыше.
Живи, как трава, как живут полевые цветы.
Цветок же не спросит, зачем он цветёт или дышит.

Мир прост и понятен. В нём пчёлы, несущие мёд,
В нём солнечный зной и хрустально-прозрачные росы.
И травы растут и цветут от покоса к покосу,
А смерть и бессмертие... Это трава не поймёт.

Но даже покос для цветущей травинки — не крах.
Она поднимает соцветие к солнцу без страха:
Живое когда-то всегда обращается в прах.
Но те же трава и цветы прорастают из праха.

И птицы поют. И роса животворно чиста.
И жить — это просто.

Но как непроста простота!

Анна ГАЛЬБЕРШТАДТ

* * *

Саше

Смерть — великий уравнитель
сравниет всех и вся в мелкий песок
лев перед нею равен полевой мышке
гений — бездомному наркоману
которого найдут бездыханным
рядом с его тряпками и недоеденным супом
из консервной банки.
Мы созданы сидеть на вокзале
и ждать — отпуска, забеременеть,
поездки, чтобы наконец увидеть знаменитый алтарь
или пингвинов на льдине,
большой любви, книжки, которая получит успех
её прочитает мама, она же в тебя не верила,
и ещё двадцать три ценителя твоего таланта.
Дыши, пока не перекрыли кислород
воздух, даже городской, сладок
вдыхай аромат утреннего кофе
ругай погоду, кляни войну
и ненасытных вурдалаков-президентов
но помни, как сказал мне в кафе
умиравший от рака, опираясь на костыль
мой друг и учитель,
великий психиатр Дейвид Гальперин
и повтори — «Life is sweet. . .»

18 июля 2024

Маттитук

Сентябрь на острове.
Плоский песчаный пляж
прилив стального цвета.
В первых рядах партера чайки
зорко за действием следят,
чтобы поспеть к развязке.
Ветер срывает маску с лица,
не пытаясь скрыть
свой злобный нрав.
И всё же остров
создан был Главным Архитектором
таким образом, чтоб человеку было уютно
среди всех зверей и птиц.
Земля тут плодородна,
южные деревья разлаписты,
подсолнух вымахал
в рост Адама.
Дальше пейзаж меняется
вырастают дюны,
изогнутые, как пляшущие фавны,
деревья сезанновские,
гиганты-валуны,
панцирь краба-отшельника
в песке заполнен голышами.

Ева ещё не дотянулась до
плода с румяными боком.
Змей греется на солнце,
два краснохвостых ястреба
ещё не сцепились в воздухе.
Затишье — то ли перед бурей,
то ли перед войной гражданской.
Меж тем, на ферме помидоры
зреют и тыквы наливаются
оранжевым теплом.

Октябрьская элегия

Нет перемен в кануны октября
сказал поэт.
Ан нет, октябрь кровавый
как ястреб парит над истерзанными
телами еврейских красоток
девушек, так беспечно плясавших
праздновавших свободу
и радость бытия.
Не превратились в ветви руки их
как у Дафны
если б, то вырос бы кипарисов лес
на месте фестиваля.
Давайте плакальщицами оплачем
этих невинных и наивных
дочерей, прекрасных, как дочери Иова
но невезучих.
Хор борцов за справедливость и феминисток
замолк, когда их черёд пришел.
ноябрь 2023

* * *

Всему своё время или чужое время?
Время всякой вещи под небом
по которому огибают дугу дроны?
Время рождаться в госпитале под бомбами?
Время убивать — чьё это время? И кто убивает чужое время?
Время врачевать, но ведь врачуют не те, кто убивает?
Время разрушать, но кто же будет строить?
Время плакать и плакать и сетовать и проклинать
а что же со временем, когда смеяться, разве его отменили?
Плясать хорошее занятие, но кто же пляшет?
И что же случилось с прекрасными плясуньями?
А сетовать и сетовать и сетовать?
И сетовать — тут иголку заело
январь 2024

ИЗ АНТОЛОГИИ
— «ВОСХВАЛЕНИЕ БОГИНЬ» —

А что же делали боги

Когда евреев из местечек повели
в залитые солнцем леса
в Молетай, Кайшядорис и Уцянах
и им приказали рыть ямы
Медейна, богиня леса
наблюдала за происходящим в ужасе
и не могла поверить
что это наяву.
Высокие балтийские сосны
покачивались на ветру
Сауле спрятался за облаками
и глаза прикрыла прекрасными руками.

Даля, богиня, дарящая материальные блага
осталась и смотрела,
как расстреливали
и за их спинами
чтоб заглушить крики жертв,
играл на баяне и щерился
беззубый гармонист.
И она глядела на то, как юные ПТУшники
хватали одежду, которая получше
и деньги, снимали кольца и часы
с мужчин и женщин
лежащих в яме
некоторые ещё шевелились и стонали.
Один литовский активист
велел еврею-музыканту
отдать ему свою скрипку
ведь она уж точно ему не пригодится.

Тогда Даля прокляла убийц —
 три поколения их потомства
 будут страдать от депрессии, злобы, стыда
 до конца своих дней отрицать причастность к убийствам
 обвинять жертв
 лгать своим детям
 про то, откуда взялись в доме
 старинные комоды
 или фортепьяно из дуба
 с клавишами из слоновой кости
 а может быть,
 швейцарские часы с дарственной надписью
 от благодарных пациентов
 снятые с кисти еврейского доктора.

Прохожие молча наблюдали
 как в Вильнюсе, на польском, Вильно
 евреев гнали в Понары
 охранники с белыми повязками на рукаве.
 Так же, как и те
 кто молча смотрел на парад Gay Pride
 в две тысячи тринадцатом.
 Понять нельзя было, что было на уме у них
 глазевших на нас — туристов,
 студентов и переселенцев
 молодых и пожилых.

Вот так же они глазели и на евреев из гетто
на улице Страшуно
где моя бездетная тётя Алта
жила после войны,
когда их вели на смерть.
В Понарах есть яма для детей
в которой двести пятьдесят детишек
были убиты.
Богиня Лайма в ужасе пыталась спасти
нескольких женщин на сносях
но им было некуда бежать.
Когда стрельба затихла
чудом уцелевший мальчик
лет полутора,
играл на телах убитых.
Один из стрелявших взглянул на мальчика
и снял ружьё с плеча
в последний раз.

Литовские богини судьбы — семь сестёр
которые ткут и прядут нити судеб
и шьют одежду из людской жизни
были вне себя.
Гадинтоя, которая рвёт нити, и Нукирпея,
которая режет на куски ткань жизни
бросили свои ножницы на землю и зарыдали
Перкунас, Громовержец,
сидел на вершине своей высокой горы
и наблюдал за деяниями своих людей
безмолвно
со своим волшебным луком, который мечет молнии
застывшим в его руке.

Влад ТОЛМАЧЁВ

* * *

Улица немислимых палаццо.
Осень поздня, но всё равно плюс двадцать.

Под тиарой крыш почти La Scala —
Голос женский оперной закалки.

Узнаю набор протяжных арий.
Он отчизной мне давно подарен.

Вам в футляр, разошедшийся наверно,
Брошу весточку ценой в пять евро.

Мы глазами встретимся поспешно —
В этот миг завёл нас общий леший.

Как? Откуда? Паперть и ограда.
Ничего вам объяснять не надо.

Беженцы несчастного погоста.
Повезло мне в большей мере просто.

По осколкам звонкого сопрано
Генуэзцы ходят спозаранку.

Равенна

В храме Иисус не распят на безликом кресте.
Он часть созвездий — под куполом, на высоте.

Крохами выложен лик, завитками сказаний.
Он победитель, он гений небесных мозаик.

Радость в себе ощути. Безрассудно, мгновенно
В сердце твоём витражом засверкает Равенна.

Я нахожу себя в разных далёких крупичах.
Не потеряться бы и суетой не забыться.

Я ведь недаром научен навеки и смальства
Складывать острые грани обугленной смальты.

Времени мне бы побольше — я только и делаю,
Что собираю себя в единое целое.

Миг — Водолей. Если можете светом напиться,
Я в нём глотком, малой толикой, буквой, частицей.

* * *

Я в этом королевстве нищ и наг.
Моих мазков доверчивые краски
Давно не подвергаются огласке.
Следов не оставляет дерзкий шаг.

На башне замурованный глазок.
С утра трубят скрипучие засовы.
За ними мощи, спрятанные снова,
В которые поверить я не смог.

Осенний день — вина искристый миг.
Хрустит листва цветастым целлофаном.
Глотаю воздух сладкий, пряный, пьяный.
И поднимаюсь к свету, напрямик.

Я отворил калитку облаков,
Внизу оставив и столпы, и шпили.
Давно не выбираю «или-или» —
Я просто ткань плету из метких слов.

* * *

На озёрах вертится туман—
Теребят изломанные сны.
Августа единственный изъян —
Кромка неприступной белизны.

Остальное, вроде, комильфо.
Солнечное гусениц каре,
Время превратилось в телефон,
Как в давно испорченной игре.

За пределами знакомств и лиц,
На струне, натянутой едва,
Связь поверх учений и границ.
Только забываются слова.

* * *

Зимою этой не было зимы
И не хватало холода для ссадин.
Зима, я у тебя не смог взаймы
Набрать для увлечения рассады.

Узорами блистала для слюды,
Но не для кружев окон и печалей.
Не замерзали лёгкие следы
В конце, посередине и в начале.

Ты падчерица истины другой —
На антресоли снежный шар заброшен.
Ты на прощанье тающей пургой
Раскрашивала сумерки в горошек.

1709

Проснуться утром от дикого холода.
Проснуться неизмеримо рано.
Бродить по обледепевшему городу
И сочинять прелюдии для органа.

Выстукивать такты восьмушек рваных
Ещё непридуманной азбукой Морзе.
С головой окунаться в снежные ванны
И к вечеру просто замёрзнуть.

А после сидеть на обочине рая,
Перо гусиное пощипывать гордо,
По радио спутника посылая
Аккорды на Катскийские горы.

Юлия НЕМИРОВСКАЯ

* * *

Тупоносое всё в бинтах ночи лицо вождёнка
ускользает от ненависти берегами шаманов
Двое пьяны от крови а третий завоет тонко —
наконец догадался что был обманут

Где, скажи, моё золото?

в подвале бункера стирка
отмывают портки: босс мечтал о воинах юных
Во дворе лет сорок назад закопала Ирка
фантик стёклышко пуговицу со звездой
латунную

И с тех пор такое творится на этом месте
то цветок завянет то труп проступит замёрзлый
Одноклассники видят сон о Люде мёртвой невесте
НЛО идёт на контакт и докладывает что поздно

Но смотри танцуют снежные человечки
начинается новое — хоть ничего не понятно
немое кино бесцветное оглушает речь
пейзажем вспыхивают прежде слепые пятна

А горошек класть в начале или в конце? — завывает трубка
у луны сел голос — и мир пьёт воду с лица её
Мне неловко его спросить, — из другой долетает робко —
Мир конечен или всё-таки нет конца ему?

Кто-то свыше знает всё и к нему с любовью повёрнут
пятый вагон святошинской электрички
Воробьи клюют остатки чипсов проворно
щебеча

где эти счётчики

где эти ситчики?

— ИЗ MYTHICAL BEASTS —

Козлиная песнь

(τραγῳδία)

Над миром летит песнь козла — траго-эдия
Рога его — мост между зыбью и твердью
Земля встала дыбом — оскалились горы
к орлиным гнездовьям воздев коридоры
Внизу грохот вод — там проходят народы
Ковчег их потерян — завет их со смертью

Он смотрит и смотрит в ослабшее сердце
зачёркнутым глазом из серого кварца
Копытом упёрся в скалу — различая
обманщиков жалобщиков книгочеев
Вот так же Господь проникает очами
в сердца людей сквозь круглые дверцы

Иду и молю его: пусть я всё помню
Пусть он меня любит и солнце огромно
и солнце огромно но с привкусом стали
и в соли морской его флаги и снасти
Козёл безусловно он образ Христа
Рога его крест — он Отцом нам дарован

Не им ли посажен шиповник олений
Не он ли Аккада чешуйчатый гений
Не он ли скукожен в извилинах мозга
Вот он уже маг — сучковат его посох
Вот он уже принц и несут на подносах
всех подданных слёзы их жемчуг и деньги

А в остов его когда кончится битва
запрячут крик цифр перестук алфавита
Оттуда — из черепа пепла и пыли
я помню — нас вынули и сотворили
чтоб в мятной долине плясать легкокрыло
где каждый прыжок нам зачтут за молитву

Епифания: белое

Хорошо в этом парке дышать тревогою белой.
У щеки тайно веет голубь по имени гибель.
Очертанья мира вдали набросаны мелом:
океаны те же — но берега другие.

Снег всех утр-вер-снов-теплого хлеба даром,
в нём луна от солнца прячет свои осколки.
Пёс лизнул, скуля; оглянулся — хозяин рядом.
Всё же что-то не так: разве не было тут киоска?

У совы хоть перья. Как им без шкур, с вялым носом?
Хвост отсутствует; правда, сколько хочешь кормёжки.
Зиму эту зовут Епифания, — холодно-сонно.
Завести собаку? Нет, лучше белую кошку.

В лицевом стекле космонавта всегда времена года.
Мы летели в Рим, в мир — смотреть, как кричит мрамор.
И ревнивое время нам не простило долга:
стали мороком прежних людей — а были им раем.

Ожил рдяный Марс в цветной пыли диорамы —
сосны стали войском, перебирают ногами.
У груди щиты блёклых солнц, их львиные морды,
вдоль реки хруст-гомон-визг-шелестенье бумаги.

Где все книги мои: Дионисий
Тело человека
История портрета?
Это их принесли в жертву Ахейской Минерве?
Там была планета одна: её информация стёрта,
а другая светит, как воспалённый нерв.

Белое, белое — тайна, отменяющая все тайны!
Пусть растаю я, но вокруг останешься ты.
Епифания! Сумрак лица твоего подо льдом. Нестерпимо святая!
Трепеща, нательные крестики нащупывают кусты.

Виктор ФЕТ

Поиск

Ирине Бирне

Мне странно слышать, что мой стих
содержит смысл — в цветах сухих
нет ни нектара, ни пигмента:
так и стиху, как и цветку,
положен срок, когда он крепок,
но вечности пригодный слепок
не достигает до момента,
когда мой слог встаёт в строку.

Слова взаимозаменяемы,
как искры от костра и дымы,
и не имеют точных сроков;
они полны природных соков,
теряемых в минуту ту,
когда я их вручу листу
бумажному, чьи сны и силы
пускают в ход иные жилы.

Передвигая шестерни
зубец к зубцу, от шага к шагу,
слова впиваются в бумагу,
впитав волокон мозг хлопчатный,
и им немыслим ход обратный
туда, откуда бьют они,
в ту область сна или мечты,
в край ста названий пустоты.

Смысл не сидит в природе слова
и в форме буквы и значка;
он исчезает без усилий,
оставив нас дивиться звуку,
где топорщенье надкрылий
я чувствую, засунув руку
и ощущая визг улова
под белым куполом сачка.

Как энтомолог знает имя
своей добычи назубок,
я горд итогами своими,
где к каждой фразе липнет фраза
и к блоку слов подходит блок,
на мир расколотый смотря
сквозь спектр фасеточного глаза,
добытого из словаря.

Я знаю чувство недр словарных,
подобных вечности и сну,
куда я опускал блесну
сознания, стремясь привлечь
ещё не созданную речь,
лежащую на дне песков
в сплетеньи щупалец коварных,
в руинах прошлых языков.

Так есть ли смысл вообще в словах,
которые мы здесь читаем,
когда на этих островах
любой из них необитаем?
И всё, что мы возьмём с собой,
спасая с тонущего брига
через бушующий прибой,
есть ром, табак, топор и книга.
28 марта 2024

Рифма

Да, рифма есть бесценный мой пинцет,
сжимающий рифлёными концами
занозу мысли, выводя на свет
ту жизненную искру, что покуда
не найдена научными отцами
в словесной плоти мышцы и сосуда,
где букв туман встаёт передо мной —
и образ мысли, как ланцет стальной,
рассекший ткань в движении случайном,
передвигаясь, как небесный луч,
по этому листу, даёт мне ключ
к утерянным мелодиям и тайнам;
его строка послушна и упорна.
Мой слог не связан ни судьбой, ни сроком,
ни памятью; я переполнен соком
волшебных рифм, разломанный гранат
действительности разобрав на зёрна;
они во мне сверкают и горят.

8 сентября 2024

Острова

Среди ночи, среди дня
слово смотрит на меня
из ушедшего былого;
посредине океана
мирового, цифрового
сквозь обёртку целлофана
вижу мутные слова,
в белой пене острова.

Скомкан век, давно немой,
нынче нет пути домой,
только глянцевые страны
через горы-океаны;
там, в реальности иной,
сны безоблачного лета
разворотами буклета
стали сушей островной.

Белый ветер бьёт в глаза,
надвигается гроза,
ураган истратит блёстки,
смывает пальмы и киоски,
рассекая небосвод,
грязью жёлтою залепит
слов и фраз ненужный лепет,
лодку с якоря сорвёт.

Чёлн ума под чёт и нечет
унесёт и искалечит
о коралловый атолл
жёстких дней, наставших ныне;
каждый будущий осколок
погребёт в солёной тине,
чтобы новый археолог
горсть обломков не нашёл.

Он взглянется в микроскопы
в гибель мира и Европы,
мысль мою прочтёт в словах
на застывших островах,
в сетке дырчатой всемирной,
в створках каменного сна,
там, где в берег бьёт эфирный
скудной памяти волна.
11 сентября 2024

Городской романс

Реальность дрожит, как театр теневой,
небо смыкается над головой,
крутится-вертится шар голубой,
на каждом клочке продолжается бой.

Пересечение координат,
увеличение в тысячу крат;
где эта улица, где эта ночь,
где эти дни, улетевшие прочь?

Букву чужую в алмазном венце
вижу в начале и ставлю в конце;
не описать виртуальным пером
не устоявшее под топором.

Звёзды сияют над плоскостью диска,
чёрные дыры проносятся близко,
адским винилом вращается тьма,
въелись мотивы в бороздки ума.

Мысли, как мысы, вдаются во мглу;
буквы, рассыпанные по столу,
я собираю, как бисер, в горсти,
мелкие крохи пытаюсь спасти.

Где эта песня, чей это язык?
Тот ли, к которому с детства привык
в стуже сибирской, полгода в снегу?
Будет ли он на другом берегу?

Хватит ли слов, сохранённых на льду,
в новых краях, куда я попаду?
Мир, надо мною утративший власть,
медленно вертится, хочет упасть.
5 октября 2024

Марина ЭСКИНА

* * *

Сны мне выхолостила война —
этой шлюхе пришлось отдать
параллельную жизнь, что во снах жила, —
ни отец не снится, ни мать.

Даже друг не снится, какие сны,
когда ночью в Украине день,
никакой ностальгии — горя, вины
шапка полная набекрень.

Не боец я словесных и прочих битв,
я — улитка на склоне Фудзи,
кроме Оккама, много есть разных бритв,
но судьба сказала: ползи.

Мне не нужен ни флюгер, чтобы найти
направление, ни GPS,
если зло окажется впереди,
обойду по краю небес.

Обыграю тихим ходом его,
даст Бог, переживу вождя,
хоть улитку так раздавить легко
тёплым утром, после дождя.

март 2023

* * *

Откуда у меня прислушиваться привычка,
на лестнице оглядываться, ступая тише —
пятый этаж без лифта ко мне отмычка;
«Голос Америки» еле слышен
из приёмника у капитальной стенки;
я сижу, прижавшись к папе, на детском стуле,
упираюсь локтями в колени,
молча, чтобы спать не шуганули.

Век мой короток или день дольше века длится,
то и другое в направление заката,
жизнь скатилась, как по щеке ресница,
в воду между двумя когда-то.
Было когда-то или когда-то будет,
я всегда у реки, моря-океана
прячусь, от неизбежных родин и судеб,
жду Левиафана.

* * *

Я на зиму не жалуюсь, что там,
я, скорее, её патриотом
поневоле считаю себя;
на морозом прихваченной горке
я жую апельсинную корку,
варежку беребя.

Шьёт и порет зима без подгонки,
вниз летишь на шершавой картонке,
ледяными ступеньками — вверх,
строго в очередь, всем ведь охота,
так и станешь её патриотом,
чтобы всё как у всех.

Языком на морозе к железке
прилипала по глупости дерзкой,
вкус солёный во рту;
молчаливой и косноязычной
стала, будто все дерзости вычли
платежом по суду.

Но, в порыве везенья ли, страха,
в коридоры мороза и мрака
вышла и заблудилась в лесу,
и уже не вернулась с повинной;
жизнь, как ящерица, половиной
обломилась и всё.

Приросла, прижилась, загудела,
будто выдали новое тело,
как чужое на вырост пальто;
но зимой по привычке суровой
патриотом становишься снова
ни за что ни про что.

* * *

Меня зачали через год после смерти Сталина,
Ещё в коммунальной кухне звенело дело врачей.
Вспомнила мамину всегдашнюю горечь и представила,
Почему отец не хотел, не решался иметь детей.

Старший брат сгинул в Гулаге, другой — на высылках,
Космополит вернулся с войны и в лагерь не загремел,
Немного американского стрептомицина и чёрта лысого
Почти победили фронтовой туберкулёз, всего-то и дел,

Привёз в коммуналку из санатория жену-евреечку
Блокадную, тоже туберкулёзную, зато — врача,
Очутился опять в больнице с кровотечением,
Хорошо хоть было теперь, кому выручать.

Выжить на фронте и умереть от какой-то палочки
Коха, казалось невероятным в тридцать-то лет,
Но дело было плохо, и не для галочки
На комнату посматривал не один, из десяти, сосед.

Какие дети, когда в университетской лаборатории
Прикрывают фронтовика от кадровика —
Мол, он в больнице, дождитесь конца истории,
Сам умрёт, умоете руки наверняка.

Только он не умер, назло кремлю и смольному,
Вагоны на Магадан тоже порожняком ушли,
И упрямая женщина родила ему дочь намоленную,
Чтобы помнила и любила, хоть на краю земли.

* * *

Маме

Из киевского детства довоенного,
Тобой рассказанного, мной (уже) растраченного,
Мне светит солнце сверх обыкновенного,
И деревенское выглядывает, дачное,

Туда везли мешок пшена из города,
А у хозяйки — молоко и тыквы,
И ты не помнишь, так ли было голодно,
Но только речку, печь в избе и мальвы,

Мальчишку помнишь робкого и наглого,
Скоблённый стол, горшок томлёной каши,
И головы у вас обриты наголо,
Еврей-дачники уж не такие страшные,

Деревня пыльная, дни — бесконечно длинные,
Жизнь вольная и всё же настороженная,
С мальчишкой стычки в зарослях малинника,
Коса хозяйки, кренделем уложенная.

* * *

Я могу только запинаться
и ответить воющей зауемью
на зияющий ужас ясности
отражённый твоими глазами
нет, не сто, десять тысяч лет назад,
мир, ты так же сегодня чудовищен...
ямб, хорёк, амфибия... что ещё
дыр бул щыр я могу сказать.

Олег Никоф

Свет

Они спорили тысячи лет
И каждый
Уходя от истины все дальше
В глубине души понимал
Все слова
Только попытка отсрочить
Известную эмбриону правду:
Если тьмы не будет
То как отличить
Её от света
Ведь есть же у нас глаза?

Счастье

Дочь увидев
Полную луну
Обрадовалась
И уснула
Счастливой
Зародыш лотоса
Абсолютно подобен
Взрослому растению
Несчастный

Гармония

Звон разбитого хрусталя
Всего лишь начало
Возвращения
Плавленного песка
К гармонии
Справедливости

Одиночество

Одиночество
Когда сигарета успевает
Истлеть сама
Между двух затяжек
Если есть силы
Высечь огонь
Для другой —
Ещё живу

Вечность

Я видел вечность
Бездомный старик
Сидел на фанерном ящике
И глядя
На сломанные часы
Себя совмещал
С минутной стрелкой

Параллели

И параллели
Должны закончиться
Соприкосновением
Чтоб убедить
Во взаимном существовании
Антиподы
Так иногда оживают
Зомби
Когда катафалк троллейбуса
Вдруг замирает
В бунте
Сорвавшейся штанги

Небытие

Превосходя
Ускорение мысли
Лифт откровения
Выносит усталых
К седьмому небу
И у открытых дверей
Каждого
Небытия новобранца
Грустно встречает
Седобородый старик
Обречённый на вечное
Негрешенье...

Давид ПОТАШНИКОВ

Виолончель

В окне закат лежал ничком был вечер свеж и мглист
и по душе моей смычком вёл виолончелист
и пела мне виолончель о том, что не сбылось
и словно палая листва на сердце улеглось
смычок позвал меня опять под этот листопад
он врачевал за пядью пядь в душе моей разлад,
и завораживая слух густел тягучий звук
он исцелял смятенный дух от горестей и мук
как будто я всплывал со дна, со дна глубоких вод
туда где ветер и луна и звёздный небосвод
среди заоблачных лугов летал я за смычком
и самый резвый из богов ловил меня сачком
зачем набоков не пойму хотел меня поймать
но славный вечер ни к чему и голову ломать
и память душу мне не рви назад не надо мне
когда всё вымокло в крови на дне на дне на дне

Зачем

куда зачем мы все летим бежим летим бежим
 мир не таков как мы хотим и он непостижим
 он бьётся в нас такой живой а мы мертвей мертвей
 а он сияет синевой сквозь кружево ветвей
 а он излучиной реки блеснёт нам на бегу
 там золотые мотыльки роятся на лугу
 и рай за лугом и рекой людей там не видать
 такой немислимый покой такая благодать
 а мы куда скорей скорей опять в который раз
 кормить угрюмых упырей с клыками вместо глаз
 зачем весёлый гомон птиц зелёный влажный луг
 менять на морды вместо лиц и клешни вместо рук
 зачем неведомо куда под вопли вместо слов
 нас тянет злобная орда ублюдков и ослов
 им всё бы вымочить в крови луга и камыши
 хотя казалось бы живи люби ходи дыши
 вся преисподняя рыча ползёт из-под земли
 живое жрать как саранча куда мы забрели
 наш муравейник перегрет и вместо афродит
 как пулемёт безумных грет он яростно плодит
 а бога нет сожжён тоской уже терпеть не смог
 на всё на всё махнул рукой закрыл глаза и слёг...

* * *

Новый день раскрываю на горькой строке,
 и на лбу собирается складка.
 Слышу, ангелы где-то поют вдалеке,
 так печально, протяжно и сладко...
 Я как будто бы тоже на том берегу.
 От волшебного пенья немею.
 Только сладостных слов разобрать не могу.

Только слёз отереть не умею.
Машут призраки мне сквозь полуденный зной.
Это тени далёких и милых.
Папа с мамою молча стоят за спиной...
Только я оглянуться не в силах.
И другая картина мерещится мне,
там не слышно пленительных песен.
Там лежит Украина в крови и огне,
и ползёт по ней чёрная плесень.
Там безумные ангелы в чёрном дыму
у убитых прощенья просят
и невинные души в предвечную тьму
из земной преисподней уносят.
Там земля захлебнулась под чёрной водой
и столетней пещерною злобой,
и чернеет от боли звезда за звездой
над ползущей с востока хворобой.
А вдали, в глубине ханаанских полей,
выпускает свои метастазы
та же чёрная плесень из нор и щелей,
повитуха чумы и проказы.
Не спасти никого, оттого что опять,
отряхнувшись от сна золотого,
опаскудело время и катится вспять;
преисподняя к встрече готова.
Снова истине глотку залили свинцом,
благородство оболгано подлю,
и пещерную падаль терновым венцом
увенчала рептильная кодла,
снова тенью адольфа в обнимку с рябым
как серпом, мир до паха распорот,
и растаял над небом, ещё голубым,
золотой и пленительный город...

Евгения БОСИНА

* * *

На Острове Счастливых Мертвецов,
куда мы приплывём, в конце концов,
под небом, полным звёзд и тишины, —
ни города, ни мира, ни войны,

а только дождь, и сад, и под окном
промокший куст в свечение золотом,
и дверь — скрипит о чём-то: не поймёшь,
пока плывёшь.
А ты ещё плывёшь...

О, нет счастливей тех островитян!
Всё радость: и душица, и тимьян,
и каждый лист, от солнца золотой...
И каждый мёртвый знает, что живой,

ещё живей, чем прежде, может быть,
когда всё думал:
плыть или не плыть?
когда, покинув стылое жильё,
один пустился в плаванье своё.

Давай, плыви! Всего-то ерунда,
совсем чуть-чуть до пункта «никогда»,
до тишины, где мята и чабрец,
где, кто ни есть: пловец или беглец —

увидит сад, колодец — и вздохнёт,
и оживёт,
а после заживёт,
и станут незаметными почти
тот рваный шрам, та дырочка в груди...

* * *

Внизу —
гудело и качалось,
вверху —
горело и рвалось.
В ту осень лето не кончалось,
а длилось, длилось вкривь и вкось,

текло меж пальцами — не мёдом,
не золотым распływом туч,
а дымным серым небосводом —
и проливалось в пустоту.

И жизнь летела по наклонной
в тяжёлом, мутном, липком сне,
и от листка несло палёным —
от календарного вполне.

Вот этим страшным и горелым —
от букв на детском рюкзаке,
от стен, где красное на белом,
от слов на птичьем языке,

от всех незадаанных вопросов,
от звёзд над выжженной землёй...
И длится, длится, длится
осень: жара, октябрь, день седьмой.

* * *

в горячей точке и горючей
на самом краешке строки —
такой простор!
И тучи, тучи —
фаланги, стаи, косяки —

летят, плывут по тьме бессонной,
всё ниже, ниже и быстрее,
мне в этой точке раскалённой
никак согреться...
только в ней,

опасной, яркой, уязвимой,
живой, конечной,
узловой,
так нестерпимо жарки зимы,
так жжёт подошвы шар земной,

и что ни ночь, горят тетрадки
с упрямым почерком моим,
а мне... мне холодно и зябко
в дыму и гари этих зим,

в большой и шумной одиночке,
вон там, в углу, меж трёх морей,
в конце строки, в горячей точке,
горючей, крохотной,
моей...

* * *

проснуться нежным августовским утром
у моря Средиземного под боком:
в окно увидеть складчатые горы
с покатыми зелёными плечами
и небо галилейское над ними,
ещё не раскалённое донельзя.

итак, проснуться августовским утром,
и вдруг под-дых: опять бомбили Киев —
и перестать дышать, и задохнуться,
и превратиться в маленький комочек,
и так, не разжимаясь, день прожить,
в котором словно нет и не бывало
ни облаков растрёпанных над морем,
ни гор в окне, ни самого окна,

а ночью, темень слушая, молиться
из вечности идущими словами,
чтоб защитил Он крепостью великой,
рукою сильной, мышцею простёртой
аллеи в ботаническом, и школу,
и двор наш, райским яблоком пропахший,
и улицы, впадающие в Днепр,
и далее, и выше, и повсюду,
чтоб ни единый волос... ни единый!..
с каштановой прекрасной головы.

* * *

... и в самом конце,
отметая подробности,
погрешности и прочие аберрации:
жить,
не бояться заглядывать в новости,
в себя
и вообще перестать бояться,
слова отменить — эти, которые с «не»
(ладно, два-три оставить, если уж так нужны),
и главное: не писать стихов о войне,
потому что нет...
нет никакой войны.

Ирина ЕВСА

— ЗИМА ВОЙНЫ —

* * *

— Я покину, — сказал он, — хлипкую эту лодку.
Сил всё меньше день ото дня.

Мне война запускает костлявую руку в глотку
и вычёрпывает меня.

Там, внутри, уже — ни листочка, ни лепесточка,
ни обрыва, ни пустыря.

Посмотри, — говорит, — легка моя оболочка,
легче рыбьего пузыря.

Я уже не читаю книг, не включаю телик.

За харчами — и в норку юрк.

Я — законченный псих, затравленный неврастеник.

И не в помощь ни Фрейд, ни Юнг.

Соскреби нас, Господь, стальным своим мастихином
до землицы сырой, до тьмы.

И не надо стихов — какие теперь стихи нам? —
только бдение и псалмы.

Дрожь, как будто ещё не выскочил из простуды.
Стынет воздух на языке.
Я давно уже ем из пластиковой посуды —
прочей не удержать в руке.
Рынок, ёлок предновогодние позументы,
дом в гирляндах, окно
в синих блёстках — не вижу в целом: всё на фрагменты,
на фрагменты расчленено.

А ещё он сказал: «Когда я рассыплюсь в этом
судном взрыве на горсть песка,
собери меня, Боже, заново — не поэтом,
а смотрителем маяка,
что уверен в одном: не тьма управляет светом,
а его рука».

Переход

А теперь записывай: свобода —
переход, пристрелянный, как тир,
где тетрадь расхода и дохода
заполняет ангел-рэкети́р

за спиной лоточника, а может,
лабуха. — Не всё ли мне равно,
кто теперь лишенья приумножит,
если приуменьшить не дано.

Дирижёр небесный, фалдой фрака
синий мел смахнувший со стены,
Ты шутя извлек меня из мрака,
словно звук из клавиш костяных.

Намекни, как музыка незлая
с антресолей шатких шапито,
для чего всё это, ибо знаю,
что нелепо спрашивать, за что.

А в другом и лучшем распорядке
под присмотром ангельской братвы
я была бы овощем на грядке,
гусеницей в кружеве ботвы;

или в синь вкраплённым махаоном,
что с лоскутной лёгкостью порхал
над холмом с лишайником по склонам;
богомолом, хрупким, как Верхарн.

Но свою мучительную коду
продлевая, сумерки креля,
Ты ведешь меня по переходу,
позволяешь целиться в меня,

чтобы я меж волком и лошадкой
завертелась, дернувшись сперва.
... Наклони фонарик над тетрадкой.
Я не вижу. Дай списать слова.

* * *

— Смотри, смотри, — он говорит, —
вон там, налево от угла,
водонапорная горит.
Сегодня башня умерла.

А книжный помнишь? Испокон
в нём жили Фрост, Петрарка, Пруст.
Вчера все внутренности он,
сложившись, выблевал из уст.

А пруд, где я тебя пугал
к мосткам прибившимся жуком?
Там покорёженный мангал
присыпан пепельным песком.

Они, которых «тьмы и тьмы»,
взорвав, разграбив, порубив,
уже убили всё, что мы
обжить успели, полюбив.

Я тоже умер, если что.
Теперь я — видеомонтаж.
Взамен потёртого пальто —
на мне солдатский камуфляж.

Не тронь: я — трэш, я нехорош,
я не из тех, кто ищет слёз.
На свет не выйду — обомрешь:
мне полбашки осколок снёс.

Я — только тело среди тел,
что в яме общей сплетены,
и, если честно, лишь затем
я отделился от стены,

с трудом дождавшись темноты,
боясь не вовремя позвать,
что можешь ты и только ты
меня по шраму опознать.

Беглец

Но у тебя, Господь, есть же какой-то план?
Буду я в нём учтён,
если уйду в отказ, чтобы срывать стоп-кран,
мёд воровать у пчёл,
хлеб отбивать у птиц, ныть, ночевать в полях,
жаться к чужой печи,
грёбанный дрон войны, а не Чумацкий Шлях
оком ловя в ночи?

Если меня проспят зоркие погранцы,
если я по кривой
реку переплыву и, не отдав концы,
вытру лицо травой.
Выдохну: лепота! — радостный идиот —
и не расслышу звук
пули, с которым та в тело моё войдёт,
выбив траву из рук.

Но у тебя, Господь, есть же какой-то план?
Можешь Ты пренебречь
телом, переместив в Твой золотой спецхран
память мою и речь,
страхи, обрывки снов, перепечатки строк —
рукопись той земли,
где, оживи я вдруг, мне б не скостили срок,
если бы и прочли.

* * *

Марине Гарбер

«Господь, — он шептал, — она
должна развалиться на
участки и племена,
стерев свои очертанья,
обрушиться в глушь и тишь,
шуршать в камыше, как мышь,
из действий усвоив лишь
деление и вычитанье.

Казалось мне стыдным до:
“фа” не отличать от “до”,
чилийское от бордо.
Теперь мне плевать на это.
И все мои страхи, сны,
желания сведены
к рассеянию страны,
покинувшей зону света.

Да, пусть разлетится на
безвестные имена
что лягут, как семена
в чужие поля и воды,
чтоб каждый из беглых сих,
жил, как просветлённый сикх,
был невозмутимо тих,
ничьей не давя свободы.

Молчанье Твоё страшит.
А вдруг не перепрошит
Твой слух или нас глушит
страна, что тверда тюрьмою?
Мне легче признать, что нет
Тебя, чем принять ответ:
не тьма поглотила свет,
а свет соблазнился тьмою».

ГОД ПОЭЗИИ 2024

IN MEMORIAM

Аркадий ШТЫПЕЛЬ

(1944–2024)

Аркадий Штыпель детство и юность провел в Днепре, где начал писать стихи сначала на русском, а впоследствии и на украинском языках. В 1965 году был исключен из Днепропетровского госуниверситета по подаче КГБ за попытку издавать рукописный журнал и с обвинениями в формализме, очернении советской действительности и национализме. После армейской службы осел в Москве, где в течение 2000–2010-х годов издал пять сборников стихов. Всю жизнь понемногу сочинял на украинском. В 2016 году в издательстве Киево-Могилянской академии вышел его сборник переводов русской поэтической классики «Моя маленькая хрестоматия». Участвовал в ряде украинских поэтических фестивалей. Сознательно вернулся в Украину в январе 2022 перед войной, жил в Одессе. Последние его книги вышли в Украине в 2024 г. («Сум сурм» и «Восьмистишья», обе Киев: Друкарський двір Олега Федорова).

Елена ФАНАЙЛОВА

Памяти Аркадия Штыпеля

Мудрые люди говорят, что важно не только то, как человек живёт, но прежде всего — как он умирает. В моей печали по Аркадию, с которым я дружила и ценила его стихи, восхищалась его переводами и Шекспира, и русской классики на украинский как серьёзным проектом культурной деколонизации, важна ещё и гордость за него, за его личный выбор. В последний раз мы виделись в Киеве, в начале января 22 года. В предчувствии войны их с Машей созна-

тельным, ответственным решением был окончательный переезд из Москвы в Одессу. Я помню этот разговор как вчера. Спокойный, иронический и стоический. В этом не было никакой позы и драмы, это вообще не про Аркадия. Жить и умирать нужно на своей земле, это был его выбор родной земли и культуры, которой он принадлежал, и которой грозит уничтожение. И как же он оказался прав.

Он продолжал много писать и показывал свою работу на своей странице в Facebook, и никто не мог догадаться, что он борется с болезнью. Это сила профессионального литератора и человеческое мужество.

Аркадий был очень твёрдым человеком. Крепким орешком, который не каждый может раскусить. Он был моральным камертоном для младших. Он был очень добр к живым людям, но нетерпим к их злу, ко злу «добрых людей». Он был настоящим патриотом Украины, он выбрал её сторону, риски были ему неважны, а коллаборация просто недопустима.

Системное мышление человека науки он распространял на структуру стихотворения. Осмелюсь сказать, что его непредсказуемость поэта — из мира сложной доказательности физики. Я смотрю на его парадоксальную художественную оптику через наследие Сатуновского и Холина, боевых офицеров, чьё письмо ломала современная им политическая история. Аркадий не был военным, но в моём уме он остаётся офицером и заслуживает военного салюта.

Приговор, который он написал русской литературе, звучит так:

что уж перечь не перечь
поступью орд
проклял русскую речь
двадцать второй год
фосфор или картечь
миллионами морд
плюнул в родную речь
двадцать второй год
19 июня 22 года

Аркадий ШТЪПЕЛЬ

— ИЗ КНИГИ «ВОСЬМИСТИШЬЯ» —

13.

гуляют тени веток
каляк-маляк
можно так и этак
и наперекосяк

всё можно был бы толк бы
глядишь и повезло
алхимические колбы
копчёное стекло

18.

бутылочка бутылочка
крутись давай
притирочка развилочка
месяц май

время самолучшее
природы торжество
всё это дело случая
и больше ничего.

20.

распылались сухие колеры
листопад такой листопад
наступает радость горе ли
жаль на палый лист наступать

что ли давняя вспыхнет досада
дивная дева обида
средняя группа детсада
девочка фрида

40.

осень спешит выгорать
веранду снежок чистит
приморозился виноград
сизые кисти

местами лиловаты
и нам под серый купол
солнце киловатты
отпускает скупно

44.

кто-то с кем-то когда-то
дальше к чему гадать-то
дальше невнятное что-то
и всё как говорится сложнее

не было нет и не надо
на монохромном фото
легкая дымка сфумато
снег с лыжнёй

64.

вот и лето голоного
феномен ли ноумен
что у мозга головного
на умишке на уме

на мигающем уме
в шуме гаме кутерьме
в апельсиновый закат
катит синий самокат

66.

есть стишок или нет его
разница невелика
с подножки вагона последнего
свисает строка

то закурю то покемарю
всё как-то тревожно
волга впадает в каспийское море
смерть неизбежна

74.

так не бывает
так да не так
день прибывает
на глоток на пятак

мир тесен пень ясен
несколько вёсен
обрывки песен
связка писем

91.

к тем кто слушал бибиси
слетит ангел с небеси
пацанёнок пацанок
рукокрыл босоног

на деревянном самокате
в рубахе белой до колен
ряды неплотные смыкайте
настало время перемен

93.

время настоящее
грамматическое
вроде как ненастоящее
историческое

вдох-выдох
в таком вот ключе
автоматы в пирамидах
ждут часа че

101.

радиочастоты
на попсе попса
где ты как ты что ты
рифма: стрекоза

стрелки ожидания
слёз железа
в центре мироздания
жёлтые глаза

115.

тот век как протяжён он
во весь его охват
с пятном от утюга прожжённым
сто лет назад

морозно-розовая дымка
хороший фон
заколка-невидимка
и безголосый патефон

120.

свыкшиеся пейзажи
ссохшиеся миражи
непонятные персонажи
чёрные мураши

бессловесные буквицы
с печатного листа
машут лапками аукаются
между ними пустота

127.

белое по синему
понизу зелёное
лето летнее
море солёное

жизнь солёносиняя
вся переиначена
горизонта линия
чётко обозначена

144.

стихотворцы заговаривают смерть
а слова проскакивают мимо
как ни крути эта круговерть
необратима неотменима

только мнимосолнечная мгла
мнимомиска с мнимотестом пресным
только времени стрела
с наконечником железным

Игорь ПОМЕРАНЦЕВ

«Мир раскололся, и трещина прошла по сердцу поэта», — утверждал поэт-романтик Гейне. По сердцу поэта Аркадия Штыпеля прошла граница, государственная граница. Он вырос в Украине, долго жил в Москве и вернулся на родину в январе 2022 года: «Мы хотели встретить эту войну вместе со своими украинскими друзьями». Десятилетиями он жил в двух языках, любил их, и они отвечали ему взаимностью. Последние два с лишним года он жил в Одессе, писал стихи, переводил с украинского на русский и с русского на украинский.

Его стихи и переводы свидетельствуют, что языки, в отличие от их носителей, не ведут войн между собой. Стихи могут стоять рядом плечом к плечу, как в книгах Аркадия.

Єсенін

Ми тепер уходимо потроху
В сторону, де тиша й благодать.
Може, скоро і мені в дорогу
Бідолашні лахи призбирать.
Любочки, березові гаїни!
Земле, ти! Піски рівнин, дуби!
Перед цім ось сонмом швидкоплинним
Я не можу приховать журби.
Надто полюбляв я на цім світі
Все, що душу убирає в плоть.
Мир осикам, що, простерши віти
Задивились у рожеву водь.

Дум чимало утікло за гаті,
І чимало поскладав я слів,
І на цій землі на вовкуватій
Я щасливий, дихав бо і жив.
Тим щасливий, що, було, хороших
Цілував, було, качавсь в траві,
І звірин, мов братиків молодших,
Не було, щоб бив по голові.
Знаю я, не квітнуть там гаїни,
Жито-лебідь шию не здійма.
С того перед сонмом швидкоплинним
Мене завжди холод обійма.
Знаю я, в тій стороні не буде
Нив, що золотіють ув імлі.
С того й дороги для мене люди.
Що живуть зі мною на землі.

Богдан Игорь Антонич
(перевод Аркадия Штыпеля)

Черёмуховый стих

Дымится ночь хмельных соцветий
в черёмуховой тёплой мгле,
и, точно звёзды, буквы светят
в раскрытой книжке на столе.

И вот уж стол оброс листвою,
я, вместе с креслом, стал кустом.
Древесной мудрости листаю
черёмуховый вечный том.

Бахыт КЕНЖЕЕВ

(1950–2024)

Бахыт Кенжеев вырос в Москве, окончил химический факультет МГУ. С 1972 публиковался в периодике. В начале 1970-х был одним из создателей поэтической группы «Московское время» (вместе с Алексеем Цветковым, Александром Сопровским, Сергеем Гандлевским). Один из авторов самиздата; с 1977 печатался в эмигрантских журналах («Континент», «Синтаксис»). В 1982 году эмигрировал в Канаду, в 2008 переехал в США (Нью-Йорк).

Игорь МИХАЛЕВИЧ-КАПЛАН

Памяти поэта Бахыта Кенжеева

Ушёл из жизни Бахыт Кенжеев, прекрасный поэт, писавший по-русски, казах по национальности, с 1982 г. живший в Канаде, а потом в США.

Я был хорошо знаком с этим удивительным человеком, в том числе и как редактор литературного ежегодника «Побережье» (Филадельфия, США), в котором он печатался.

Человек он был высокой культуры, интеллигентный, благожелательный, Мастер своего дела. Бахыт любил людей, литературу, живо интересовался всем окружающим. Эмиграция потеряла очень талантливого поэта и не менее талантливого человека. На казахском слово «Кенже» означает самый младший. На самом же деле он был очень даже Большой Человек, около него всегда собирались люди, слушали его высказывания и изречения.

Мне, редактору, было работать с ним легко и приятно. Он внимательно слушал замечания, принимал их или нет и никогда не вступал в полемику. К Бахыту я относился особо ещё и по одной причине. В молодости я подружился с удивительным писателем, казахом, шестидесятником Олжасом Сулейменовым. В то время он был невероятно популярен и знаменит, как автор книги «Аз и Я», которой мы, литературная молодёжь, зачитывались. Книга «Аз и Я» вызвала много горячих споров после её первой публикации в 1975 году. Не только потому, что в памяти потомков будут жить великие литературные произведения древности — шумерский эпос, древнетюркская поэзия, «Слово о полку Игореве», но и потому, что навсегда останутся актуальными проблемы, поднятые в этой книге — национальное самоутверждение и восстановление подлинного родства народов мира в масштабах единой истории человечества. Эта книга посвящена письменным памятникам древности. Его книга была попыткой поэта-мыслителя ответить на вечные вопросы, — «откуда мы пришли и куда путь свой вершим?». Для меня Бахыт Кенжеев был как бы естественным продолжателем дела Олжаса Сулейменова.

Ещё одна была интересная история. Я уже был в эмиграции, жил в Филадельфии, штат Пенсильвания. В городе проходила конференция редакторов, как ни странно, русских журналов — началась перестройка, и вдруг по коридору гостиницы слышу «Игорь, это ты!?». Меня окликает Олжас. Мы страшно обрадовались друг другу, вспомнили наши юные годы. И много, много говорили. В этих литературных разговорах и побасёнках мелькнуло имя Бахыта Кенжеева, молодого литератора из Канады. Он тогда там жил. Так впервые я услышал имя Бахыта Кенжеева. Уже позже я познакомился с его литературными работами.

Вот одно из первых стихотворений, которое я прочитал.

* * *

Зачем придумывать — до смерти, верно, мне
блуждать в прореженных надеждах.
Зря я подозревал, что истина в вине:
нет, жёстче, поразительнее прежних

уроки музыки к исходу рождества.
Смотри, в истоме беспечальной
притих каतालский ключ, и караван волхва
уснул под лермонтовской пальмой.

Так прорастай, январь, пронзительной лозой,
усердием жреческим, пустым орехом грецким,
пусть горло нищего нетрезвою слезой
сочится в скверике замоскворецком,

качайся, щёлкай, детский метроном,
подыгрывая скрипочке цыганской,
чтобы мерещился за облачным окном
цианистый прилив венецианский.

Все разговоры с Бахытом Кенжеевым и общение с ним приносили мне необыкновенное удовольствие. Человек он был умный и многогранный.

Благословенна его память!

Ниже приведены несколько стихотворений Бахыта Кенжеева (2006–2007 гг.) из подборки, опубликованной в ежегоднике «Побережье» № 16 за 2007.

Бахыт КЕНЖЕЕВ

* * *

Если ртуть — суетливый аргентум, то как же кроту
объяснить, для чего закат над его норой
проплывает, как влажный невод? Такая сухость во рту,
что ни первой звезды уже не выпросить, ни второй,

не решить, отделяя минувшее точкою с запятой —
то ли сына-судью родить, то ли эринию-дочь,
чтоб им тоже топтать пресмыкающееся пятой,
а ему — оловянный крест по траве волочь.

Да и я — уховёртка под божьим камнем, а не кощей,
для кого сохранить булавку в утином яйце — пустяк.
Повторится, кто спорит, всё, кроме вызубренных вещей,
вроде ржавых норвежек да мёртвой воды в горстях,

вроде снежного мякиша, вроде судьбы — не плачь,
всё проходит. Нужда научит: всякому за углом
обещают булыжник мёрзлый, а, может быть, и калач,
по делам его злополучным, читай — поделом.

* * *

Вольно зиме-заочнице впотьмах
проситься на руки, отлынивать, лениться,
обменивать черёмуховый взмах
на пленный дух полыни и аниса,
и если так положено во сне —
пускай скулит звезда сторожевая,
пока учусь безмолвствовать, жене
превратности любви преподавая.

Но легче мне: я знаю слово «МЫ».
Немного нас, лепечущих и пьющих,
с копьём неповоротливым из тьмы
на всадников безглазых восстающих —
и не трудней освоить нашу речь,
её напор, зернистый и соборный,
чем земляное яблоко испечь
в летучем пепле жизни беспризорной.

* * *

Там, где шипастые растения, и шпат поверженный могуч,
плывут раскидистые тени шершавых, истощённых туч —
всё прошлое на страсть потратили, и будущее — как и ты;
плывут, любому наблюдателю видны — но только с высоты.

Давно ли, школьною тетрадкою утешен, наизусть со сна
ты пел вполголоса несладкие стихи майора Шеншина?
Давно ль восторги эти загодя, сок вытянувши из земли,
ольхою, и сердечной ягодой, и мхом прогорклым поросли?

Так созерцающий озёрную гладь в острых крапинках дождя
зачем-то просит смерть позорную не хлопать дверью, уходя.
Стирай, душа, простынки-наволочки, ложись верёвкой бельевой —
хрустят ли облачные яблочки в твоей ладошке неживой?

* * *

До дна, до соломинки вымыт —
попынь молодая горька —
померкшие сраму не имеют
сквозь лаковые облака...
Язык, вездесущий с пелёнок.
Колодец. Амбарный замок.
Как жил, так и умер в зелёных
краях, где репейник и мох
в нетопленной роще спесивой
опять под русалочий свист
склоняются перед осиной,
роняющей цинковый лист.

Напившийся уксуса с жёлчью
посмотрит ли на облака
жуком, выползающим молча
из спичечного коробка?
Нет — лишь возопит безответно.
Любой обречённый привык
листать расписание ветра,
срывающегося на крик.
Ах, ангел мой, лучше бы сразу,
покуда гроза начеку...
что молния честному глазу,
его золотому зрачку?

* * *

И забывчив я стал, и не слишком толков,
только помню: не плачь, не жалея,
пронеси поскорее хмельных облаков
над печальной отчизной моей,

и поставь мне вина голубого на стол,
чтобы я, от судьбы вдалеке,
в воскресенье проснулся под южным крестом
в невеликом одном городке,

дождался рассвета, и вскрикивал: «Вон
первый луч!» Чтобы плыл вместо слов
угловатый, седеющий перезвон
католических колоколов.

Разве даром небесный меня казначей
на булыжную площадь зовёт
перед храмом, где нищий, лишенный очей,
малоросскую песню поёт?

Галина ИЦКОВИЧ

Памяти Бахыта Кенжеева: Смерть как самоцитата

Рамки большого поэта — вещь хрупкая, того и глядишь, вторгнутся поэты поменьше и прочие непоэты, желающие услышать мнение, приобщиться, приблизиться, как будто приближение возвысит. Именно поэтому, встречая — пунктиром — Бахыта Кенжеева на нью-йоркских больших литературных чтениях и маленьких литературных междусобойчиках, я и не пыталась приближаться; потому в активе у меня только несколько одобрительных реплик и разве что приглашение разделить содержимое фляжки. Такое наблюдение со стороны, хоть и вблизи, создаёт дополнительную резкость. Если вспоминать, то неизменное лукавство улыбки, иронические присказки, вроде тех же слышанных неоднократно «русофобов и предателей Родины», любопытство — нет, скорее, интерес — к каждому представителю рифмующей братии. Его присутствие было весомым и вкусным.

Я виделась с ним последний раз в мае, на чтениях журнала «East-West Literary Forum». Он был привычно галантен и читал остро и живо, но бледен был какой-то нездешней бледностью.

«Сердце?» — подумала я.

Нет, не сердце. Но через месяц его не стало.

А вот когда большой поэт уходит, начинают собирать крупицы воспоминаний, вчитывать предзнаменования и биографию в стихи.

На сорок дней, когда в «Русском Самоваре» знавшие Кенжеева собрались на вечер воспоминаний и возникли откуда-то видеозаписи с различных встреч, стихи показались предчувствиями. В одной из видеозаписей он рассуждает о том большем, высшем, о чём долж-

на, по сути, говорить поэзия, — не лукавство ли это было? Ведь сам Кенжеев невероятно предметен, привязан к быту и топографии. Единственным высоким, в октаву, звуком в его поэзии является Смерть: «Если смерть не отнимала бы право на любовь и речь...»

А ведь правда, что его лирический (точнее, иронический) герой готов уйти по первому зову «оттуда»:

«как под небесное пение октябрьской ночью трамвай
скрежещет от нетерпения — спой мне скорей, давай,
открывай прощальную истину закуривая на ходу
шурша беспризорными листьями — вот дослушаю и пойду...»

Но он вечно вступает-таки в единоборство со смертью. А смерть у Кенжеева зачастую ёрничающая, скалящаяся, скорее мексиканский мачо, чем православная старуха. И понимаешь, что, столько размышляя о Смерти, по-настоящему он любил именно Жизнь.

* * *

Не хочется читать его последнюю прижизненную книгу, «В дуновении чумы», сквозь призму неожиданной, скоротечной, несправедливой кончины. И всё же: книга насквозь прошита упоминаниями смерти, праха, подземного мира. То предчувствия, то подтрунивания, то бесконечные, почти в каждом стихотворении, отсылки к смерти. Учитывая хронологию событий, морбидное её веселье ужасает. И хочется вступить в беседу. Жаль, теперь уже не в Нью-Йорке.

Мне посчастливилось исполнить поручение вдовы и друзей и привезти из Украины остатки тиража.

— У вас перевес, — покачал головой строгий молодой человек, принимая багаж в аэропорту.

Странно, как тяжела оказалась маленькая эта книжка, плод ковидных лет. Это не метафора: вес Кенжеева в общем багаже русской поэзии несомненен, а потеря значима. Давайте всё же верить, что загробная жизнь, о которой он так много размышлял, существует, и он по праву присоединился к классикам мировой поэзии.

От редакции:

Первая книга стихов Бахыта Кенжеева вышла в США в 1984 г. («Избранная лирика 1970–1981». Анн Арбор: Ардис).

Последняя его книга вышла в Украине в 2024 г. («В дуновении чумы», Киев: Друкарський двір Олега Федорова).

Ниже — одно из стихотворений из этой книги.

* * *

Когда тымышь домашняя, непросто
тебе живётся, разве по ночам
добудешь корочку, сгрызёшь, глядишь на звёзды —
начало всех начал

среди страстей и радостей обильных,
осознавая: право не беда,
что хлебница пуста, а полный холодильник
закрыт богами, как всегда.

И думаешь: мудрец живёт как птица
небесная над вечною водой,
отравленной приманки сторонится,
знай радуется жизни молодой.

А утром — время страха и тревоги,
когда, нахмутив удручённый взор,
огромные неряшливые боги
выходят из подземных нор,

но и они, хоть не страшатся кошки,
суть только бранный ветер и зола,
угрюмо подбирающие крошки
с господского стола.

Давид СЕГЛЕВИЧ

(1950–2024)

Давид Сеглевич (Торонто, Канада) — псевдоним; подлинное имя Александр Рудкевич. Автор научных работ по информационным технологиям, кандидат технических наук. С 1992 года работал в институте Вайцмана (Израиль), а затем — в различных канадских фирмах. Под псевдонимом Давид Сеглевич публиковал стихи и рассказы в русскоязычной прессе г. Торонто, российских, израильских и международных литературных альманахах. Выпустил книгу рассказов «Смена веков» и биографическую повесть «Вдруг вспомнилось». Один из авторов ежегодника «Год поэзии» (Киев, 2022, 2023).

«В июле не стало Александра Рудкевича. По профессии он был математик, программист, кандидат физико-математических наук. Но мы его знаем как прекрасного поэта, переводчика, писателя. Много лет Саша был техническим директором семинара художественного перевода, последние четыре года руководил семинаром прозы, а ещё был капитаном команды клуба «Что? Где? Когда?» Но самое главное — он был добрый, интеллигентный, доброжелательный человек. Нам всем его очень не хватает. Друзья.»

(Марина Липес,
Торонто, Канада)

Портрет сестёр Перовских

Со дна души моей мерцают

Её прекрасные глаза.

Николай Заболоцкий

Пожары, кровь и разрушенья...

Повсюду царствует террор...

Неужто это наважденье

Глядит с портрета двух сестёр?

Застывший кадр цветного клипа:

Две хохотушки нежных лет.

Не серебро дагерротипа,

А маслом писанный портрет.

Две губернаторские дочки,

Одна семья, один наряд,

Но здесь они — поодиночке

И так по-разному глядят!

Мария... Пухленькие щёки,

Причёска, жемчуг — всё при ней,

А взгляд — прозрачный, неглубокий,

Без откровений, без затей.

Не терроризма пандемию

Пророчит взор её простой...

Но что мы знаем про Марию?

— Она была ЕЁ сестрой.

Вторая — скифка, амазонка —
Высокий лоб, бровей размах...
Нет, этот взгляд — не взор ребёнка!
Два чёрных дьявола в глазах,

Тех, что отчаянно пронзают
Всех лет грядущих городьбу
И так упрямо прорицают
Её ужасную судьбу...

Ты ж, осуждая кровь и взрывы,
Метать проклятья не спеши,
А загляни неторопливо
Во мглу на дне своей души.
январь 2015

Алфавитный указатель авторов

Агур, Ольга (Израиль)	295
Аист, Татьяна (США)	517
Амурский, Виталий (Франция)	213
Ахметсафин, Ильдар (Германия)	218
Батальская, Ирина (Германия)	45
Березовская, Дина (Израиль)	491
Берлин, Анатолий (США)	126
Биляк, Елена (США)	307
Бобышев, Дмитрий (США)	311
Бондаревич-Черненко, Лилия (Украина)	73
Босина, Евгения (Израиль)	578
Бриф, Михаил (США)	471
Васильковская, Марья (Украина)	39
Гальберштадт, Анна (США)	546
Гаранин, Дмитрий (США)	281
Гауфберг, Слава (США)	229
Гейдэ, Нина (Дания)	103
Генчикмахер, Марина (США)	541
Германова, Анна (Германия)	14
Голодный, Олег (США)	254
Голубицкий, Денис (Украина)	476
Григорян, Ася (США)	240
Грицман, Андрей (США)	496
Гройсман, Вадим (Украина — Израиль)	30
Гущин, Андрей (Украина)	434
Дашевский, Ханох (Израиль)	362
Диденко, Юрий (Германия)	466
Евса, Ирина (Украина)	583
Емелин, Валентин (Норвегия)	394

Есипов, Виктор (Чехия)	160
Жукова, Светлана (Украина)	438
Зверева, Ольга (Нидерланды)	225
Зелевинская, Галина (США)	328
Зимовец, Елена (Украина)	501
Ицкович, Галина (США)	487, 609
Каган, Виктор (США)	113
Казаков, Саша (Канада)	318
Камянов, Борис (Израиль)	88
Кане, Яна (США)	108
Карпинос, Ирина (Украина)	286
Кенжеев, Бахыт (1950–2024) (Канада)	605, 611
Кириллова, Ксения (Сербия)	276
Кодес, Сергей (США)	234
Козленко, Павло (Украина)	65
Кольченко, Василий (США)	371
Коровниченко, Максим (Украина)	379
Косман, Нина (США)	480
Костинский Андрей (Украина)	22
Костюченко, Андрей (Украина)	138
Курас, Игорь Джерри (США)	332
Лайт, Гари (США)	427
Левитант, Ребекка (США)	174
Лемыш, Анатолий (Украина)	291
Либерман, Анатолий (США)	143, 198
Липес, Марина (Канада)	612
Лобанов, Николай (Украина)	188
Лурье, Людмила (США)	403
Максименко, Олег (Украина)	324
Маркович, Эдуард (Израиль)	208
Мартыненко, Виктор (Украина)	221
Меерсон, Дина (Израиль)	55
Меламед, Ариэла Марина (Израиль)	343

Михалевич-Каплан, Игорь (США)	520, 602
Некрасовская, Людмила (Украина)	60
Немировская, Юлия (США)	556
Немировский, Саша (США)	131
Николаева, Виктория (Украина — Израиль)	17
Никоф, Олег (Украина)	572
Оклендский, Григорий (Новая Зеландия)	506
Охримовская, Марина (Швейцария)	301
Павлова, Вера (Канада)	94
Палад (Украина)	347
Патлис, Семён (США)	442
Песочина, Эмилия (Украина — Германия)	147
Плышевский, Сергей (Канада)	193
Полевая, Зоя (США)	532
Померанцев, Игорь (Великобритания)	600
Поташников, Давид (США)	409, 575
Почтовалов, Николай (США)	79
Пробштейн, Ян (США)	535
Рассыпаев, Вячеслав (Украина)	98
Ратнер, Александр (Украина)	165
Резник, Раиса (США)	357
Рывкина, Инна (США)	484
Рыпка, Ирина (Украина)	352
Савина, Наталья (Украина)	122
Садхин, Георгий (США)	259
Сапир, Ирина (Израиль)	423
Сеглевич, Давид	
(Александр Рудкевич, 1950–2024) (Канада)	613
Стреминская, Анна (Украина)	399
Сулович, Борис (Израиль)	69, 265, 338
Теплов, Андрей (Украина)	50
Толмачёв, Влад (США)	552
Точильников, Борис (США)	384

Троепольский, Михаил (Украина)	447
Трубецкая, Эллайда (США)	512
Тюрина Оберландер, Марина (США)	244
Фанайлова, Елена (Латвия)	592
Фет, Виктор (США)	10, 560
Филиппова, Наталья (Украина)	170
Хенкина, Ирина (Израиль)	366
Хентов, Игорь (Израиль)	153
Херсонский, Борис (Украина — Италия)	249
Чайковская, Екатерина (Украина)	452
Чайковский, Александр (Украина)	457
Чернякова, Лия (США)	33
Шварц, Олег (США)	181
Шенфельд, Ольга (США)	389
Штыпель, Аркадий (1944–2024) (Украина)	593, 594, 600
Щегловитов, Алекс (США)	84
Эпштейн, Михаил (США)	462
Эскина, Марина (США)	567
Юрчук, Ирина (Украина — Германия)	117
Яблонский, Григорий (США)	323, 526
Яровой, Сергей (США)	377

Літературно-художнє видання

ГОД ПОЭЗИИ

(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60 x 84 1/16. Наклад 200 прим. Зам. № 7516
Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 22,06
Гарнітура «Swift».
Підписано до друку 29.12.2024 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/с 24, Київ-205, 04205, Україна,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.